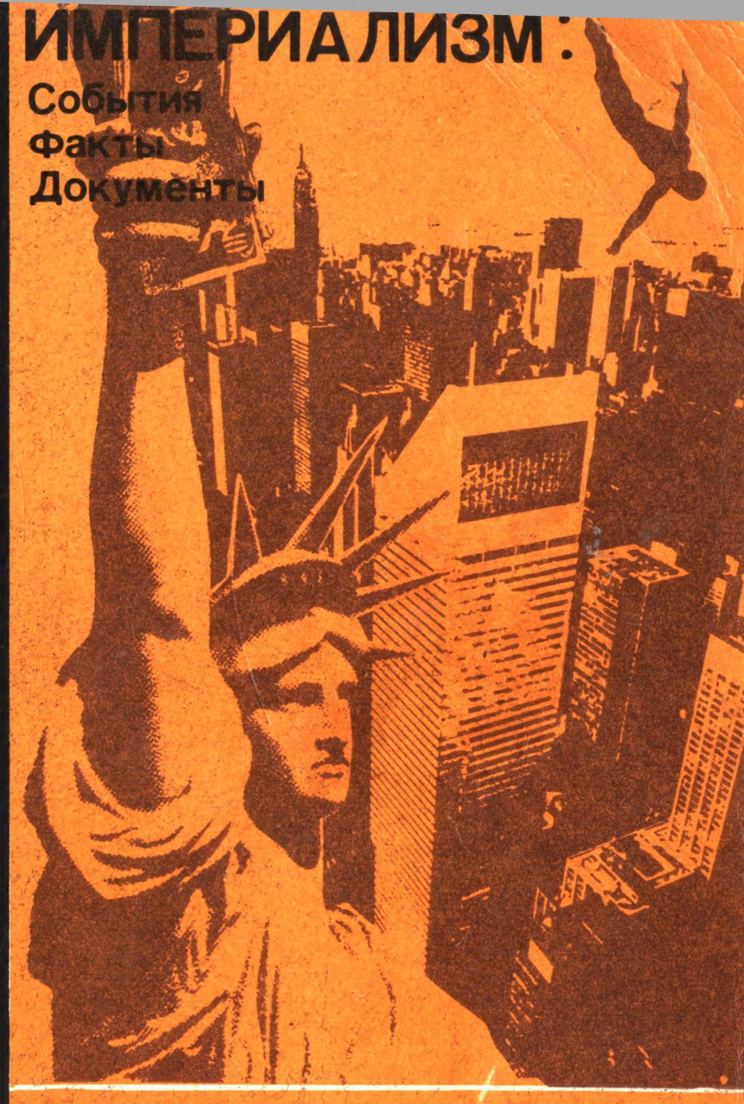
ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ:
События
Факты
Документы

Николай Долгополов

По ту сторону спорта

По ту сторону спорта

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ:

События
Факты
Документы

Николай Долгополов

По ту сторону спорта

Москва
«Молодая гвардия»
1984

75.4(3)
Д 64

Д $\frac{4201010000-165}{078(02)-84}$ 56—84

О чем эта книга?

О спорте, скажет читатель. Видно по названию. Думаю, что просвещенные, то есть не только смотрящие, но и читающие любители спорта хорошо знают Н. Долгополова по регулярным публикациям в «Комсомольской правде». И люди, спорт наблюдающие, и те, кто о нем пишет, живут примерно в одном ритме: вечером событие — утром жажда это событие обсудить, вечером эмоциональное, захватывающее дух зрелище — утром здравое раздумье, анализ, желание сверить свои ощущения и мнения со свежей газетной строкой. С событием спорить трудно — каждое из них уходит в историю спорта в виде секунд, метров, счета, и ничто, даже протесты команд, изменить его не в состоянии. Но мнения вокруг спорта спорны, точки зрения подчас полярны, страсти нешуточны, а потому человека, с которым ведешь постоянный заочный диалог, чью точку зрения либо страстно разделяешь, либо бурно оспариваешь, запоминаешь быстро и надолго — по позиции, пристрастиям и даже манере писать. Если, конечно, и то и другое имеется.

Я знаю автора книги не по подписи под репортажами, а по ежедневной газетной поденщине. Слово низкого «штиля» употреблено здесь умышленно. Газетное дело, как и всякая работа, романтично только со стороны. Читатель мало что знает о ночных дежурствах, правке, «хвостах», ему неведомы «предродовые схватки», предшествующие появлению каждого материала, и тем более ему ни к чему знать о мучительных поисках своей собственной дороги в журналистике, которых не избежал всякий ставший на эту стезю. Но сейчас, может быть, и есть тот самый случай, когда стоит ввести читателя за порог газетной «кухни».

Многие люди в редакции, в том числе и автор этих строк, считали и частенько говорили, что Н. Долгополов мог бы точнее распорядиться своим «капиталом». Великолепно знает несколько иностранных языков, благо закончил языковой вуз. Есть опыт работы за границей, где он провел несколько лет, будучи не журналистом, а профессиональным переводчиком. Словом, есть обширные — и не книжные, живые — знания международной жизни, есть эрудиция, языки и в довершение ко всему — точное, острое перо. На таком фундаменте можно строить судьбу по любому проекту. Скажу больше: в журналистском цехе, как и в любом другом, своя табель о рангах. В каждой газете международники стоят чуть поодаль и выше. Почему? Естественный барьер — знания. Знают языки, политические устройства, чужие экономические законы, терминологию, течения, веяния — много чего надо знать, чтобы стать международником. Дано не каждому. А потому и неудивительно, что люди с таким набором качеств и в редакции нарасхват, да и сами, зная о преимуществах, не прочь использовать их вполне. Н. Долгополов в ответ на все поползновения редакции применить его талант и знания в соответствии с нуждами газеты и штатным расписанием отдела международной жизни на удивление всем отвечал отказом, утверждая, что спорт никогда и ни на что не променяет. Надо добавить: когда в редакцию приходит выпускник факультета журналистики (а это, как правило, человек настолько широкого профиля, что профиль трудно обнаружить), то где же еще без риска для газеты его можно испробовать? Спортом увлекаются все, спорт все знают — попробуем в спорте!..

Шли годы, множились адреса командировок, набухали папки с вырезками личных материалов, опубликованных в «Комсомольской правде», а с годами утихали, теряя смысл, разговоры о выборе журналистского пути — выбрал и выбрал, пусть не самую удачливую, не самую престижную дорогу, но человек сам себе хозяин, какие тут могут быть указчики?..

И вот книга, поставившая, на мой взгляд, окончательную точку в давнем профессиональном споре. Все, что многим, в том числе и автору этих строк, каза-

лось потерями, вдруг обернулось бесценными приобретениями. Написать такую книгу, думаю, мог только Н. Долгополов и мало кто иной. Нужно было изо дня в день — и годами! — видеть, понимать и трактовать в центральной (то есть всеми читаемой и оцениваемой) газете разного рода события в мире спорта, самому, являясь редактором отдела спорта газеты, формировать политику печатного органа в этом направлении (и отвечать за ее проведение!), наживать на этом и авторитет и «шишки», объездить полмира, лично познакомиться с сотнями своих и чужих спортсменов, тренеров, организаторов спорта, знать язык «очков, голов, секунд» и свободно владеть языками иностранными, чтобы написать такую книгу.

То, что написал Н. Долгополов, можно, но вряд ли нужно называть книгой о спорте. Для человека, взявшего в руки перо, спорт в данном случае не предмет, а всего лишь область исследования общества, в данном случае капиталистического. И все те знания, которые, как казалось, пропадали втуне, вдруг сработали: перед вами работа журналиста-международника, который, преднамеренно сузив фокус, тем самым добился, как в фотографии, максимально возможной глубины резкости и деталировки фактуры. Если правда то, что говорят о науке (а люди науки утверждают, что время универсалов кончилось и «погоду» сегодня делают узкие специалисты с неожиданным набором знаний из пограничных областей), то что-то похожее происходит и в журналистике: неожиданный сплав знаний и опыта дает новый продукт.

В фокусе — спорт! Тысячи людей, спортом занимающихся. Миллионы — жадно следящие за всем, что в мире спорта происходит. Молодые, горячие — всегда и все ли зрячие? О фигуре болельщика в последнее время говорится много и часто с тревогой: всем видно, до какого уродства это порой доводит, достаточно взглянуть на размалеванные фасады домов или вспомнить о повадках доморощенных «фанатов». Родилось это не у нас: и атрибутика, и стиль такого «боления» скопированы с западных образцов — скопированы чисто внешне, с экрана телевизора и без особой работы мысли. Именно болельщику, в том числе и тем, кто на английский манер величает себя «Fan», адресована

эта книга, которая, раздвигая экран телевизора, переносит читателя в ту точку, откуда ведется репортаж о международных соревнованиях. И тогда работа мысли неизбежна: вместе с очевидцем событий зритель-читатель видит не только ослепительные улыбки фигуристок или мужественные желваки на лицах канадских «звезд», перемалывающих жвачку, видит большее — жизнь, подчиненную жестоким законам капиталистического общества.

«Истинное назначение американского спорта — в подготовке к войне». Эти слова принадлежат профессиональному военному, ставшему в зените своей карьеры президентом США, — Д. Эйзенхауэру. Хорошо бы помнить об этой стратегической программе всем, кто слушает россказни о полном разграничении политики и спорта. Тем, кто следит за действиями нынешнего президента США, хорошо бы не упускать из виду, что его характер формировал в том числе и спорт: Р. Рейган и его биографы любят вспоминать о времени, когда Ронни был капитаном футбольной команды колледжа, а американский футбол требует жесткости, хруста костей, презрения к боли побежденного.

Развращая публику, сознательно прививая ей вкус к власти силы и насилия, западные околоспортивные дельцы, их вдохновители и покровители пекутся не только о материальных прибылях. Меньше всего простые люди опасаются попасть в капканы лжи, оказавшись на переполненных спортивных аренах. Здесь-то их и подстерегает опасность. Опытные ловцы душ навязывают свою идеологию и спортсменам и болельщикам — думают, постоянно помнят об идеологических установках своего общества. Нечистоплотные махинации, подкуп спортивных профи, игра на низменных интересах зрителей превращаются в рутинный ритуал, никого не печалящий и не беспокоящий. Разбитые надежды, потерянные судьбы — все воспринимается как должное, как составная часть не только спортивной жизни — жизни вообще.

Вспоминаю виденное собственными глазами в Австралии: огромный, фешенебельный спортивный зал, заполненный зрителями, в центре — ринг... На ринге — девушки. Нет, несуразица не в том, что на ринге девушки. Главное, что под ногами девушек месиво

грязи — огромное, черное, чавкающее корыто грязи. С ударом гонга девушки сцепляются в центре ринга-корыта, таскают друг друга за волосы, валяются в грязи, раздают руками и ногами пинки и зуботычины... Зал — мужской, зал хохочет, свистит, улюлюкает, подбадривает схватившихся на «ринге», и после каждого падения тела зрители в первых рядах, спасаясь от разлетающейся грязи, спешно прячутся под полиэтиленовой пленкой, предусмотрительно уложенной на коленях. Но капли их все же достают, припечатываются к лицам, костюмам, воротничкам белых рубах... Думаю: если дать волю бизнесменам от спорта — что от спорта останется? В каких еще непознанных формах можно извалять человека и все человеческое в грязи бизнеса?..

Привыкнув наживаться решительно на всем — от войн до зрелищ, — капитализм с его животными инстинктами пытается подмять под себя спорт, извлекая легкую, но звонкую монету из естественного стремления человека к соперничеству и физическому совершенству. Коммерческий мир, постоянно обновляя свою табель о рангах, в последние годы фиксирует: «Адидас», работающая на спорт, по мировой известности сравнялась с такими давно признанными лидерами, как «Кока-Кола» и «Фольксваген». Фирма даже карту мира раскроила на свой лад — в форме трилистника (эмблемы «Адидас»), и в этих вселенских притязаниях нет особых преувеличений: чем стремительней распространяется по планете спорт, чем больше футболок, кроссовок, кепчонок и прочего ширпотреба выбрасывает на мировой рынок «Адидас», тем сильнее ее явная и скрытая власть в мире спорта, не говоря уже о положении в мире бизнеса. Сказать, что фирма потрафляет нуждам спорта, экипируя его, значит сказать только часть правды: ради прибылей фирма навязывает моду, очередными новинками втравляя имущих и неимущих в бесконечную и бессмысленную гонку приобретательства.

Ну ладно, здесь деньги хоть как-то заработанные. Возьмем чистый спорт. Возьмем святое в спорте — огонь Олимпиады. Новое изобретение с клеймом «Сделано в США»: отныне к факелу с олимпийским огнем может стать причастным каждый. Очень демо-

кратично: рецидивист и многократный чемпион, член мафии и убийца-самоучка, дряхлеющий миллионер и сутенер — любой, кто может выложить кругленькую сумму, вправе купить себе отрезок эстафеты и тем самым приобщиться к Олимпиаде. Понятен взрыв возмущения в мире. И понятнее, очевиднее всем животная сущность капитала. Будь его воля, он многое изменил бы в мире спорта. Ах, какие еще возможности не использованы!..

По всему видно: книга замышлялась давно, и автор, зная цену каждому событию или повстречавшемуся человеку, с репортерским педантизмом заносил в блокнот не только ощущения, но и фактические данные. В итоге нет беллетристики — есть документ: каждый герой имеет свое точное имя, адрес, род занятий. Именно документальностью, точностью информации и обилием редких ситуаций, в которых вместе со спортсменами оказывался и автор, подкупает эта работа. Для иного писателя уникальной ситуации — два месяца советскому журналисту довелось работать в составе знаменитого ансамбля «Холидей он Айс»! — было бы достаточно для самостоятельной книги. Для Н. Долгополова это всего лишь глава.

Вы занимаетесь спортом? Просто болеете на стадионе или у телевизора? Или же предпочитаете путешествия, познание других стран и народов, нравов, обычаев? Прочитайте книгу, оказавшуюся у вас в руках. Она как раз о том, что вас интересует.

Н. БОДНАРУК,
заместитель главного редактора
«Комсомольской правды»

Много будней в празднике

Какой вид спорта самый популярный у зрителей? Иногда мне хочется расставить каждую спортивную дисциплину строго по росту или по ступенькам. Но такой классификации нет и скорее всего никогда не будет. Нетрудно догадаться: на недостижимую для остальных высоту забрались бы многоуважаемые гранды: футбол и хоккей. За ними бы удобно устроились плавание и легкая атлетика. Пониже...

Впрочем, к чему обижать спортсменов и болельщиков, отдающих время и силы на занятия другими спортивными дисциплинами или их созерцание. Однако берусь утверждать, что набравшее скорость фигурное катание с каждым годом подбирается к лидерам ближе и ближе. Довелось познакомиться с фигуристами и мне. Знакомство получилось не совсем обычным. А напомнило о нем случайно попавшееся на глаза газетное интервью. Экс-чемпионка мира по фигурному катанию Дениз Бильман из Швейцарии делится первыми впечатлениями о работе в профессиональном айсревю «Холидей он Айс». Дениз Бильман я восхищался только по телевизору, а вот с «Холидей он Айс» знаком неплохо. И поэтому верю каждому слову попавшей в холидеевскую паутину Бильман: «Нравится ли мне моя новая жизнь? О, это какой-то кошмар. Я делаю только то, что мне велят, лишена собственного мнения. Никто не пытается выяснить, нравится ли мне музыка, под которую выступаю. Мне идут современные молодежные костюмы, но раз за разом меня облачают в нечто «романтическое». И вот так все время приходится делать совсем не то, что по душе. А я хочу остаться фигуристкой».

Но одного хотения, пусть и прославленной Бильман, все равно мало. Вот в разговор вступает менеджер ансамбля: «Солисты, которые давно выступают в нашем ревю, умеют «подать и продать» себя как можно дороже. Дениз быстро научится трюкам и достигнет успехов в нашей профессии».

В этой немудрено-нагловатой речи мне слышится не подлежащий обсуждению приговор мечтам и желаниям Бильман. Сколько подобных надежд вдребезги разбивалось в «Холидее». Свидетелем некоторых крушений пришлось быть и мне. Рушилась жизнь. В прах разбивались идеалы. И все ради денег...

* * *

До чего же уныл и как по-своему прав этот швейцар из киевского ресторана «Москва»:

— Женщин в брюках по вечерам не пускаем.

Мольбы тоненького и прыщавого мальчика-переводчика остаются безответными. Вздохнув, он деликатно переводит слова человека в галунах высокой блондинке. Мгновение, звук расстегиваемой молнии, брюки — в руках блондинки, а с жакета, здорово не дотягивающего до колен, снят ремешок. Девушка юрко проскальзывает в дверь, на ходу бросая переводчику: «Ник, спроси, как ему нравится моя мини-юбка?» Переводчик смущен, будто брюки снял он сам, швейцар, немало повидавший на швейцарском веку, ошарашен: «Кого вы к нам привели?»

— Это ансамбль «Холидей он Айс», — нелегко вздыхает мальчик и торопливо семенит в зал. Он устало догадывается, что происходит в ресторане. Ложки отложены, рты раскрыты, брови подняты. Кто-то при виде пестрой, загримированной, в какую только экзотику не одетой толпы обязательно поперхнется и никак не сможет унять налетевший кашель. А артисты, громко переговариваясь на мешанине из полудюжины европейских языков, привычно, не обращая внимания на реакцию публики, займут заказанные столики. Энергично подгоняя официантов и не соблюдая явно не ими придуманные правила этикета, уже через тридцать минут фигуристы усядутся в автобусы: надо торопиться на представление.

— Наш праздник всегда на колесах. Нам нельзя опаздывать, и поэтому все можно, — любит повторять рыжий администатор-ирландец Билли Стюарт.

Они прилетели спецрейсом Милан — Киев, и я, тогда студент Московского института иностранных языков, ждал их приезда, как встречи с праздником. «Холидей он Айс» — «Праздник на льду» — знаменитый американский балет на льду, на который водили в детстве папа с мамой, врезался в память знаменитым олимпийским чемпионом Диком Баттоном, бравурной музыкой, красивыми афишами и смешными клоунами.

Один из них, Билли Стюарт, раньше выступал с маленькой макакой-фигуристкой. Потешная обезьянка на забавных конечках послушно прыгала через волшебную палочку. Она действительно была волшебной, эта палочка, по которой изобретатель Стюарт пропускал в нужные моменты электрический ток и, если макака капризничала, ласково чесал ее на виду у всей честной публики за ушком. Так что дрессировщик Билли был еще тот. До нашего дедушки Дурова ему ой как далеко. Но об этом я узнал позже, разъезжая по стране с ансамблем.

Кстати, и сейчас ни мне, ни Билли тоже не до смеха. Оба мы выступаем в ролях новых и непривычных. Стюарт сломал ногу — случай в профессиональном балете трагически-типичный. Потерял сначала кураж, потом работу и только недавно взят на службу в труппу. Администратор из Билли получается жесткий, его побаиваются артисты, а он боится хозяев «Холидея» и поэтому на удивление суров с бывшими коллегами. Я же решил во что бы то ни стало избавиться от русицизмов в английском и пообщаться с истинными носителями языка. Очень стараюсь нигде не ошибиться и ничего не проворонить. Поэтому и ошибаюсь и зазевываюсь.

И с языком вышла легкая промашка. До сих пор упрямое сознание хранит подарок от «Холидея» — запас однотипных слов, именуемых в английском четырехбуквенными, в русском — матерными. Ругаются и проклинают белый свет все — от девочки из кордебалета до главного менеджера. Американцев с англичанами в труппе, к моему удивлению, не слишком много. Зато людей каких только гражданств и национальностей не повидал! Назовите любую западноевропейскую страну — чур не Люксембург с Лихтенштейном, — и в балете отыщется ее достойный или не совсем достойный представитель. Да что европейцы! На лед выходили австралийцы, новозеландец и даже в первый и последний раз встреченный в нашей стране южноафриканец. Попадались люди и вообще для нас непонятные — без подданства. Особый переполох это вызвало почему-то в Ростове-на-Дону.

— Понимаете, так не бывает, — терпеливо объясняла немолодому комику Дезмонду Скотту дежурная

по гостинице. — У каждого должна быть национальность, родина. Так вы кто?

— Я? Был австралиец, — признается Скотт.

— Товарищ переводчик! — это уже ко мне. — Оставьте ваши московские шуточки. Тоже — «был австралиец».

— Понимаете, у них есть несколько таких. Вы не расстраивайтесь. Я вам завтра объясню.

Объяснить это нелегко. Понять — еще труднее. Оправдать — невозможно.

— Ну зачем нужно подданство? — втолковывал мне Дезмонд. — Гражданство — значит, обязанности, зависимость и, главное, огромные налоги. К чему отдавать деньги государству, когда есть свой карман. Жалко долларов. Накоплю побольше и поселюсь на каком-нибудь небольшом островке. Открою ресторанчик...

Я, юный третьекурсник, спорил до хрипоты. Убеждал. Взывал к совести и гражданскому долгу.

— Но у меня же нет гражданства, а следовательно, и долга, — усмехался Скотт. И вновь, будто игла по заезженной пластинке: — Все, что я зарабатываю, остается мне. Я не плачу налогов...

Не все ребята из «Холидея» были такими жадными накопителями. Но подобного скопища собранных вместе, алчущих, откладывающих, считающих и пересчитывающих, дрожащих над деньгами, не видел и больше не увижу. Накопить и выгодно вложить — к этому сводились примитивные думы и невысокие стремления. Множество разговоров вертелось вокруг маленького магазинчика или фабрички, которую обязательно купят или откроют, когда закончатся бесконечные разъезды и переезды. Жгучая тайна не переставала волновать умы: сколько получают солисты-звезды? Вокруг этого строились, разрушались и опять возникали десятки догадок.

Тяга к доллару пестовалась холидеевскими боссами сознательно и обдуманно. Солистам запрещалось обсуждать с кем-либо свои контракты, на расспросы о заработках приказывалось отвечать, что они исключительно высоки. Только двое в труппе могли бы дать ответ на больной вопрос. Но тучный и довольно доброжелательный главный менеджер труппы Хельмут Эк-

карт из ФРГ и общительный, как стебелек, тоненький бухгалтер-голландец Руди Вриике хранили молчание. Почему-то вышло, что мы подружились с Вриике — парнем простым, любознательным и о делах денежных, несмотря на профессию, думающим мало. Дружба не осталась незамеченной. Ко мне ходили целыми делегациями: «Ник, спроси у Руди, сколько платят Машковой», «Узнай у своего друга, много ли выколачивают Форд и Таулер». Я бледнел от злобы и говорил «ноу». Вскоре ходить перестали.

В конце каждой недели Вриике из скромного бухгалтера превращался в главное действующее лицо «Холидея». Улыбающийся Руди появлялся перед представлением с небольшим переносным сейфом, и вокруг моментально вырастала густая толпа. В крошечных запечатанных конвертиках выдавалась — без всяких росписей в ведомостях — зарплата. Люди отходили в уголок, пересчитывали деньги, шептали под нос нечто беззвучное и возвращались к Руди. Денег почти всегда оказывалось меньше, чем полагалось по контракту. Заболел, простудился, пропустил хоть номер — вычет. Не катался из-за болезни неделю — вот тебе пустой конверт с пожеланием поскорее вернуться в строй. Ушиб, растянул мышцу или, не дай бог, поломал руку, ногу — будешь без зарплаты месяц-другой, а потом в конверт вложат извещение об увольнении. И никаких профсоюзов, защищающих права артистов, никаких медиков, врачующих профессиональные травмы. В ансамбле о таком и не слышали. Наш врач-массажист, откомандированный в распоряжение айс-ревю любезным «Госконцертом», недели полторы маялся от спокойной жизни. А фигуристы хромали, кашляли, накладывали лед на ушибленные коленки. Объяснялось все примитивно: боялись, лечение дорого обойдется. Но когда разобрались — распробовали, узнали о нашей бесплатной системе, то, честное слово, прошли чуть ли не полный курс медосмотра у докторов и запаслись на годы вперед лекарствами. Поразило и полное отсутствие каких-либо оплачиваемых отпусков. Двухнедельные каникулы раз в году в перерывах между гастролями и только за свой счет.

Еще о системе штрафов. Развита она чрезвычайно. Упал на льду — недосчитался нескольких долларов.

Не так отработал номер — опять минус. Забыл воткнуть цветастое перо в театральную кокарду — готовься к вычету. И так далее...

Но один вид штрафа — за употребление алкоголя незадолго до или во время спектакля — казался мне справедливым. Не будь его, некоторые попросту спились бы. Увлечение спиртным, переходящее в нездоровое пристрастие, было повальным хобби половины ансамбля. Отдыха без этого не мыслилось. Тупые пьянки после представления продолжались до утра — за них не штрафовали. И если уж выдавался в сверхплотном расписании свободный денек, он использовался в «Холидее» со значительной прибылью для нашей винно-водочной промышленности. Разговоры типа «кто сколько выпил» занимали второе место за нетленной темой «кто сколько заработал». Особым шиком считалось получить штраф за выпивку прямо во время спектакля. Лихо подскакивали на коньках к буфету, заказывали бокал шампанского и кричали Билли Стюарту: «Запиши!» Тот громогласно объявлял: «Штраф — пять долларов». Бокал залпом выпивался под одобрительные крики и свист актерской братии.

Однажды мы, переводчики, попытались провести душеспасительную беседу о вреде алкоголя в целом и украинской перцовки в частности с шестнадцатилетней датчанкой из кордебалета. Та хлопала красивыми глазенками, мило улыбалась и непонимающе твердила: «В «Холидее» все говорят, что у вас дешевые крепкие напитки». Даже эту хрупкую стеночку было не сломать. А девочка на нас обиделась. Над ней начали подсмеиваться подруги: «Русские переводчики заботятся о твоей нравственности».

О нравственности заботиться не приходилось — бессмысленно. Книжные страницы не выдержат описаний творившегося в труппе. Я не верил глазам, слуху, спрашивал, может ли быть так, у милейшего доктора-массажиста. Тот сплевывал и мрачно цедил: «Не обращай ты, Коля, внимания на эту распущенность».

Да, необычно столкнуться и прожить в нашей стране, хоть и всего-то два месяца, с людьми, ведущими совсем не наш образ жизни. Многое поражало, ошарашивало. Стоило кому-то из артистов слечь, попасть

в больницу — и о нем забывали, как о вещи ненужной и к употреблению негодной. Навестить больного, купить что-нибудь повкуснее, наконец, просто сходить за лекарством... Даже вчерашние сожители без жалости отворачивались от партнера или партнерши, шустро и не стесняясь подыскивали кого-нибудь подоступнее, поздоровее. Абсолютно не выдерживали проверки на дружбу, человеческое участие и хорошо спившиеся застольные компании. По больницам и аптекам бегали мы, переводчики: не хотелось бросать в беде мало, но все-таки знакомых людей. Скажу откровенно — особой благодарности наши заботы не вызывали. Чувствовалось скорее непонимание, настороженность, тревожное ожидание: вдруг что-нибудь за это попросят. Собранное из разных уголков земли балетное племя жило лишь деньгами, сиюминутными удовольствиями, пьянством.

Владельцам «Холидея» было поразительно легко держать в полном и безоговорочном подчинении и блестящих прим, и кордебалетных мальчиков. Разобщенные, эгоистичные, благодарно хватающие на лету любую денежную подачку, артисты представляли идеальный материал для подавления, угнетения и выкачивания тех самых долларов, за которыми они устраивали такую вихревую гонку.

Политикой не интересовался никто. Упоминание фамилии любого политического деятеля, кроме президентов Кеннеди или Никсона, вызывало пожатие плечами и стандартную просьбу повторить имя по буквам. Повторение, естественно, не помогало. И это несмотря на то, что некоторые объехали полмира. Были и рекордсмены из рекордсменов. Среди них южноафриканец Титч Сток, гастролировавший в 70 странах. Если поездки и прибавляли багажа, то не политического.

Крупным эрудитом слыл Билли Стюарт. Он и вправду отличался от остальных. Читал газеты и серьезные книги, а не только комиксы, что было для «Холидея» необычайнейшей редкостью. Как-то Стюарт надумал блеснуть знаниями перед рабочими Ростовского Дворца спорта. Я внимательно переводил. Разговор напоминал беседу студента-дипломника с нахватавшимся верхов, самоуверенным семиклассником.

Ростовчане знали об Англии и ее политиках побольше ирландца. Рыжий администратор был окончательно разбит, когда осветитель в шутку спросил, не приходится ли он родственником бывшему министру иностранных дел Великобритании Стюарту? Билли о таком не слышал, попросил повторить фамилию по буквам и тут вдруг понял: оплошал. После этого в споры не вступал и не уставал удивляться: «У вас очень политически активные рабочие».

Холидеевская компания и не стремилась набраться хоть крупиц каких-то знаний. Даже то, что само шло в руки, отвергалось вяло и безучастно. Помню, мы долго спорили, сколько автобусов заказывать для экскурсии по Киеву — четыре? Три? Не мало ли? Не приведи господь, кому-нибудь придется постоять — поднимется такой крик! Порешили на трех. Утром два шофера погнали автобусы обратно в гараж. Красный «Икарус» был заполнен едва на треть. Как выяснилось впоследствии, та, первая, киевская, экскурсия осталась рекордной по количеству экскурсантов.

Не сгущаю ли краски? Не навожу ли напраслину на артистов? Неужели не нашлось среди них милых, любознательных, приятных в общении, хорошо относящихся к нашей стране и к нам — ее представителям? Были. Немного, но были. В основном знаменитые фигуристы-любители, превратившие увлечение в выгодное временное ремесло. Поверьте, во мне говорит не моя теперешняя привязанность спортивного репортера к настоящим спортсменам. Экс-чемпионы и в самом деле оказались человечнее остальных. Бациллы жадности и эгоизма, с чудовищной быстротой распространяющиеся в благодатной среде ансамбля, не поразили или не успели еще до конца поразить этих славных ребят. Они хорошо знали советских фигуристов, с удовольствием встречались с ними в Москве и вели бесконечные разговоры, в которых чаще всего звучало: «А помнишь?» За долгие годы в большом спорте чемпионы привыкли к честному соперничеству и частым переездам, но не к однообразно-унылой полупьяной жизни и свирепому духу накопительства. Им было не по себе. У них не прибавилось друзей, оставалось свободное время, а убивать его на бесконечные кутежи не хотелось.

Пожалуй, отправившиеся с нами на экскурсию по Киеву и были лучшими людьми «Холидея». Впереди на первом сиденье — многократные чемпионы мира и Европы по танцам англичане Диана Таулер и Бернард Форд. Они царствовали на льду до наших Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова. Типичные и, главное, достойные представители английской танцевальной школы, Диана и Бернард поражали до автоматизма отточенной синхронностью движений и не убывающей с годами скоростью. Лидером пары был в отличие от подавляющего большинства других спортивных и танцевальных дуэтов элегантный и несколько суровый партнер. Диана — скромная, молчаливая и ужасно застенчивая — боялась одного его взгляда. Таулер и Форд не состояли ни в каких родственных связях — случай для фигуристов редкий.

Как-то Бернард поведал мне невеселую историю подписания контракта с «Холидеем». Некрасивая и в то же время удивительно обаятельная Диана грустно кивала головой в такт рассказу (они и тут действовали синхронно). Дуэт собирался выступать в соревнованиях и дальше, не случись с Берни несчастья. По нелепой оплошности он, уже известный фигурист, свалился в Лондоне с крыши двенадцатиметрового здания. Видно, господь бог тоже болел за фигуристов: Форд чудом не угодил на валявшиеся под окнами железки. Отделался счастливо — перелом трех ребер и разбитая коленная чашечка. Ребра срослись быстро. Над коленом долго колдовали умелые хирурги. Через шесть месяцев полностью зажила и нога. Но все сбережения скромного лондонца ушли на баснословно дорогое лечение.

Форд — Таулер четырежды подряд побеждали на чемпионатах страны, Европы и мира. И не выиграли на Олимпийских играх, вероятно, потому, что медали в танцах на льду на Олимпиадах тогда не разыгрывались. Выдающиеся успехи дуэта заставили расщедриться на высокую награду — медаль Британской империи — даже правительство, обычно скуповатое на проявление любви к английским спортсменам. Титулы прибавляли славы, но не материального благополучия. Владельцы профессиональных ледовых шоу приглядывались к Таулер — Форд все пристальнее, все внима-

тельнее. Диана с Бернардом и не подозревали: круг сужается, петля затягивается...

Ясно, что на кордебалете и пышных костюмах долго не продержаться. Нужны громкие имена, высокие звания, манящие капризную и разборчивую публику. Селекционеры, или, откровенно, вербовщики «Холидея» не пропускают ни единого крупного состязания. Говорят, змеем-искусителем часто выступает двухкратный олимпийский чемпион американец Дик Баттон. Журналист и телекомментатор, он красочнее других расписывает прелести, в основном денежные, профессионального балета. «Холидей» получает солистов-чемпионов, Баттон, по слухам, — комиссионные от ансамбля.

После раздумий, колебаний и отказов подписали контракт и Форд с Таулер. Диана долго сопротивлялась. Отличной стенографистке и машинистке не грозила безработица. Но Берни просил, настаивал, уговаривал и уговорил. Даже мне было видно: Диана сомневалась не зря. Она не прижилась и не могла прижиться в «Холидее». Единственную отдушину находила в тренировках и занималась так самозабвенно, что я, грешным делом, засомневался: не собирается ли Диана вернуться в спорт с новым партнером. Старался и Форд. Они, по-английски холодно игнорируя всеобщие насмешки, соблюдали спортивный режим и катались будто в чемпионские времена.

Оба скучали без настоящих соревнований. И, вымолив у хозяев «Холидея» несколько дней отпуска, выиграли на льду «Уэмбли» первенство мира по танцам среди профессионалов.

Но как грустила Диана!.. У ее партнера была важная цель: побыстрее накопить деньги и открыть школу фигурного катания. А Диана, равнодушная к финансовым заботам Берни, считала пребывание в ансамбле пустой тратой времени. Скучала и каждый день звонила в Англию маме. Получив телеграмму о болезни кого-то из близких, и вовсе уехала домой. Форд нервничал, уверял: телеграмма — нехитрый предлог, чтобы смыться из балета. Прождав партнершу неделю, Берни последовал вслед за ней. Короче, роман англичан-чемпионов с айс-ревю продолжался недолго. Сейчас с удовольствием вижу чуть потяже-

левшего и поседевшего Берни на первенствах мира и Европы. Тренер Бернард Форд воспитал на лондонском катке Стритхэм немало хороших фигуристов. Сейчас он тренирует спортсменов Канады.

Однако вернемся к нашей киевской экскурсии. За Таулер — Форд притулился маленький, прямо-таки портативный канадец Дональд Макферсон. Он, кстати, очень похож на теперешнего победителя мировых чемпионатов американца Скотти Хамильтона. Хочешь поссориться с Доном — назови его экс-чемпионом мира в мужском одиночном катании. Сколько зим и первенств пробежало-пролетело, а милый, упрямый канадец не желает примиряться с ненавистной ему приставкой «экс». Макферсон твердо стоит на своем: «Чемпионского звания я никому не уступил». Есть в этом утверждении и доля некоторой истины. Он выиграл мировой чемпионат в семнадцать лет, победив целую компанию гремевших тогда звезд: Шнельдорфера из ФРГ, француза Кальма, чеха Дивина, австрийца Данцера и личного врага и антипода американца Аллена — любимца фортуны, публики и судей. Макферсон убежден: продержись он год в любителях, выиграл бы Олимпиаду. Но не продержался, не удалось. Чтобы заплатить за тренировки сына и отправить его на чемпионат мира в Европу, родители канадца продали машину, заложили дом. Пошли и на крайнюю меру: взяли в банке многолетние взносы, уплаченные за страховку жизни.

Итак, Дональд вернулся домой победителем. До Олимпийских игр оставался ровно год. Договорился с владельцами арены, что будет тренироваться в самое неудобное и, следовательно, дешевое время — шесть утра. По вечерам мыл посуду в кафетерии. Бросил, так и никогда не закончив, школу. Выскреб, именно выскреб необходимые на авиабилет и прочие расходы доллары, но не выдержал напряжения — заболел. Родители сказали: решай все без нас. Он мечтал об Олимпиаде, но, не докатившись до нее, заключил контракт с профессиональным айс-ревю. Наверно, с тех пор его красивое личико хранит по-детски обиженное выражение. Дональд считает себя обойденным судьбою. Иногда, особенно хорошо откатав номер, он спрашивает меня тоненьким, ломающимся голоском:

«На Олимпиаде я был бы первым. Веришь?» Вопрос сложный, однако я по правде верю. Дон легок, как перышко, и на льду не щадит себя, совершая бесконечные комбинации из тройных прыжков. Что же делать, если действительно не судьба. Зато другую мечту — более прозаичную, навеянную «Холидеем», Макферсон выполнил. Прослужив энное количество лет, ушел из ансамбля и вместе с близким другом, режиссером того же «Холидей он Айс» Карлом-Хайнцем Крамером купил в Западной Германии магазинчик, где торгует шляпками, сумочками, а также зонтиками и перчатками.

Занята в сфере торговли и олимпийская чемпионка, неоднократная победительница мировых первенств в одиночном катании Сьокье Дийкстра из Голландии. До недавних пор разносила пирожные, шоколад и прохладительные напитки в шведском цирке «Скотт». Путь от олимпийского пьедестала к профессии разносчицы сладостей пролег через «Холидей он Айс». Высокая и мощная голландка чем-то не понравилась холидеевским боссам. Строптивостью? Излишней принципиальностью? Слишком отстаивала собственное «я», говорят, чересчур резко спорила с режиссерами. В результате быстро лишилась сольных партий и появлялась на льду в маленьких рольках. Однажды нашла в конверте с зарплатой письмо с искренней благодарностью за сотрудничество и предложением подыскивать новую работу.

Дийкстру в ансамбле я уже не застал. Но одно имя «Сьокье» заставляло трепетать и самых бесшабашных танцоров. Призрак знаменитой голландки, выброшенной на улицу за ненадобностью, угрожающе витал в воздухе, угодливо напоминая: «Такое может случиться в «Холидее» с каждым. Не ты ли следующий?»

...Чехословацкая фигуристка Хана Машкова и не помнит, сколько же раз приезжала в СССР. Здесь Ханке нравится, тут у нее много друзей. Гостиничные номера, в которых останавливается высокая черноглазая красавица, напоминают цветочные киоски в разгаре лета. По количеству преподносимых букетов с Машковой в ансамбле не может соперничать никто. Она в прекрасных отношениях с остальными спортсменами-

чемпионами и в натянутых — с подавляющей частью труппы. Многократная победительница национальных первенств, экс-чемпионка Европы с разрешения Чехословацкого союза физического воспитания подписала контракт с одной целью: повидать мир. Ханка ведет нечто вроде дневника, где записывает, что увидела и посмотрела. Появится в нем и запись об этой киевской экскурсии. Дома Машкову терпеливо ждет жених. Хана успела получить диплом, и выступление в ревю для нее как бы слегка затянувшаяся, но все же увеселительная поездка. Есть у Ханки небольшая слабость. Любит она вкусно поесть. И поэтому в каждом городе обходит мало-мальски приличные рестораны, заказывая в них только фирменные блюда. Так Машкова расплачивается за годы строжайшей диеты — Ханка всегда была склонна к полноте. Вес солистки № 1 катастрофически растет, в прыжках не чувствуется былой элегантности и удали. Машкову сурово штрафуют, а она широко улыбается: «Все равно скоро домой».

Больно писать эти строки. Однако ничего не поделаешь, надо. Дома Хану не дождались. Незадолго до истечения злосчастного контракта Машкова погибла в автомобильной катастрофе во Франции.

Помимо обоймы первоклассных чемпионов, в ансамбле служат звездочки размером поменьше, потускнее. Например, в труппе, где пришлось переводить мне, отрабатывали свои номера победители первенств США, Японии, ФРГ, Скандинавии. Они катались не блестяще, но вполне профессионально.

Читатель наверняка уже догадался, что этот рассказ не опыт рецензии на айс-шоу. И тем не менее скажу: ревю заслуживает того, чтобы на него посмотреть. Получишь удовольствие от встречи с прославленными чемпионами, послушаешь со вкусом подобранную музыку, разглядишь шикарные костюмы и оценишь четкую работу вымуштрованного кордебалета.

Только тесно связанные с таинственным миром искусств знают, как прочно зависят артисты от незаметных и никому не известных осветителей, без которых не обходится никакое сценическое действо. Представьте себе, что испытывает солист в зеленом костю-

ме, когда на него по ошибке направляют ярко-красный луч. Публика засмеет не осветителя — актера. Или вдруг художник по свету забудет полностью «вырубить» освещение в финале и 32 фигуриста кордебалета, застывшие в различных позах, будут вынуждены полминуты держать паузу, пока свет наконец не погаснет. Даже звездам нельзя ссориться с мастерами по свету. Звезда только-только закончит номер, срывает положенное ей по закону зрительское внимание в виде аплодисментов, а прожекторы, или, говоря на осветительском жаргоне, «пушки», внезапно гаснут. Моментально, в этом я твердо убедился на небольшом собственном опыте, овации умирают. В темноте выражать симпатии смешно и не принято.

В «Холидее» за световое освещение — дело сложное и муторное — отвечала Эстрид Фридерикс. Высоченная немка без малейшего акцента говорила на восьми европейских языках. Она закончила Сорбонну, была художницей по свету в маленьком театрике и об айс-ревю не помышляла. Но жизнь выкинула неприятный фортель. Эстрид, жившую в Париже замкнуто и одиноко, до нитки обокрали. Пришлось искать работу, которая бы поправила пошатнувшиеся финансы. Фридерикс взяли в «Холидей», где она вкалывала не за двоих — за троих: переводчицей, секретарем-машинисткой, художницей. Бок о бок с ней я и отсидел все 73 спектакля на верхотурах Дворцов спорта, переводя в микрофон непростую световую партитуру осветителям.

Эстрид трудилась с выдумкой, изредка меняла цвета, подбирая наиболее подходящую гамму. Часто советовалась с артистами, стараясь повыгоднее подавать и продавать их сольные номера. Бывало, дулась на осветителей-пушкарей, не всегда успевавших выполнять ее четкие, но уж чересчур быстрые команды.

В такие минуты Фридерикс хриплым шепотом божилась, что бросит эту «кучу навоза», как только соберет какую-то, лишь ей известную сумму, которая позволит существовать без всяких мытарств по миру с опостылевшим «Холидеем». Слышал, будто бы Эстрид сдержала слово. Вместе с весьма близкой подругой — хрупкой фигуристкой из Англии — она отказалась от подданства и купила домик на — то ли

Каймановых, то ли Соломоновых — островах. Уверен, и там ей снятся вечно запавшие в душу световые партитуры. В тревожных снах я, например, и сейчас отдаю зазубренные команды осветителям: всем четным прожекторам светить цветом № 1, всем нечетным № 2. И, как всегда, в кошмарах, а иногда и в жизни, пушки дымятся, выходят из строя...

Трудна эта незаметная и нужная работа. По субботам и воскресеньям, когда «Холидей» давал по три представления, мы спускались вниз осипшими, охрипшими и замученными. А каково приходилось артистам? В виде компенсации им полагались бесплатные обеды и ужины. Добавьте к десяти спектаклям за семь дней пятьдесят гастрольных недель в году плюс вечные разъезды. Дома не существовало и быть не могло. Выступали чуть не каждые две недели на новых аренах и с не всегда опытным персоналом. В ночь окончания гастролей работники спортивных залов с облегчением вздыхали: вот все и закончилось. Люди «Холидея» вздыхали тяжело: на рассвете снова в путь, жизнь начинается сначала. Как там будет на новом месте, в неизвестных городах и странах?

И почти все на свете повидавший ансамбль поразился Московскому Дворцу спорта в Лужниках. Условия здесь были идеальными. Спокойнейший заместитель директора Антон Борисович Потапов, отвечавший за те гастроли, знал свой Дворец до последнего гвоздика в предпоследнем ряду любого сектора. Помню, все необходимое для представления смонтировали и отремонтировали за короткую летнюю ночь. Сварливый Билли Стюарт и тот признал: рабочие этого Дворца свое дело знают. А я бы в свою, мною же установленную, очередь, признал бы, что и работавшие в «Холидее» были настоящими трудягами. Этого не отнимешь.

Как не отнять и другого достоинства. В многонациональном ансамбле малейшее проявление шовинизма и национализма каралось беспощадным увольнением с «волчьим билетом». Незадолго до приезда в СССР, кажется, на гастролях в Югославии, фигурист был уволен за то, что назвал экс-чемпионку Японии Фунакоши «проклятой япошкой». Не думаю, правда, чтобы боссы «Холидей он Айс» руководствовались

тут соображениями иного рода, чем собственной выгодой. Национальная рознь разбила бы ансамбль. Сравнительно дешевую рабочую силу из Европы и Азии пришлось бы заменять дорогой — американской. А что делать с чемпионами? Мировые первенства не выигрывались по заказу только англичанами или, к примеру, канадцами. Нет, допускать национальную междоусобицу было никак нельзя. Поэтому и острозлые на язычок девицы из кордебалета испуганно прикусывали его, когда речь вдруг заходила о национальной принадлежности какого-нибудь фигуриста.

Меня, честно, герлз из кордебалета смущали. Я знал их по именам и фамилиям, но и на спор не мог отличить одну от другой, когда все 16 выстраивались в линию. Накрашенные-наштукатуренные, одетые в фантастические костюмы, 15 девушек баскетбольного роста смотрелись кукольными сестрами-близнецами. Я узнавал только шестнадцатую по счету — маленькую кошечку-англичанку, которую ставили в этот ряд шутки ради. Девушки меня дружно утешали. Кто-то признался: ее не узнала родная мама, заглянувшая на представление. А муж какой-то из герлз поклялся мне, что отличает свою жену только потому, что помнит: она в ряду всегда десятая.

Я не случайно пишу об этом. При всей высокой профессиональности в айс-шоу не чувствовалось чего-то такого, что хватало бы за душу, за сердце. Как раз души-то и не было. Ревю — развлечение в американском стиле и духе. Ведь хозяева интернационального ансамбля — американцы.

«Холидей» — не какое-нибудь безобидное ревю, содержащееся стараниями любителя и поклонника фигурного катания. Это солидное предприятие, создание которого тщательнейше продумано, а финансовые выгоды — пересчитаны и взвешены. После войны хотелось веселья, музыки, доступных развлечений. Моррис Чалфен — совладелец знаменитого нью-йоркского концертно-спортивного зала «Мэдисон Сквер Гарден», понимал это тонким нюхом дельца и ловкого антрепренера, как никто. В 1946 году он основал при фирме «Мэдисон Сквер Гарден Корпорейшн» дочерний филиал «Холидей он Айс Продакшнс Инкорпорэйтед».

Принципы «Холидея» Чалфен сформулировал четко: чистая развлекательность, никакой порнографии и прочих двусмысленностей. Высокие моральные принципы основателя компании здесь ни при чем. Вместе с социологами и экономистами Чалфен точно высчитал — если «Холидей он Айс» обретет реноме всеобщего, или, как говорят в США, семейного шоу, балету гарантированы популярность и прибыль. Билеты раскупят не влюбленные парочки, не ждущие эротических зрелищ одиночки, а целые семьи с детьми и бабушками.

Прогнозы президента компании Морриса Чалфена начали постепенно сбываться. Вслед за первой труппой, гастролировавшей в Северной Америке, появилась вторая, третья. Они выступали и в Европе, и в Азии, словом, везде, где только были залы с искусственным льдом. Ледовых дворцов появлялось все больше — расширялась и сфера влияния «Холидей он Айс Продакшнс Инкорпорэйтед». Были созданы еще несколько трупп, объезжающих мир по строго установленному Чалфеном и советом директоров графику. Президент по собственному усмотрению тасовал солистов, отправляя их в разные части света, подписывал контракты с обработанными чемпионами-любителями, выбирал музыку, назначал и увольнял режиссеров...

Акции компании поднимались в цене. А контрольным пакетом владел, догадаться легче легкого, лично Чалфен. Кстати, артисты посметливее твердо уяснили, как завоевать расположение сурового патрона. Чалфену нравилось, когда «его» фигуристы покупали «его» акции. Президент был на сто процентов уверен: взлелеянное таким образом чувство собственности заставляет работать с полной отдачей. Иногда на рождественские праздники хозяин «Холидея» делал широкий — со своей точки зрения — жест: несколько артистов премировались за безупречное поведение десятком акций.

Аппетит рос. Захотелось того, чего обычно хочется владельцам крупной недвижимости (в данном случае движимости). Чалфен с компаньонами мечтал о полной монополии. Понимая, что до советского, польского и чехословацкого ледовых балетов ему не добраться,

все неблагородное внимание руководителя фирмы «Холидей он Айс Продакшнс Инкорпорэйтед» сосредоточилось на независимых пока айс-ревю стран Западной Европы и США. Умело и успешно переманивались солисты. На корню закупались свежеиспеченные чемпионы. Даже кордебалетные мальчики и девочки посильнее приглашались из ансамблей-конкурентов в «Холидей» с автоматическим повышением зарплаты. Непоколебимые условия контрактов, составляемых крючкотворами-юристами, работали на Чалфена. Раз вступивший в труппу — травма ли, полное ли нежелание трудиться в «Холидей он Айс» — уже не мог перейти в другое, не холидеевское шоу. Артисты дрожали, конкуренты роптали, публике было не до этих дрязг, и только Чалфен торжествовал. Неожиданно для некоторых, но не для мистера Морриса, выяснилось: хороших фигуристов в мире не так и много, все они известны, все на счету. Чалфен перевел их на банковский счет «Холидея».

Не знаю почему, но особые антипатии президента вызывал респектабельный ветеран айс-ревю — Венский балет на льду. В Вене над Чалфеном и его порядками подсмеивались. А зря. Надо было не смеяться — готовиться к отпору. Умер старый, в буквальном и переносном смысле слова, хозяин, оставив добрую память и немалые долги. Наследникам было не до ансамбля с его проблемами — глубокими и сложными. Чалфен вмешался в игру со скоростью спринтера, поймавшего призывный выстрел стартера. Моментально закупил Венский балет со всеми солистами, декорациями и костюмами. От прежнего ревю осталось лишь название, которое Чалфен тактично не поменял из тактических соображений: боялся, слишком частое упоминание «Холидея» на афишах отпугнет зрителей.

Но не все конкуренты сдавались без боя. Так и не удалось укротить двух сородственников из США — балетные ревю «Айс Копейдс» и «Айс Фоллиз». Наоборот, «Айс Копейдс» со своей единственной труппой ловко подставлял подножки могучему Чалфену, перехватывая у него из-под носа знаменитых фигуристов-любителей. После Олимпиады в Лейк-Плэсиде «Холидей» проиграл битву за американскую спортивную пару Тай Бабилонию — Рэнди Гарднера. Я видел в То-

ронто соперников Ирины Родниной и Александра Зайцева. Тай и Рэнди откатали пол-отделения в «Айс Копейдс», и переполненная 16-тысячная хоккейная арена «Торонто Мейпл Гарденс» не жалела ладоней.

Если борьба с «Айс Копейдс» велась с переменным успехом, то конкурировать с «Айс Фоллиз» «Холидею» при всей его отлаженной системе было практически невозможно. Ансамбль «Айс Фоллиз» принадлежал миллионеру-чудаку, которого иначе чем «Крейзи» («чудак») — *Н. Д.*) в «Холидее» не величали. Крейзи делал бешеный бизнес на каких-то промышленных товарах, а ревю, словно конюшню, содержал исключительно ради собственного удовольствия. Он не замечал или прикидывался, что не замечает заполонивших мир чалфеновских «холидеев». Справедливо полагая, что где-нибудь, да отыщется свободная площадка, тащил туда, бывало, за тысячи километров, ансамбль-игрушку. Однажды он завез «Айс Фоллиз» в Кувейт. На премьеру собрались две дюжины приглашенных шейхов, полсотни зрителей и сам Крейзи. Больше всего представление понравилось владельцу. Он кричал, свистел, бил в ладоши. За две недели на балете побывало человек триста-четыреста, считая Крейзи, не пропустившего ни единого шоу. Он исправно выплачивал зарплату фигуристам и, снисходительно похлопывая директора труппы по плечу, просил того не беспокоиться об убытках. Об артистах и их чувствах Крейзи, конечно же, не вспоминал — не думал. Нет, с таким соперником «Холидей он Айс Продакшнс Инкорпорэйтед» было не справиться. Зато остальных, как я уже рассказывал, Чалфен «проглатывал» сравнительно легко.

Однако нет-нет да и появлялись на Западе свободные, некоммерческие ансамбли. Один из них создал Толлер Крэнстон — шестикратный чемпион Канады, так и не завоевавший звания чемпиона мира. Благородны замыслы главного режиссера, идеолога и основателя «Театра на льду»: «Исполнители должны обладать высокими художественными достоинствами, труппа должна быть настоящим театром». Крэнстон пригласил к себе отличных исполнителей — в основном известных фигуристов США и Канады. Объявил о создании ледового театра и другой спортсмен — олим-

пийский чемпион англичанин Джон Карри: «Это будет не привычное айс-ревю, — пообещал он. — Я мечтаю поставить балеты Чайковского, Минкуса...»

Но суровая жизнь подтвердила: некоммерческим шоу соревноваться с ледово-развлекательной империей Чалфена исключительно сложно. Где сейчас театры Карри и Крэнстона? Кто видел их концерты или хотя бы читал об успешных или неудачных гастролях? Можно дать десяток представлений, организовать гастрольную поездку. Все равно сопротивление обречено на провал: «Холидей» подобных конкурентов не потерпит. В мире чалфенов людям творческим, заботящимся об искусстве, а не о прибылях, долго не продержаться. Выхода у них нет: лучше Чалфен, чем Крейзи из «Айс Фоллиз».

«Скупка» чемпионов чуть не на корню успешно продолжается. Еще не успели отзвучать мелодии олимпийского бала в Сараеве, а некоторые звезды, не устоявшие под напором гонцов и зазывал из ледовых шоу, стыдливо заявили: переходим в профессионалы. Так, в обойму айс-ревю попали английские танцоры-чемпионы Джейн Торвилл — Кристофер Дин, победительница первенства мира-83 американка Розалин Самнерс... Список «потерь» любительского спорта легко продолжить. Но не хочется. К чему лишние расстройства и огорчения? Антрепренеры шоу-бизнеса и на этот раз не проиграли.

Мы часто говорим и пишем — капиталист, миллионер, предприниматель. А каков тот же Чалфен в жизни, в общении, в работе? Представьте маленького широкоплечего человечка в мешковатом недорогом костюме. Ансамблей, как этот, гастролирующий в СССР, у него пять или шесть, но хозяин «Холидея» знает по именам не то что всех солистов или герлз — каждого техника и осветителя. У холидеевского начальства специфические отношения с обслуживающим персоналом. При заключении контракта костюмеров, электриков, звукооператоров предупреждают: «На три места берем двоих. Ползарплаты третьего делим между вами пополам. Согласны?» Куда денешься — обычно соглашаются. И работают до изнеможения, на износ.

Слово Чалфена — закон, не подлежащий обсуждению приказ. Рядом с низкорослым президентом теряет

внушительность, делается незаметнее и главный менеджер Хельмут Эккарт. Вот, блестя очками и вежливо улыбаясь, Чалфен при публике и на публику что-то выговаривает здоровенному немцу. Эккарт смущается, наклоняется к шефу, как бы пытаясь уменьшиться в размерах, и лепечет: «Да, да, мы исправим, извините, завтра же исправим». Чалфен улыбается: «Исправьте сегодня, дружище». С выпученными глазами главный менеджер со всех ног бежит выполнять не всегда срочное, иногда и глуповатое распоряжение.

Глядя на «Холидей» с теперешних позиций, замечу, что была некая категория людей, перед которой Чалфен не то чтобы заискивал, а, как бы это лучше сказать, лебезил, выставляя себя рубахой-парнем, другом и отцом артистов. Журналистам с Чалфеном работалось просто. Никто из солистов не имел права отказываться от встречи с прессой. Давать интервью считалось такой же прямой обязанностью, как выходить на лед. Президент свято верил в газетную рекламу и всячески налаживал контакты с мастерами пера.

Однако не случайно вся труппа, прослышавшая о приезде Чалфена в Москву, пребывала в душевном трепете. На репетиции и спектакли больше никто не опаздывал. Билли Стюарт скучал — штрафовать было некого. Валя из закулисного буфета Дворца спорта удивлялась: «То на них шампанского с водкой не напасешься, то вдруг подай холодного лимонаду». Фигуристы выкладывались на представлениях, и лишь Хана Машкова смеялась над внезапным преображением коллег. Наверно, она одна не боялась всесильного президента.

Чалфен быстренько оштрафовал ее за прибавку в весе. Произвел незначительные перестановки в программе. Встретился на всякий случай — авось клюнет — с советскими чемпионами. Не клюнуло, но американец иного и не ожидал. Заключил новый договор с «Госконцертом». Ни минуты времени не пропадало. Всегдашняя переводчица Чалфена Тамара, вдвое выше и во столько же раз моложе, здорово осунулась за эту неделю. А немолодой Чалфен, теребя ее за палец, не уставал попискивать: «Тамар-р-р-ра, аск хим...» («Тамара, спроси его...») Если можно было бы одолжить хоть что-нибудь у скупердяя Чалфена, я бы

позаимствовал работоспособность. Энергия била ключом, перехлестывая через край. Престарелый миллионер успевал повсюду.

Но все это было не то, чего ждали и страшились. «То» должно было случиться обязательно. Без «того» никакой приезд Чалфена не обходился: кто-то обязан был попасться и быть крупно и примерно наказан. Дрожал-подрагивал и мой приятель Руди Брике, не склонный к трусости и проявлению подхалимажа: «Что-то произойдет, Ник. Иначе не бывает. Увидишь».

Я увидел. На этот раз Чалфен долго выбирал жертву. За день до отбытия, когда клиентуры у буфетчицы Вали начало вновь потихоньку прибавляться, «то» свершилось. Чуть не с основания служил в ревю некий Хайнц Крооль — отличный фигурист и неплохой тренер. Все партии всех солистов он разучивал с ними назубок. И не дай бог, кто-то получал травму или заболевал, его место без всяких репетиций и прогонов занимал умелый Хайнц — катался даже в паре. Шутили, что он заменит и Диану Таулер — только бы гример постарался. Без дела Крооль не оставался. Травмы в любом балете запрограммированы, а при жесточайшем режиме «Холидея» их бывало больше чем достаточно. В Киеве Крооль выкатывал на лед в обличии кордебалетного мальчика. В Ростове неделю подменял приболевшего Макферсона. В Москве солировал за подвернувшего ногу Висконти. Здесь-то и заметил старательного ветерана Чалфен. Поговорив о том о сем, он невзначай осведомился у Крооля о возрасте. Немец с готовностью доложил, что, несмотря на отпразднованное пятидесятилетие, чувствует себя попрежнему молодо и счастлив приносить пользу балету и хозяину. Видно, добросовестный Крооль ждал премии или похвалы. Дождался же резкого: «Ты уволен!»

Весть облетела «Холидей он Айс» со скоростью всякой дурной вести. Как выяснилось, Чалфен был формально прав. Он ненавидел, когда кто-нибудь умышленно или неумышленно нарушал выпестованные им холидеевские законы. Правило гласило: ни один артист, которому исполнилось 50, не должен выходить на лед перед публикой. В данном случае Чалфен мог

бы проявить гибкость. Ведь Крооль старался ради «Холидея». Но не пожелал или скорее решил продемонстрировать ждущей демонстрации труппе, что его карающий меч не тупеет.

Потерять работу в 50 лет из-за собственной работоспособности... Мешая ругательства на нескольких языках, среди них я с изумлением расслышал и тройку «родных», наших, Хайнц честил род Чалфенов, не забывая, впрочем, и себя тоже. Ситуация была настолько глупой, а самодурство хозяина настолько очевидным, что вопреки обычаям «Холидея» за Крооля вступился главный менеджер труппы. Эккарт не посмел и заикнуться о нелогичности решения. Он воспел прозорливость Чалфена, обнаружившего безобразное нарушение. Пожурил полуграмотного Крооля, совершившего проступок по незнанию. Вздохнув, признался, что ему, Эккарту, далеко до Чалфена. Президент успокоился, отошел. Тут Эккарт и предложил Чалфену еще раз явить всему «Холидею» доброту и ангельский нрав. До двухнедельных каникул оставалось всего ничего. У артистов приподнятое настроение. Что, если публично простить Крооля и разрешить ему работать просто тренером? Чалфен внес существенную поправку: тренером с двойным понижением зарплаты.

* * *

Они улетали из Москвы, и мы два дня провожали их в Шереметьеве, дивясь солидным международным связям «Аэрофлота» и попутно вспоминая мировую географию. Маленькая программка — память о «Холидее» — пестрит трогательными автографами. Я и сейчас с удовольствием перелистываю ее: «Спасибо за все! Ты помог познакомиться с интересной страной. Наилучшие пожелания и до новых встреч! Надеемся, ты еще поработаешь с нами, Ник!»

Но я знал: с «Холидей он Айс» работать больше не захочется.

Когда падают «Листья»...

Свидетелей за давностью лет не осталось. Но откуда же у канадцев такое единодушие? И почему именно эту историю рассказывали мне с небольшими вариациями люди самых разных возрастов и профессий, когда речь заходила о первом в мире хоккейном матче, сыгранном в Стране кленового листа в незапамятные времена? Есть наверняка в народной легенде доля истины — выжившей, добравшейся до нас сквозь века — и богатое воображение рассказчиков. Итак — легенда: хоккей в Канаде зачинался так...

Две команды выкатили на хоккейное поле, то бишь лед залива, длиною двадцать две мили, шириной — всего лишь три. В каждой сборной ни много ни мало по сто игроков: семь голкиперов, сорок три защитника, сорок нападающих. Остальные — универсалы: сражались и в атаке, и в обороне.

Имена хоккеистов наводили на серьезные размышления. Белый Волк, Крылатая Птица и Большой Бобер могли навести страх на кого угодно, но только не на противостоящих им Крючка Германа, Плаксы Билли и Гюнтера Голубой Горы. Встреча, как теперь и полагается, состояла из трех периодов. Правда, длились они по двенадцать часов. Игра начиналась в шесть утра и шла до шести вечера. Поединок затянулся на три дня, и хоккеисты провели на льду тридцать шесть часов. Размеры клюшек не ограничивались — Большой Бобер играл срубленным кленом длиной в семь метров. Шайбы из твердых пород древесины весили граммов четыреста.

Никаких замен: в деле находились все двести игроков. Матч не отличался корректностью. И забияки из Национальной хоккейной лиги позавидовали бы удару, который Гюнтер Голубая Гора нанес глыбой льда Большому Бобру. Об упорстве трехдневного поединка свидетельствует счет — 2 : 1 неизвестно в чью пользу. Видно, тогдашние хоккеисты результативностью не отличались. Встречу собирались продолжить. Но лед не выдержал страстей — треснул, и в целях безопасности игру прервали.

Кто со стопроцентной уверенностью подтвердит: «Такое было» — или, наоборот, оспорит: «Не было и быть не могло»? Историки хоккея всем догадкам и домыслам предпочитают цифры реальные и относи-

тельно конкретные. Первый хоккейный матч, где играли не мячом, а именно шайбой, состоялся на льду озера Онтарио в 1860 году. В составах команд-пионеров выступали офицеры — ветераны Крымской войны из Королевского стрелкового полка.

Диковинная игра, может, так и осталась бы развлечением для горстки королевских стрелков, если бы ею всерьез и надолго не увлеклись монреальские студенты Робертсон и Смит. Они разработали правила и в 1880 году создали при университете Макджилла первый в мире хоккейный клуб. Лет через десять-двенадцать в Монреале было уже больше ста команд хоккеистов. Еще одну веху в хоккейной истории оставил генерал-губернатор Канады лорд Стэнли: учредил в 1894 году и по сей день разыгрываемый кубок, получивший его имя. Первыми завоевали Кубок Стэнли монреальцы, победившие в присутствии пятитысячной толпы соперников из Оттавы — 3 : 1.

И наконец, несколько слов о самом лорде. В отличие от подавляющего большинства учредителей почетных трофеев, генерал-губернатор был не только ярым болельщиком, но и неплохим спортсменом. В январе 1895 года он без смущения продемонстрировал отличную спортивную форму на катке Букингемского дворца в Англии. Тот матч остался рекордным по количеству игравших в нем хоккеистов — членов королевских и приближенных к ним семей. Честь сборной Букингема защищали два будущих английских монарха — Эдуард VII и Георг V, — известные в те далекие времена под именами принца Уэльского и герцога Йоркширского. Лорд Стэнли прихватил из Канады четырех своих братьев и еще одного лорда — Энэлли.

Принц Уэльский не сомневался в успехе. Он приказал начать игру в хоккей с шайбой пораньше: боялся опоздать на назначенный им же прием. Но Стэнли и его команда не пощадили королевского самолюбия. Забросили в ворота будущих величеств столько шайб, что даже педантичный арбитр в майорском звании сбился со счета, объявив в конце встречи: сборная Букингема проиграла с огромным разрывом, сумев провести единственный гол. Лучшим игроком принц Уэльский (обошлись без авторитетной комиссии из специалистов и представителей прессы) признал

лорда Стэнли, поразившего всех техничным дриблингом и высокой скоростью. Стэнли сделал лишь одну уступку, и то лично принцу — старался не применять против него силовых приемов и не поворачиваться спиной к королевской особе.

Вот какие давние и прочные корни у хоккея, заласканного в Стране кленового листа народной любовью. Отдав дань истории и народным преданиям, твердо обещаю писать дальше только о том, что видел своими глазами. О канадском хоккее рассказано в нашей прессе достаточно красноречиво и подробно. Не собираюсь соперничать со специалистами, претендовать на глубокий, сугубо профессиональный анализ. Поделюсь личными впечатлениями от увиденного в городе Торонто, «скромно» и не совсем обоснованно провозгласившем себя столицей канадского хоккея.

Там на третий день командировки заметил в переполненном зале «Торонто Мейпл Гарденс» единственного относительно знакомого мне в Канаде человека — тренера клуба «Филадельфия Флайерс» Фреда Широ. В дымчатых, закрывавших пол-лица очках, преисполненный достоинства и важности, он и внешне не напоминал скромного и приветливо-общительного парня, приезжавшего несколько лет назад в СССР. Фред прилежно слушал лекции в Государственном центральном институте физкультуры и учился хоккею у «великого» практика и теоретика Анатолия Тарасова. Книгу Анатолия Владимировича «Путь к хоккею» Широ пышно и во всеуслышание назвал своей «хоккейной библией».

Переводчик канадского гостя клялся, что в порыве откровенности, вызванной хлебосольным приемом, Широ поделился с ним кое-какими биографическими деталями. Настоящая фамилия — Широв. Имя — Федор. Место рождения родителей — Саратовская губерния, откуда они давным-давно уехали за океан. В Северной Америке и появился на свет будущий хоккейный маэстро. В короткой, на бегу, беседе с Широ спросить о таких подробностях, понятно, постеснялся. Любопытно иное. В Москве тренер гремевшей тогда «Филадельфии Флайерс» в шутку ли, всерьез поведал мне о полулегендарном первом хоккейном матче «сто на сто». История, услышанная из уст знаменитости,

крепко запомнилась. Вертя головой во все стороны «Торонто Мейпл Гарденс», я с затаенным восторгом ждал очной встречи с канадским хоккеем на его родине. За час до долгожданного свидания на алтарь не подозревающей об этом игры мною была принесена добровольная жертва. Вопрос ставился так: поездка на несравненный Ниагарский водопад или третья четвертьфинальная игра Кубка Стэнли — «Торонто Мейпл Лифс» — «Филадельфия Флайерс». Я выбрал Кубок. О несостоявшемся знакомстве с чудом природы напоминает висящий в редакции плакат с изображением водопада, преподнесенный кем-то из любознательных и милых экскурсантов. Мое кресло в автобусе занял влюбленный в хоккей болельщик, благородный житель Торонто Тедди Малвихилл. В ответ на традиционный русский сувенир он подарил с трудом приобретенный билет на восточную трибуну, сектор 91, ряд В, место 4. Крошечный, по нашим понятиям, билетик был запечатан в конвертик с рисунком кленового листа и рекламой мяса. Посмотрев матч, я в который раз убедился: цветастая упаковка не означает, что завернутый в нее товар так же красив и доброкачествен. Впрочем, обо всем по порядку.

За полчаса до начала игры зал забит битком. Спекулянты взвинтили цены на билеты и, не стесняясь, не таясь стоящих рядом полицейских, «толкают» заветные бумажки по сто долларов за штуку. Бдительные контролеры в фирменных фуражках с надписью «Мейпл Лифс» и синих блейзерах гроздьями роятся у входов: безбилетникам на матч не прорваться. Игра не началась, а шум стоит неимоверный. Собственного голоса не слышно. С публикой общаются при помощи электротабло, которое настраивает болельщиков на соответствующий, нужный хозяевам арены лад. Как ненормальные бегают электрические буквы, складываясь в лаконичные, энергичные и призывные слова: «Гоу, Лифс, гоу!» — «Давай, Листья, давай!» По-английски «мейпл лифс» — «кленовые листья», символ Канады. И зал минут десять скандирует этот лозунг в такт аккомпанирующему органу. Поразительная невежливость по отношению к гостям никого не смущает. И в голову не лезет, чтобы дирекция, скажем, московского Дворца «Крылья Советов» провоцировала

таким способом болельщиков своей команды, настраивала их против хоккеистов Воскресенска или Ижевска.

На трибунах плакаты: «Флайерс, улетайте прочь!» Название филадельфийского клуба переводится как «летающие филадельфийцы». А вот на табло и новый лозунг: «Флайерс» не могут летать выше «Листьев», потому что «Листья» висят для них слишком высоко!»

Когда команда Филадельфии играет у себя дома, перед матчами звучит гимн США в исполнении американской певицы Кейти Смит. Суеверные хоккеисты считают, будто голос Смит приносит им удачу. Но перед матчами в Торонто всегда исполняется один гимн — канадский, — о гостях не заботятся. Публика распевает его стоя. Очи пылают гневом — неизвестно к кому, голоса трогательно дрожат. Охватившее канадцев воодушевление, на мой взгляд, никак не соответствует моменту. Ехидные зрители поднимают издевательский плакат: «Филадельфия, Кейт тебе больше не поможет. Посылать за ней поздно — опоздает». Шовинистические настроения подогревали и местные газеты. Как только не поносили они действительно грубую команду гостей, какими эпитетами не награждали ее игроков и тренера! Я диву давался, наталкиваясь на новые и новые журналистские перлы. Хоккей прогнал некоторый страх, испытываемый перед американцами, заставил забыть о подобострастии к влиятельному соседу. Так принимают в Торонто ближайших и любимейших союзников. Чего ждать европейцам?

На лед выходит тренер «Флайерс» Фред Широ. Опустив голову, он в гордом одиночестве пересекает площадку и занимает обычную тренерскую позицию у бортика. Темные очки Широ — не дань моде. Они скорее очередной суеверный трюк тренера и его игроков: филадельфийцы объясняют поклонникам, что очки, скрывающие лицо тренера, помешают соперникам разгадать хитроумные замыслы. За Широ выкатываются на площадку хоккеисты. Короткая разминка — и игра.

Нет смысла подробно пересказывать ход матча. «Торонто Мейпл Лифс» победили — 5 : 4. Но какой ценой! С первых же минут «Филадельфия» устроила

охоту за противником: хозяев поля сбивали с ног, цепляли клюшками. У бортиков вспыхивали яростные потасовки. «Листья» не остаются в долгу. Они дерутся с удовольствием и еще успевают всячески демонстрировать болельщикам — «караул, обижают!». Актерское мастерство у хозяев площадки повыше хоккейного. А хоккеем не пахло. Чтобы унять страсти, судьи удаляют трех игроков до конца матча. Не помогает и это. Хоккеисты плюют друг другу в лицо, открыто дерутся клюшками, стараются поточнее и посильнее ударить противника лезвием конька. Странно, но публике хамское представление по душе. Она переживает страстно и громогласно, поражая меня абсолютной необъективностью. Из игроков «Лифс» заметен лишь бывший защитник шведской сборной Бьерн Салминг — он корректен, техничен, самоотвержен. Нельзя не заметить и надолго запомнившегося нашим телезрителям «Кувалду» Шульца из «Флайерс». Его арсенал все тот же, что и в матче с ЦСКА в зимней серии 1976 года. Однако в этой встрече и признанному хулигану трудно выделиться на фоне разбушевавшихся коллег. Курить в зале строжайше запрещено. Об этом неустанно напоминало зрителям табло. Но куда там. В перерыве задымили, зачадили толстенными сигарами, и над площадкой поднялось туманное облако. Дышать сделалось труднее.

Хорошо, в «Мейпл Гарденс» не разрешается продажа спиртного. Капля алкоголя могла бы превратиться в ту последнюю, которая превращает и без того возбужденных болельщиков в разъяренную, все на пути сметающую толпу. Прохладительные напитки предусмотрительно разливаются в стаканчики из тонкого картона, летными свойствами не обладающие: бутылки непременно полетели бы на лед.

Зато алкоголь усиленно рекламируется в толстенной цветной программе, выпускаемой к матчам «Торонто Мейпл Лифс». Полистаешь стостраничный буклет и убедишься: не самое лучшее в Канаде пиво «Молсон» — вкуснейшее в мире. Пристрастие издателей журнала к этой марке объяснимо. Фирма учредила специальный приз — «Кубок Молсона» для игроков «Мейпл Лифс» и долгие годы всячески поддерживает команду.

В киосках, постоянно попадающихся через шагов двадцать-тридцать, торгуют сувенирами, обязательный элемент которых — кленовый лист. Синие листья на стаканах, брелоках, полотенцах...

Другая выдумка находчивых владельцев арены покоробила. Рядом пониже расположилась группка людей вида не спортивного, но в точно таких же свитерах, как у «Листьев». Принял их за бывших игроков «Торонто», хранящих верность команде. После перерыва экс-хоккеистов в белых рубашках с синими листьями прибавилось. На спинах у всех замелькал одинаковый номер «21» с крупно выведенной фамилией «Салминг». Признаюсь, что мужественный швед давно завоевал и мои симпатии. Однако носить свитер с чужим именем, как мне кажется, неэтично. Человек и на коньках стоять не умеет, но кинул продавцу доллары и превратился в хоккеиста. Что-то здесь не так, есть какие-то передержки. Хорошо зарабатывающие на ходком товаре в голову этого не берут.

А Салминг играл здорово. Ему доставалось от филадельфийцев больше остальных. Швед ни разу не ответил на грубость и выглядел среди оравы потерявших спортивное достоинство соперников и партнеров древним викингом, презирающим врагов-гуннов. На Салминга страшно смотреть. Лицо залито кровью. В красных кровавых потеках и бело-голубая форма. Судьи аккуратно, словно это изменит характер игры, соскабливают со льда кровь. Но красных пятнышек на площадке все больше.

Игрок «Флайерс» подъезжает чуть ли не вплотную к телекамере и, не отрываясь, так это представляется с трибуны, смотрит в глазок объектива. Утром я видел этот момент в повторе по телевидению. Хоккеист, медленно и старательно артикулируя, произносил наигрязнейшие в английском языке слова. А со льда, как писали на следующий день газеты, непрерывно неслось приблизительно то же самое.

Хоккеистам было не до хоккея. Даже падкая на подобные зрелища публика Торонто поутихла. Вот капитан «Филадельфии Флайерс» Бобби Кларк бьет капитана «Мейпл Лифс» Дерека Ситлера клюшкой: попадает прямо в лицо. Ситлера уносят с поля битвы. Наказывается двухминутным штрафом нападающий

гостей Дон Салетски. Он подъезжает к скамейке штрафников и вдруг, широко размахнувшись клюшкой, ударяет по голове седовласого полицейского. К пострадавшему спешит на выручку второй полисмен, а Салетски, действуя клюшкой, как дубинкой, остервенело избивает сидящих поблизости зрителей. «Филадельфия» в полном составе, включая запутавшегося в доспехах запасного вратаря, мигом перепрыгивает через бортик, подъезжает к скамье штрафников и вступает в драку с публикой. Где же канадское хладнокровие? Куда делось благородство? Болельщики дерутся азартно, не уступая хоккеистам. Бросают в них все, что попадается под руку, отнимают клюшки... Сцена противнейшая, никогда — ни до этого матча, ни после него — в хоккее не разыгрывавшаяся. Меня поразило, что публика — чопорная и заносчивая, со своими бесконечными «плиз», «икскьюз ми» и «сорри» в конечном счете оказалась ничуть не лучше хоккеистов. Тех хоть немного оправдывает азарт игры, а «джентльменам» из Торонто оправдания нет.

Облокотившись о бортик, безучастно наблюдает за побоищем Фред Широ. На пресс-конференции он скажет, что «ребята погорячились, в хоккее это бывает». Рвутся в драку и хоккеисты Торонто. Их с трудом, хватая за рукава, удерживает тренер Боб Келли. 16 458 человек дружно скандируют: «Филадельфия» — дерьмо! «Флайерс» — улетайте прочь!» Безобразное проявление шовинизма достигло апогея. Заведенные публикой хоккеисты отвечали ей плевками, нецензурщиной... О хоккее и болельщики и профи не вспоминали. Неужели этого и добивались «ценители игры» из Торонто?

Что там европейцы или американцы... В Торонто не стесняются освистывать, зашикивать, запугивать и соотечественников. С особой неприязнью принимают в «Мейпл Гарденс» франкоязычных спортсменов. К ним относятся, как к неграм в расистской Флориде. Выезжает на арену команда «Монреаль Канадиенс», за которую выступают в основном франкоговорящие канадцы, и ее встречают презрительно-оскорбительным «бу-у-у! бу-у-у!». Бывал я на многих состязаниях. Первенство по грязной игре без колебания отдаю «Фи-

ладельфии Флайерс» образца конца семидесятых. Лидерство среди хулиганствующих, зараженных националистическим шовинизмом болельщиков принадлежит, по-моему, почитателям хоккея из Торонто.

А четвертьфинальная игра на Кубок Стэнли докатилась до мучительно ожидаемой финальной сирены. В конце матча произошло необъяснимое. Команды уже покидали площадку, когда трое филадельфийцев, сбросив перчатки, затеяли кулачный бой. Бобби Кларк остервенело мутузил двоих одноклубников. Как выяснилось, игроки хотели остановить своего капитана, который рвался в судейскую комнату «проучить» арбитра.

Я вернулся в отель позже детально осмотревших Ниагарский водопад и его окрестности. Ребята волновались: куда запропастился? Но разве была моя вина в том, что матч-схватка тянулся 3 часа 45 минут. Его итог — 163 минуты совместно заработанного штрафного времени, четверо удаленных до конца встречи и мое испорченное настроение.

Наутро канадские газеты вышли с аршинными первополосными заголовками: «Отвратительно!», «И это называется хоккеем?», «Гангстеры из Филадельфии». Здание «Торонто Мейпл Гарденс» окружили пикетчики с плакатами: «Не покупайте билетов и абонементов на хоккейные побоища», «Запретить трансляцию драк по ТВ» — и с лозунгом, который, думаю, понравился бы Николаю Николаевичу Озерову, «Такой хоккей нам не нужен». Игра всколыхнула и задела за живое. Садизм хоккеистов перешел и без того зыбкие границы вседозволенности.

— Я этого так не оставлю, — пообещал прокурор провинции Онтарио Билл Макмэрти и обещание сдержал. Возбудил уголовное дело против троих игроков «Флайерс», обвинив их в нарушении порядка в общественном месте и применении силы с использованием холодного оружия, то бишь хоккейных клюшек.

В беседе с журналистами троица назвала обвинение неудачной шуткой:

— И слышать об этом не желаю, хватит розыгрышей, — улыбался Салетски, рассекший голову полисмену. — У вас в городе, кажется, немножко играют в хоккей. И знаете чем? Клюшками.

Однако смеяться было рановато. Филадельфийцы поняли это, когда к ним в гостиницу прибыл усиленный наряд полиции: трое приглашались в суд. Там им пришлось подождать и понервничать, прежде чем представитель прокурора предъявил официальные обвинения и любезно сообщил дату суда. Игрокам угрожало тюремное заключение сроком от одного до пяти лет и крупные денежные штрафы.

Только тут забеспокоился Фред Широ. Его вступление в игру было неожиданным: тренер «Филадельфии Флайерс», как всегда, избрал единственную признаваемую тактику — атакующую. Пресс-конференция для канадских журналистов была организована в считанные часы. Широ решительно бросился в атаку на проявившее активность правосудие:

— В чем нас обвиняют? В добросовестном отношении к профессии? За это теперь сажают в тюрьму? Не допустим!

— Вы же могли прекратить драки, — возражали репортеры.

— Хоккей — игра сильных. Потасовки в определенной степени — демонстрация силы. И по-моему, драки доставили удовольствие вашей публике. Или я ошибаюсь?

Последний аргумент Широ сразил многих. И, закаленный в словесных перепалках с журналистами, тренер публично бросил новый козырь:

— Хоккеисты и наш хоккей достаточно самостоятельны. Мы можем сами постоять за себя. Обойдемся и без прокуроров.

Широ добился даже жидких хлопков, не перешедших в овацию. Предполагал ли большой знаток хоккея, что он в точности процитировал наилюбимейший аргумент главарей мафии? Обвиняемые в убийстве соперников из противоборствующих кланов мафиози именно так возмущаются вмешательством правосудия в свои, как они полагают, личные дела.

Признаюсь: не согласен с принятой у нас трактовкой образа Фреда Широ. Известный тренер с родины хоккея не постеснялся приехать на учебу в СССР, и это, конечно, лестно. Слушая лекции и восхваляя советских хоккеистов и специалистов, Широ клялся в приверженности техничной и корректной игре. Чего

стоили клятвы, хулиганы из «Флайерс» доказали в матчах Кубка Стэнли и во встрече с ЦСКА в 1976 году, когда поощряемые Широ игроки в изобилии продемонстрировали приемы, подобные увиденным мною в Торонто. Тренер попытался теоретически обосновать две победы клуба в Кубке Стэнли и выигрыш у московских армейцев в труде со множеством схем, выкладок и комплиментов в адрес хоккеистов ЦСКА. Хоккейная Канада — ее на мякине не проведешь — обсмеяла теоретика. «Кого обманывает Широ? — вопрошали газеты. — Слепых? Ведь все зрячие видели, что «Флайерс» побеждают, ведя грязную и нечестную игру. Русские показали другой хоккей. На него и надо равняться». И, замечу, тот самый хоккей, приверженцем которого выставляет себя тренер «Филадельфии».

Возглавив клуб «Нью-Йорк Рейнджерс», Широ остался верен устаревшему кредо — не рекламному, истинному. Та же сверхжестокая игра на грани и за гранью фола, умелые действия в меньшинстве приносили команде успех, но не любовь публики. «С каждым матчем воспитанники Широ вколачивают новый гвоздь в черный гроб, где покоится хоккей», — писала в «Глоб энд Мейл» читательница газеты Кристина Янг. Едва ли не первым в профессиональном хоккее тренер использовал скользкий трюк, с его нелегкой руки применяемый теперь канадцами и на мировых первенствах. По требованию Широ, судьи измеряют во время матчей клюшки соперников. Если изгиб крюка хоть на миллиметр превышает норму, провинившиеся наказываются двухминутным штрафом. Этим нечистоплотным способом воспользовались и руководители сборной Канады на чемпионате мира 1982 года в игре со сборной СССР. Не помогло: нервы у наших ребят оказались крепкими.

Может, вечная неприязнь болельщиков к тренируемым Широ клубам или чрезмерная популярность и сгубили Федю Широва? У него появилась новая страсть. Тренер отдавал ей все свободное и почти все рабочее время. Широ запил, потерял контракт с «Рейнджерс» и исчез с хоккейного горизонта. Думаю, ненадолго.

Сделав обратное сальто во времени, вернемся к необычному в истории канадского профессионального

хоккея событию — процессу над грубиянами из «Флайерс». Клуб не скупился, наняв нескольких защитников-краснобаев. Слушание дела переносили и переносили, мудро полагая, что все черное на этом белом свете забывается, уходит... Суд проходил тихо, по-семейному. Хоккеистов пожурили и отпустили с миром, не приняв абсолютно никаких мер. Сложнее остальных пришлось Салетски: он бил не каких-то жалких и ничтожных зрителей — полицейского сержанта. На этом и сыграли психологи-юристы. Салетски под присягой показал, что голову полисмену рассек случайно, ибо метил не в нее — в плевавшихся болельщиков. Нашлись и услужливые свидетели. Странное, на мой взгляд, признание и решило исход дела в пользу хоккеиста «Флайерс».

То, что я напишу сейчас, не является стопроцентной истиной. Выскажу сугубо личное мнение, ни с кем не согласованное и нигде не апробированное. Неудачи канадцев на мировых первенствах закономерны. В их сборной не может быть ни дружбы, ни взаимовыручки. Настоящей, не той, когда хоккеисты выпрыгивают на лед и лезут в затеянную у бортика драчку. Друг с другом клубы НХЛ играют бесцеремонно, жестоко, грубо. Отношения между хоккеистами разных команд товарищескими не назовешь. Противники на хоккейной площадке остаются противниками и в жизни.

«Для того чтобы выиграть международный турнир, мы должны почувствовать себя единым коллективом», — заявил как-то Фил Эспозито.

Слова центрфорварда примечательны. На родине хоккея понимают причину постоянных провалов на мировых чемпионатах. Но при существующей в профессиональной лиге системе взаимоотношений от понимания до исправления положения — пропасть. Мост через нее, по-моему, не навести.

Каждый новый сезон начинается в НХЛ с приблизительно схожих заверений ее президента Джона Зиглера: с грубостью будет покончено. Не сомневаюсь в искренности намерений адвоката из Чикаго — насилие претит ему по роду профессии. Хулиганы наказываются теперь крупными штрафами — не двухминутными, а денежными. И все равно живучая грубость процветает. Увиденный мною в Торонто матч канад-

ские журналисты объявили «нетипичным исключением», объяснив, что «такого не бывает», а мне по-журналистски «повезло». Статистика рекордов хоккейного хамства утверждает обратное. Среди рекордсменов есть и наши недобрые знакомые. Когда-то высшее достижение суммарных удалений хоккеистов двух команд равнялось 185 минутам. Его превысили на 18 минут «Бостон Брюинс» и «Квебек Нордикс», а затем усилиями «Атланты» и «Мейпл Лифс» печальный рекорд был доведен до 219 минут штрафа. Всех перещеголяли «Филадельфия Флайерс» и «Лос-Анджелес Кингз». Их штрафное время фантастично — 352 минуты за матч!

Глупо выдавать тех же «Флайерс» за хоккейных неумех, выбивающихся в лидеры НХЛ только благодаря грубости. Играть-то они умеют. Но даже их абсолютно рядовая победа над «Сент-Луисом» была воспринята как сенсация. За 12 лет выступлений в лиге «Филадельфия» впервые не получила ни минуты штрафа. Сокрушая рекорды хулиганства, филадельфийцы действуют на площадке в полном соответствии со вкусами публики, собирая полные трибуны. Запреты и штрафы мистера Зиглера — ничто по сравнению с количеством распроданных билетов и желаниями владельцев клубов, приучивших спортсменов и болельщиков к неукротимой жестокости.

Представлю читателю одного из хоккейных метров — Гарольда Бэлларда. В подчинении почтенного на вид седовласого джентльмена находится клуб «Мейпл Лифс», в единовластном владении — арена «Торонто Мейпл Гарденс». А чтобы лучше понять, в каком городе происходят описываемые мною события, расскажу о Торонто — двух с половиной миллионной махине, непровозглашенной столице англоязычной Канады и ее крупнейшем промышленном и торговом центре.

Город на берегу озера Онтарио красив какой-то непривычной для нас, я бы сказал, мужской красотой. Длинные и прямые перпендикуляры-улицы резво бегут с севера на юг чуть не через весь город. Они словно прочерчены не признающим затей архитектором, предпочитающим всем изыскам школьную линейку и простой карандаш.

В центре, или, как говорят в Северной Америке, в даун-тауне, полно небоскребов. Разукрашенные вечно светящимися рекламами, призывающими хранить деньги в самых различных банках и пить пиво только фирмы «Молсон» или, наоборот, «О'Киф», эти высоченные домины не давят своей высотой — они строги и элегантны. На первых этажах многих зданий броские, красным по белому, объявления двухметровыми буквами: «Свободная площадь. Сдается частным лицам и компаниям». Охотников снять апартаменты или устроить служебный офис в великолепно отделанных домах находится мало: цены подскочили почти до крыш небоскребов. Раньше за аренду конторских помещений платили 750 тысяч канадских долларов в год, сегодня это удовольствие обходится в три миллиона.

Бизнесмены урегулируют свои проблемы за счет людей, к распределению их прибылей отношения не имеющих. А другие? Простенькая двухкомнатная квартирка в центре обходится в 200—300 долларов в месяц. «Квартплата будет с каждым годом увеличиваться на шесть процентов», — мрачно предрекает газета «Глоб энд Мейл». Добавьте сюда ежегодный 15-процентный рост стоимости электроэнергии и представьте, с какими проблемами приходится сталкиваться канадцу в первой половине годов восьмидесятых.

Дороговизна больно ударяет и по квартиросъемщикам, и по тем, кто эти квартиры сооружает. Лучше жить в тесноте, уповая на приход счастливо-сказочных времен, чем раскошеливаться при нынешних темпах роста инфляции — 10 процентов в год! — на покупку нового жилья, полагают теснящиеся в обиде. В результате 16 из каждых ста профессиональных строителей безработны. Угроза потерять место дамокловым мечом висит над пятьюдесятью тысячами человек, занятых в строительстве. Высок уровень безработицы и в других отраслях — в среднем по стране он достиг десяти процентов.

Куда бы пристроиться? С этого безрадостного вопроса начинается трудовая жизнь выпускников канадских колледжей и университетов. Считается, что в Торонто энергичному парню с дипломом найти работу полегче, чем, например, в Ньюфаундленде. Каждый

третий житель этой провинции вынужден — не по собственному, конечно, желанию — сидеть дома или убивать имеющееся в избытке время в очередях на биржах труда. Но и в относительно благополучном Торонто на сотню питомцев университета Онтарио — 13 безработных. Большинство — женщины. Иногда пролетают годы, прежде чем подвернется местечко по или не по специальности. Ну а бедолагам, оказавшимся не у дел после 45 лет, остается лишь посочувствовать: не помогут ни отличные рекомендации, ни накопленный опыт.

Федеральное правительство ищет выход из грозного и тревожного положения. Для молодых канадцев создана государственная программа обучения рабочей силы. Программа ежегодно обходится налогоплательщикам в 800 миллионов. Ее усвоили свыше 300 тысяч человек. А результаты? Практически — нет. «Инициаторы программы убеждают общество: в стране создаются новые рабочие места. Наших учащихся вычеркивают из списков безработных. Но ведь это — ложь», — сетует на страницах «Торонто Стар» преподавательница курсов. И с ней нельзя не согласиться. Везет только третьей части выпускников.

Но отвлечемся от тягостной для канадцев статистики. Торонто сравнивают с Нью-Йорком и Чикаго. Город действительно живет в четком и стремительном ритме. Всего несколько фондовых бирж мира превосходят по размаху двоюродную сестрицу из Торонто. И нет, кажется, промышленных товаров, которых бы здесь не производили.

И все же Торонто не так американизирован, как его представляют или хотят представить. Это особенно относится к его жителям. Спросите в Нью-Йорке, как найти нужную вам улицу. Молчание, пожатие плечами — весь ответ. В Торонто объяснят в подробностях, проведут и спросят, откуда вы. К нам, заслышав русскую речь, подходили не раз. Спрашивали: «Рашшианс?» — и одаривали одной и той же историей. Еще в том, прошлом, веке или в начале этого в Канаду перебрались прапрадеды и деды. Бывает, бабушка и отец, посидев за праздничным столом, перебрасываются русскими, украинскими фразами. А вот мы и дети... Как-то само собой получилось, что фамилии но-

сим английские, и хорошо, что хоть сразу понимаем, когда говорят на нашем, родном. И выкладывается, будто не подводящий пароль, малюсенький запасец заученных слов: «здравствуйте, спасибо, до свидания, мама».

В провожатые мы получили усатого, прямо с картинки, пожилого украинца. Несмотря на взаимную симпатию, общаться было сложновато. Увы, редко понимали нашего спутника и сами канадцы. Так и беседовали на причудливой мешанине из русских, украинских и английских слов, произносившихся переводчиком с неподражаемым украинско-английским акцентом.

Не случайно, наверно, с языка коренных жителей страны — индейцев — название города переводится как «место сбора». Каких речей не наслышишься, гуляя по широченным улицам! То вдруг забредешь в район, где с дикой скоростью тараторят по-итальянски. Увидишь вывеску на греческом и поймешь, что попала она в эту часть города закономерно — живут тут одни греки. На протяжении нескольких кварталов нас преследовал резкий немецкий говор. И, как я уже говорил, немало в Торонто славян. В Канаде проживает около полумиллиона украинцев и 120 тысяч русских. Их предки осели здесь до революции: спасались от голода и религиозных притеснений.

Вообще немного отыщется на карте стран, национальный состав которых был бы настолько разнообразен и до неправдоподобия пестр. Большинство населения — англо- и франко-канадцы. За ними немцы, итальянцы, голландцы, скандинавы, поляки... Иммиграция исключительно высока, но только из Европы и Америки. Перед выходцами из Азии и Африки ставятся труднопреодолимые препоны.

Таксист-ливанец подробно и от души исповедовался случайным седокам. Десять лет назад полулегально пробрался в Канаду. Мучился, голодал, скитался, страдал и копил деньгу, но вывез-таки из Бейрута семью. Сейчас все вроде бы образовалось: получил канадское подданство, выкупил у ростовщика такси. Только вот работать приходится с утра до ночи. «С утра до ночи» — понятие растяжимое, и мы переспросили, сколько именно. Ответ ошеломил:

— Девятнадцать-двадцать часов в сутки. Сплю в машине рядом с аэропортом. Зато в четыре часа утра я в очереди первый.

Мы не поверили, и шофер из Бейрута побожился всеми неизвестными нам богами и благополучием сына, фотография которого была продемонстрирована для пущей убедительности.

Кстати, расплачиваясь за такси, мы пару раз видели, как, беззвучно шевеля губами, водители заглядывали в какие-то непонятные таблички, а потом сдирали с нас побольше, чем значилось на счетчике. Виновницей оказалась все та же уже нами прочувствованная и оттого ненавидимая инфляция. Стоимость проезда дорожает так, что не успевают переделывать счетчики. Похоже, делающие таблички без работы не останутся.

А теперь вернемся к нашему, точнее, канадскому хоккею. Думаю, не надо беспокоиться за свое благополучное существование и служащим «Торонто Мейпл Гарденс». Хоккей — депрессия ли, инфляция, война — делает стопроцентные сборы. Сказать, что в Канаде он вид спорта номер один, значит нанести хоккею и канадцам незаслуженное оскорбление. Это и национальная святыня, и гордость, и неисчерпаемая, словно озеро Онтарио, тема для разговоров.

«Хотите приехать в Торонто и не выглядеть презираемым всеми идиотом? Зазубрите имена наших «Листьев», — советует местная пословица. Она ни на йоту не лжет.

— Я целиком завишу от того, как сыграют «Мейпл Лифс» дома или в гостях, — жаловалась нам старушка одуванчик. — Проиграй они кому-то — муж, сын, внуки к завтраку не притронутся.

Мы вежливо посочувствовали пенсионерке-мученице.

— Правда, если бы наш капитан Ситлер не получил в прошлом году травмы, а Салмингу подобрали бы в пару защитника его класса... — продолжала старушенция, и я подумал, что она, возможно, и вписалась бы в толпу, которую я видел на матче «Флайерс».

Весь сезон в Торонто, да и во всей Канаде, свиреп-

ствует хоккейная лихорадка. И как бы ни играли «Листья», а они уже лет пятнадцать играют неважно, «Торонто Мейпл Гарденс» все равно удерживает абсолютный мировой рекорд посещаемости среди спортивных арен. С 1946 (!) года на хоккейных матчах сплошные аншлаги. За почти четыре десятилетия — ни одного непроданного билета. Есть отчего счастливо потирать руки президенту клуба Гарольду Бэлларду.

Вот уж про кого можно смело написать: внешность бывает обманчива. Пожилой, холеный, респектабельный джентльмен — закоренелый и неисправимый преступник. Судьи, снисходительно настроенные к миллионеру из Торонто, и сами удивились, когда все 47 пунктов выдвинутых против Бэлларда обвинений в мошенничестве и хищениях подтвердились. Приговор был смехотворно мягок: три года тюрьмы. Бэллард отсидел треть срока, не переставая руководить делами из камеры. Досрочное освобождение стало скорее долгожданным праздником для тюремного начальства, чем для заключенного. Бэллард замучил охранников бесконечными придирками, постоянными отлучками из тюрьмы и чересчур веселым жильем в комфортабельной квартире-камере.

Не хватило бы и полкниги, чтобы описать «геройские» похождения миллионера-мошенника. Интервью, которое Гарольд Бэллард любезно дает редактору журнала «Мейпл Лиф Мэгазин», принадлежащего Гарольду Бэлларду, в комментариях не нуждается.

«— Какие черты характера вам наиболее присущи и какова ваша жизненная философия?

— Честность в общении, дружелюбие, благородство, прямота. Стремлюсь заводить друзей и сохранять дружбу. Много работать и быть честным. Относиться ко всем справедливо. Любить ближнего своего.

— Чем вы разочарованы в жизни?

— «Лифс» не выигрывали Кубка Стэнли с 1967 года. Если мы не завоюем его, это отразится на бизнесе. Со времени моего избрания президентом мы не добывали Кубка ни разу. Команду ждут перемены. И уж себя-то я не уволю. Деньги вкладываются не просто так.

— Насколько близкие отношения сложились у вас с игроками?

— Очень близкие, когда я подписываю их денежные чеки. Я хорошо понимаю хоккеистов, но, бывает, они меня раздражают. Делаю высказывания, с которыми «Листья» не соглашаются. Может, и не надо бичевать их публично, но я говорю, что хочу. Просить извинения за сказанное не собираюсь. Я имею право говорить, что мне угодно, и хоккеисты это знают.

— Как игроки реагируют на ваши замечания?

— Злятся на меня, черти.

— Каким образом они проявляют недовольство?

— Сторонятся меня, избегают любыми путями. Не разговаривают.

— Вы однажды заявили, что ваш игрок швед Инге Хаммарстром может очутиться в углу площадки у бортика с шестью яйцами в кармане и выкатиться оттуда, ни единого не разбив. Как вы оцениваете собственную цитату?

— Отлично сказано. Я о ней уже вспоминал. У меня счастливое умение остроумно сравнивать несравнимые вещи. Я мог бы безыскусно обозвать Инге «кремовыми сливками». Это тоже было бы о'кэй. А я выдумал еще и шесть яиц.

— Хаммарстром обиделся?

— Очень и очень. Он — кремовые сливки, однако исключительно силен физически. С его телосложением надо засовывать в карман половину соперников. А Хаммарстрому как-то дали в челюсть, а он только поморщился. Дурацкое выражение на его лице говорило: «За что бьете? Я вам ничего плохого не сделал». Черт подери, я бы сразу дал сдачи. Это естественная реакция. Непонятно, как человек может быть таким глупцом, чтобы не ответить ударом на удар? Меня бесит, когда кто-то из м-о-е-й команды в форме «Мейпл Лифс» получает затрещину и не отвечает тем же.

— Ваш бывший компаньон и совладелец арены (разоренный Бэллардом и вышвырнутый из дела. — *Н. Д.*) Кон Смит был недоволен вашими нововведениями в «Торонто Мейпл Гарденс». Он отозвался о вас, как о «старом пирате». Что он против вас имеет?

— Я открыл при арене ресторан. «Бэллардовская забегаловка для пьянчуг» — так он ее окрестил. Я снял в «Гарденс» портрет английской королевы и поставил на это место новые ряды кресел для зрителей. По его мнению, это испортило внешний вид арены. Но я делаю здесь, что я желаю. «Мейпл Лифс Гарденс» куплена мною, и я тут хозяин.

— Болельщики вас освистали...

— Люди любят выпускать пар. Это не выражение неприязни. Боба Хоупа (американский комический актер, запятнавший репутацию поддержкой войны США во Вьетнаме. — *Н. Д.)* тоже встретили криками «б-у-у-у!». Не думаю, что у кого-нибудь в Торонто больше друзей, чем у меня.

— Какое признание вы бы сделали в заключение беседы?

— Я обнаружил, что я не так приятен, как считал до сих пор. Но я все же приятен».

Сколько же еще черных красок можно добавить к этому разоблачительному автопортрету. И ясно, что президент совета директоров, владелец арены, хозяин клуба и его управляющий Гарольд Бэллард не может сумасбродно верховодить сам по себе, а «Мейпл Лифс» играть независимо от него в свой, не бэллардовский, хоккей. В действиях игроков проглядывается превозносимая миллионером жестокость.

Репортерская судьба сложилась так, что через несколько лет я вновь попал в «Торонто Мейпл Гарденс», отпраздновавший полувековой юбилей. Предупредительный пресс-аташе клуба Стэн Ободзяк, продемонстрировав привычный запас русско-польских слов, пригласил в журналистскую ложу на матч чемпионата НХЛ «Лифс» — «Питсбург Пингвинз». Передо мною была выложена гора программ, календарей, буклетов, посвященных, как было написано на каждом, «знаменитейшей команде мира». Стэн презентовал даже 872-страничный ежегодный справочник НХЛ. Журналисту такая продукция — неоценимое подспорье в работе, болельщику — многочасовое развлечение. Я по-хорошему позавидовал канадским собратьям по перу. И как удобно, когда при команде трудится человек, обычно бывший журналист, отвечающий за связь с прессой. Экономят дорогое время

спортивные репортеры, избавлены от необходимости назначать и переносить интервью занятые по горло тренеры. А выигрывают от контактов между спортклубом и прессой болельщики: команда становится ближе почитателям.

Сама игра «Лифс» — «Пингвинз» по классу значительно уступала печатной продукции и заставляла думать, что упоминание о «знаменитейшей команде мира» всего лишь неудачное преувеличение. Матч был медленный, тягуче-однообразный тактически.

— Ну, как наши «Листья»? — спрашивали канадцы в ожидании привычных, видимо, комплиментов.

Я похвалил Ободзяка и его четверых помощников-студентов за оперативно составляемые и мгновенно доставляемые журналистам протоколы. От меня не отставали: ждали похвал и хоккеистам. Их не последовало. Сказал, что думал. И был наказан холодными улыбками, удивленными взглядами и недоуменным переглядыванием соседей по ложе. Вежливо осведомились, видел ли я когда-нибудь настоящий хоккей: коллеги решили, что я «просто не понял». В Торонто уверены — канадский хоккей наилучший в мире. Убеждать в ином — бессмысленно. Не взялся за сизифов труд и я.

Был смущен и удивлен, натолкнувшись в итоговом протоколе матча на упоминание о собственной персоне: «На игре присутствовал репортер «Комсомольской правды». В остальном же статистический отчет был строг, точен и подтверждал мою, нелестную для хозяев, точку зрения. «Листья» играли слабо. Бросков по воротам много — но бесцельных. Удалений — предостаточно и не игровых. Тактика вбрасывания шайбы в зону соперника на авось — вдруг кто-нибудь догонит — старомодна. Настали в хоккее иные времена. Игра по старинке уходит в прошлое. Но только не с площадки «Мейпл Гарденс».

Здесь царствует и правит мистер Гарольд Бэллард — «тонкий» ценитель и знаток хоккея, как мы поняли из его интервью. Излюбленный финт миллионера — ежегодное и безрезультатное увольнение старших тренеров. Список смещенных специалистов в период с 1977 по 1981 год наводит на размышления о

нелегкой тренерской доле в НХЛ. Келли, Нельсон, Смит, Круазье, Имлах по прозвищу Панч — «удар» — были изгнаны с позором и с обвинениями в развале замечательной команды. Панча красноречивый Бэллард в дополнение ко всему довел до инфаркта. Верный Панч, бесцеремонно обращавшийся с игроками, вздумал было поднять голос и промямлил что-то не понравившееся старику хозяину о необоснованности разрыва контрактов с хоккеистами без его, Панча, ведома.

Сами же профи дрожали, словно желтенькие осенние листочки, перед внезапно налетевшим ураганом под именем Гарольд Бэллард. Кого только не вытолкнул на улицу обнаглевший богач! Не пощадил — продал — и любимца, Дэйва Уильямса. Неистовый защитник по кличке Тигр полностью отвечал бредовым концепциям хозяина клуба: за три сезона Тигр набрал 995 минут штрафного времени. Клюшки нападающего Рона Эллиса, бессменно отыгравшего в команде 15 сезонов, были вышвырнуты из раздевалки — так он узнал об увольнении. Признанный рекордсмен клуба во многих компонентах игры и многолетний капитан Дерек Ситлер подвергался публичной травле, был назван Бэллардом «раковой опухолью» и обвинен в поражениях, которые преследуют «Мейпл Лифс». И это Ситлер, входивший раньше в сборную Канады и признанный в 1982 году на чемпионате мира одним из трех сильнейших игроков национальной команды. «Листья» срывались с древа без всяких поводов и без видимой логики. Не то что Торонто, вся Канада ахнула, когда самодур Бэллард показал на дверь Ситлеру. Капитан ушел безмолвно, не хлопнув дверью. А «Мейпл Лифс» совсем зачахли, не выйдя без вышвырнутых из клуба лидеров и в четвертьфинал Кубка Стэнли. Бэллард же будто в лихорадочном угаре демонстрировал хоккейной собственности ее полнейшее бесправие и свою абсолютную безнаказанность. Ну какой игры ждать при таком хозяине от некогда славной команды, 11 раз завоевывавшей Кубок Стэнли...

Однако и сам Бэллард обиделся бы, не упомяни я и о другом его «достоинстве» — яром антисоветизме. Наш хоккей для него что красный плащ торреро

для разъяренного, ослепленного тупой ненавистью быка. И в штаб-квартире НХЛ не устают удивляться звериной злобе Бэлларда к советским спортсменам, которую хоккейный миллионер являет при каждом удобном и неудобном случае. В фанатичном угаре непочтенный старец идет на все — даже на потерю благословенной прибыли. Деспот из Торонто запретил личной собственности — «Листьям» — встречаться с командами Советского Союза. Он всерьез полагал, будто нанесет урон нашему хоккею, не допуская сборную СССР в «Мейпл Гарденс». Именно Бэллард первым пригрел хоккейных перебежчиков, подло, тайком покинувших Чехословакию.

Антисоветчик, пожалуй, даже комичен в закостенелой одиозности. Но от этого не менее опасен. Такие бэлларды, облеченные определенной долларовой властью, и губят канадский хоккей. И это не голословное утверждение. Народная игра теряет популярность у народа. По числу занимающихся хоккей в Канаде медленно, но верно отстает от вытесняющих его плавания, тенниса, гольфа. Чистое и незаслуженное Бэллардом везение, что хозяин обосновался со своими «Листьями» в Торонто, где любовь к игре у жителей города в крови. Иначе бы не видать владельцу «Мейпл Гарденс» заполненных трибун. В некоторых канадских провинциях матчи на первенство НХЛ не собирают и половины залов. И на что смотреть, если, по мнению канадского журнала «Маклинз», «...североамериканский хоккей отошел от оригинальной сущности. В нем нет быстроты и легкости катания. Точный пас и артистичное владение клюшкой — редкость». Вратарь Кен Драйден, наблюдатель тонкий и проницательный, прямо указывает на причину упадка: «Боссы здорово ошибаются, продавая хоккей как спорт насилия».

Последствия «продажи» печальны. Кризис — иначе состояние, в котором находится бывшая игра № 1, не назовешь. Монреальская «Газетт», искренне удрученная постоянными проигрышами соотечественников в Кубке Вызова и Кубке Канады, вторит Драйдену: «Нас слишком долго убеждали, что насилие — часть хоккея. Но такого отношения терпеть больше нельзя».

Однако и длинная цепочка поражений от хоккеистов СССР, игравших в принципиально другой хоккей — корректный и честный, — мало чему научила и немногих образумила. Призывы забыть о грубости остаются лишь призывами для главных действующих лиц — хоккеистов и негласных режиссеров — хозяев клубов. Не оправдывая профи, скажем несколько слов в их защиту. Трудно за два-три сезона отказаться от вдалбливаемых с детства навыков. Спортсмену-профессионалу, воспитанному на определенных принципах, переделать себя в зрелом возрасте нелегко. Перерождение — на грани невозможного. Тем более наивно ждать счастливых метаморфоз от Бэлларда и К°. «Их» хоккеисты играют в хоккей, который они за свои деньги заказывают и получают. Вряд ли нынешнее поколение игроков НХЛ по взмаху волшебной палочки сбросит с себя въевшуюся, вошедшую в плоть жестокость. Не случайно казавшиеся незыблемыми рекорды результативности профессионального хоккея побил — и относительно свободно — не закаленный в спорах на кулаках ас, а вчерашний юниор Уэйн Гретцки. «Он не прибегал к насилию», — удивлялись газеты и цитировали хрупкого на вид игрока: «Я многому научился у русских». Другая звезда НХЛ, Серж Савар, вздохнув, бросил упрек себе и партнерам по национальной сборной: «Поражения (в Кубке Вызова. — *Н. Д.*), возможно, принесут пользу в том смысле, что в канадском хоккее начнут растить настоящих спортсменов, а не хоккейных головорезов».

Начнут ли? Попытаются — наверняка. Вырастят ли — не гарантировано. С чего вдруг у детей — надежды канадского хоккея — должно появиться презрение к грубой игре? Статьи авторитетов, зовущие покончить с драками, подростки не читают. На пресс-конференциях, где руководители НХЛ обещают искоренить насилие, они и подавно не бывают. А вот драки и прочую хоккейную грязь видят по телевидению регулярно. Хорошо бы переиначить пословицу «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», да как? Не к чему предаваться неосуществимым мечтам. Действительность такова: из хоккея профессионального грубость уверенно перекочевала в хоккей детский.

«На юных хоккеистов давят, — убежден сильней-

ший в прошлом защитник НХЛ Бобби Орр. — И для девяти-десятилетних важно одно — счет. Я, бывает, не верю собственным глазам и ушам. Стоит ребятам допустить ошибку, промах — и родители обрушивают на своих сыновей град ругательств и оскорблений. Насмотревшись по телевидению матчей профессионалов, подростки дерутся, бранятся между собой, спорят с рефери». Ничего хорошего не ждет Орр от профессионального хоккея и в дальнейшем: «Мой сын не будет играть в эту игру. Она ассоциируется у него с грубостью и травмами. Поэтому он и предпочел европейский футбол».

Прославленный хоккеист одобряет самоотречение сына от хоккея! Удивляться ли, что в Торонто (спасибо, мистер Бэллард!) за год прекратили существование из-за отсутствия игроков 13 детских команд. Грозным предостережением НХЛ стал вывод специальной канадской национальной комиссии, проанализировавшей и научно обосновавшей причину падения интереса к экс-спорту № 1: «Сокращение числа играющих в хоккей детей вызвано беспокойством родителей за их будущее. До тех пор, пока большинство нашей молодежи осваивает премудрости игры на основе кетча, успехи канадских команд в международных соревнованиях будут под вопросом».

Выход из кризиса труден, но ясен. Как ясно и с кого брать пример. Разгромное поражение в «Кубке Канады-81» с результатом 1 : 8 от советской команды отрезвило многих: и дальше внушать болельщикам мифическую историю о прекраснейшем на свете канадском профессиональном хоккее — глупо. Этого не понимает только закостеневший в антисоветизме Бэллард.

Но и Бэлларду достается. Все тяжелее сдерживать и гасить рвущееся наружу недовольство игроков. Дошло до неслыханного. После почетного проигрыша «Монреалю» с разрывом в одну шайбу старикан выкинул очередной трюк. Без ведома тренера Роджера Нельсона сообщил о его «отставке», что в переводе с эзоповского обозначает «увольнение». Тут и взбунтовались, зашелестели послушные, прирученные «Листья». Ультиматум был краток: или Нельсон, или мы не играем в чемпионате НХЛ. Бэллард приказывал,

топал ногами, настаивал, просил... и сдался. Конечно, от тренера и хоккеистов-смутьянов он чуть попозже избавился — как же иначе? Однако своеобразная забастовка добрый знак — и с бэллардами можно бороться.

А советские хоккеисты все же появились, и надолго, в прочно обороняемом прибежище миллионера-фанатика. Есть в Торонто на берегу озера Онтарио небольшое здание. Туристу или жителю города попасть сюда несложно — вход свободный. Получить постоянную прописку — трудно и потому особенно почетно. Это зал хоккейной славы, открытый в 1961 году. На стенах портреты ярчайших из ярчайших звезд. Неожиданный всплеск, случайная удача, метко заброшенная шайба, скоротечный успех пропуском сюда не послужат. Только многолетнее и добросовестное служение игре, признанное знатоками мастерство дает право кому-то из основателей музея вносить на рассмотрение его учредителей новую кандидатуру.

Овации в зале услышишь нечасто. Но когда летом 1974 года собравшиеся услышали фамилию первого избранного в клуб иностранца, раздались оглушительные аплодисменты. Так приветствовали Анатолия Владимировича Тарасова — советского хоккейного тренера и теоретика. Когда года три-четыре спустя Анатолия Владимировича подвели к собственному портрету, Тарасов заметил: «Это вы не меня, вы весь наш советский хоккей чествуете». Недавно по предложению канадского национального героя хоккеиста Бобби Халла в зале славы появился портрет любимца хоккейной Канады — Валерия Харламова.

Бэлларду не понравилось бы, услышь он мой разговор в ложе прессы «Торонто Мейпл Гарденс» с журналистами и служащими арены в черно-белых старомодных фуражках. «Третьяк, Михайлов, Мальцев...» — эти фамилии произносились бойко и без акцента. Эх, если бы и с другими сторонами нашей жизни канадцы были бы так же хорошо знакомы. Но пока до этого далеко. А тут я поразился, отвечая на вопросы о советском хоккее, в которых чувствовались и осведомленность и уважение. Что ж, репутация завоевана, марку надо держать высоко. Собеседники жале-

ли о прерванных суперсериях и дружно надеялись на потепление в жизни и в спорте. Как я понял, холодным атлантическим ветрам спортивную дружбу не заморозить. К тому же хоккей в Канаде — больше, чем хоккей. Выступая по советскому телевидению в день канадского национального праздника, чрезвычайный и полномочный посол Страны кленового листа Джеффри Пирсон в числе важнейших точек соприкосновения между двумя нашими государствами упомянул и хоккей. Так что пусть беснуется в своей арене Гарольд Бэллард. Дни царствования хоккейного вышибалы и ему подобных сочтены.

Знакомьтесь: незнакомцы

Водное поло и женщина были двумя несовместимыми для меня понятиями. Ведь хорошо известно, что жесткая, местами жестокая и быстрая игра придумана для мужественных и смелых. В нее играют настоящие атлеты. Да, нелегко вырваться из плена собственных предрассудков. Я бы, наверно, так и остался в добровольном заточении, если бы не судья международной категории Владимир Рашмаджан:

— Посмотри хоть матч. Не пожалеешь. Судить встречи — сплошное удовольствие. Девушки корректны, с арбитрами никогда не спорят, — в словах одного из лучших ватерпольных рефери мира чувствовались убежденность и вера. По крайней мере, на розыгрыш, который любит устраивать шутник Рашмаджан, непохоже.

Трибуны бассейна «Сентро Сивико» в эквадорском городе Гуаякиле ломились от расфранченной публики. И это удивило. Во время IV чемпионата мира по водным видам спорта 1982 года соревновались в «Сентро Сивико» не пловцы и не обожаемые местными болельщиками красавицы синхронистки: шел показательный турнир женских ватерпольных команд. Участницы приехали с трех континентов. Удивление быстро улетучилось, игра — поразила. Быстрая, результативная, она выгодно отличалась от матчей мужчин отсутствием грубых и умышленных нарушений. Бросая по воротам, спортсменки легко выпрыгивали из воды. Лишь изредка покрикивали друг на друга. После матча обменивались и дружным приветствием, и трогательными поцелуями.

Все встречи проходили под бдительным надзором мужчин-арбитров по строгим, сугубо «мужским» правилам: четыре периода по семь минут с ограничением времени владения мячом без удара по воротам 35 секундами. Единственная маленькая и незаметная уступка женщинам — поле для игры на пять метров короче и на три уже, чем у ватерполистов.

Может, поэтому мощная нападающая австралийской сборной под номером 5 метко бросала по воротам команды Канады прямо с центра. С главным бомбардиром женского ватерпольного турнира 26-летней управляющей магазином из Брисбена Деборой Хенли я с удовольствием побеседовал после игры:

— Сколько же голов вы забили в этой встрече?

— Я их не считаю. Этим всегда занимает себя мой отец, — взгляд куда-то вверх, на трибуну, и вопрос: — Папа, как сегодня?

Пожилой человек в верхнем ряду моментально поднял руки, потом три растопыренных пальца.

— Тринадцать, — сосчитала Хенли. — Неплохо. Но бывает и больше.

— У вашего отца полно работы.

— Он очень любит меня и водное поло. Не знаю, кого крепче. Приезжал на Олимпиаду в Москву и остался доволен хорошим приемом и отличным ватерпольным турниром в прекрасном олимпийском бассейне.

— А почему вы выбрали этот вид спорта?

— Раньше плавала. До выдающихся результатов было далеко: 100 метров вольным стилем — за 1 минуту 5 секунд. Но плавание — для молодых. В 17 лет пришлось из бассейна уйти. На чемпионате мира в Гуаякиле познакомилась с ватерполистками из многих сборных. Странно: хороших пловчих в них что-то маловато. В основном играют бывшие гандболистки, баскетболистки, волейболистки... Всем — за двадцать. И ватерполо наша вторая спортивная профессия. Спасибо этой игре — благодаря ей жизнь в спорте продолжается.

— Есть ли у вас идеал ватерполиста?

— Что за женщина без идеала? У меня это испанец Мануэль Эстиарте. У нас с ним общее хобби — стремимся забивать голы. В 19 лет он стал снайпером № 1 на Московской олимпиаде. Эх, мне бы его скорость! Мануэль был чемпионом Испании. Стометровку вольным стилем проплывал за 53,7 секунды — быстрее всех ватерполистов мира. А я бы одолжила ему несколько сантиметров роста: у меня их 178, у него — 170. Видите — хорошо играть в ватерполо может каждый независимо от физических данных.

— Многие женщины Австралии следуют вашему примеру?

— В январе разыгрывается первенство штатов и чемпионат страны. Сейчас в водное поло усиленно заиграли в колледжах — это дает чудесную физическую подготовку. Седьмой сезон подряд наша национальная

сборная отправляется в турне. Теперь я мечтаю доиграть до 1986 года — на чемпионате мира в Испании женщины-ватерполистки впервые поборются за золотые медали. Это вам не показательный турнир в Гуаякиле. А там, кто знает, может быть, попадем и на Олимпиаду?

Действительно, кто знает? Пути спортивные неисповедимы. Однако еще до разговора с рыжеволосой оптимисткой Деборой Хенли была у меня в Гуаякиле другая встреча. И на мой вопрос: «Состязания по какому виду водного спорта интересуют вас больше всего?» — собеседник ответил: «Показательный турнир женщин-ватерполисток». А интервью я брал не у кого-нибудь — у президента МОК Хуана-Антонио Самаранча. Понимаю, что дипломатичный, ловко обходящий острые углы президент отделался шуткой, чтобы не обижать прочих доблестных представителей плавательных дисциплин. И все же, все же...

Уже в Москве, обратившись к всезнающим и многое не забывшим ветеранам, со стопроцентной достоверностью выяснил: именно московские девушки были прародительницами набирающего популярность женского водного поло. В послевоенные годы, кажется до 1948-го, проводились даже первенства столицы. За команды обществ выступали спортсменки, входившие в сборную СССР по плаванию. И, вспоминают друзья-ветераны, те матчи собирали зрителей не меньше, чем трибуны «Сентро Сивико» в Гуаякиле.

Да, порой приходилось дивиться нелепым выдумкам, когда молодые и немолодые люди на досуге состязаются в метании на дальность сырых яиц или в поедании того же продукта. Самое главное качество в подобных «турнирах» — не обращать внимания на собственную глупость, на идиотизм предприятия. Однако бывало, что неожиданные спортивные дисциплины увлекали и появлялась мысль: а неплохо бы перенести их и на нашу почву. Ведь чем больше видов спорта, тем шире выбор, тем легче угодить каждому человеку.

А ТЕПЕРЬ о виде спорта, и не претендующем на олимпийский статус. Дело происходило в иранской жемчужине — Ширазе, городе столь же красивом, сколь и древнем. Представьте себе небольшую, неглубоко выкопанную арену, земляная поверхность кото-

рой отполирована тысячью босых ног. Рядом расставлены деревянные булавы одинаковой формы, но различных размеров. На возвышении поодаль музыкальные инструменты: бубны, трещотки, тройка барабанов. Это и есть зурхана, что переводится с персидского приблизительно как «дом силы». Хозяева дома — иранские атлеты, отдающие досуг старинному и древнему, будто сам Шираз, виду спорта — игре с булавами. У входа в зурхану — ни афиш, ни хотя бы вывески, написанной причудливой персидской вязью. С булавами в Ширазе играют любители. Реклама и зрители им ни к чему, да и мы забрели сюда случайно. Хозяева понимают: к ним заглянули иностранцы — и не выпроваживают незваных гостей только из-за восточной, веками выпестованной вежливости. Беспокойно переглядываются — начинать, не начинать? И начинают.

На арене появляется босоногий и, конечно, черноволосый мальчуган лет шести-семи, подпоясанный потрепанной шалью. Он старательно делает головой нечто вроде вращательных движений. К нему постепенно, не торопясь, присоединяются ребята постарше. Затем медленно, как бы нехотя, в вялом черепашьем темпе в круг вступают и взрослые. Слышатся слабые звуки барабана: это седой старик музыкант поднялся на своеобразный постамент и здоровается с участниками тихо и сдержанно. Те, в свою очередь, выстраиваются в ряд и приветствуют старца громко и с пробуждающимся энтузиазмом. Музыкант, вежливо принимая почести, на несколько секунд замирает. Потом внезапно резко ударяет в висящий прямо над головой звонкий колокольчик с оперением: сигнал к игре подан. Спортсмены — собравшиеся в зурхане достойны этого звания — приближаются к центру арены, обнимаются, целуют друг друга и разбегаются по площадке.

Музыкант, или в нашей трактовке дирижер, едва слышно напевает плавную и мелодичную персидскую народную песню, успевая подыгрывать себе на бубне. Атлеты переходят к неожиданному для нас упражнению: совершают балетные пируэты. Первым приступает к исполнению сложных па знакомый нам юный спортсмен. Отчетливо видно, что чем опытнее участ-

ник, тем искуснее получается у него трудное движение.

Старик в чалме вновь бьет по колокольчику, и на арену аккуратно укладываются маленькие дощечки из дерева. Музыкант запевает песню позвонче, повеселее. Спортсмены целуют землю, как бы черпая оттуда силы, и принимаются отжиматься от дощечек. Ритм отжиманий ускоряется, голос певца набирает громкость, удары по барабану — сильнее и сильнее. В прямо бешеном темпе атлеты продолжают отжимания. Постойте-ка, постойте, да это же настоящие соревнования. Иранцы и не подозревают, что только что осилили норму нашего физкультурного комплекса, в который входит и такое упражнение. Но вот усталость подкрадывается то к одному, то к другому участнику. Они отвешивают низкий церемонный поклон барабанщику и поворачиваются к ребятам, продолжающим отжимание. Выбывшие всячески — и словом и жестом — подбадривают друзей, помогая им продержаться как можно дольше. Музыка звучит на полную мощь, а в кругу остается единственный богатырь. Он с усилием отжимается последний раз и воздевает руки к небу. Товарищи наперебой поздравляют его и громко аплодируют, выражая уважение и восторг. Музыкант благосклонно кивает победителю головой, а тот сгибается перед старейшиной в почтительном поклоне.

Но оказалось, все это было лишь прелюдией к настоящей игре — своеобразная разминка из трех упражнений. Отлично разогревшиеся атлеты по сигналу колокольчика начинают игру с булавами, вес которых колеблется от 6 до 16 килограммов. Детишки работали миниатюрными булавами, взрослые тяжелыми, пудовыми. Булавы, как невидимой нейлоновой нитью привязанные к спортсменам, совершали фантастические вращения вокруг мускулистых тел, взлетали высоко в воздух, попадая при приземлении точно в руки жонглеров. Атлеты, особенно молодые, увлеклись игрой и не заметили сигнала почтенного старца о ее прекращении. Второй удар по колокольчику отрезвил чересчур увлекшихся. Старейшина спустился с возвышения, чинно поблагодарил спортсменов, отвесил поклон и нам — зрителям и под благодарственные возгласы удалился из зала.

Чувствовалось, что достопочтенный ветеран пользуется в зурхане непререкаемым авторитетом. Но стоило «старшему тренеру» покинуть подопечных, к нам моментально подошел симпатичный паренек, которого я про себя прозвал «солистом». Он выделялся мастерством игры на фоне остальных. Бросал тяжеленные деревяшки легко, ловил — ловко, словно шарики от пинг-понга.

— Американи? — без особой приветливости в голосе поинтересовался статный жонглер с рельефными мускулами культуриста.

— Шурави (русские. — *Н. Д.)*, — ответила наша переводчица Фериде Зурикашвили, и новый знакомый оживился.

Разговорились. Девять лет из своих восемнадцати пекарь Хуссейн Шафизаде отдает игре с булавами все свободное время. Маленький спортивный клуб, куда мы случайно заглянули, содержится на добровольные взносы его членов и небольшую дотацию от ширазских властей. Древняя игра с булавами приобретает все больше поклонников. Некоторые друзья Хуссейна уже лет двадцать приходят по вечерам в зурхану, а от мальчишек, мечтающих превратиться в иранских богатырей-пехлеванов, нет отбоя. Система отбора упрощена до предела. Двери клуба открыты для всех желающих. Функции строгого экзаменатора исполняет прилежный и вечный арбитр — время. Не получается игра, не хватает терпения, послушания — ученик добровольно покидает арену, при желании продолжая десятилетиями выплачивать членские взносы. В Доме силы нет ни начальников, ни тренеров, а жонглированию и замысловатым упражнениям ребята учатся друг у друга. Ветеран-музыкант, аккомпанировавший атлетам, раньше считался первоклассным жонглером. Но годы не пощадили и крепких, наращенных игрой с булавами мускулов. Жонглер, да простят мне этот не очень уместный термин, переквалифицировался и продолжает по мере убывающих сил служить родной зурхане.

Бежали минуты, превращаясь в часы. Нас все не отпускали. Расспрашивали уже не мы. Толпа густела вместе с сумерками. Вопросы сначала о спорте, а в конце концов и о жизни в Советском Союзе. Все ин-

тересовало ребят, до обидного мало знавших о северном соседе. Отпускали неохотно. Просили написать о клубе, что я и делаю с некоторым опозданием. Приглашали зайти «фарда» — завтра, обещая угостить вкусным национальным блюдом, таким же неизвестным, как игра с булавами. Мы бы пришли. Но командировка в Шираз заканчивалась. Массивный шофер минибуса, булавами наверняка не жонглировавший, раза четыре обиженно заглядывал в зурхану и нервно пощелкивал толстыми пальцами — спешил. Пора было расставаться, а не хотелось.

После Шираза побывал я в Домах силы двух иранских столиц — бывшей — Исфагана и нынешней — Тегерана. Помещения там украшали красивые персидские ковры, да и участники представления — атлеты-полупрофессионалы оказались, признаю честно, посильнее ширазских. Однако, надо же, именно зурхана в Ширазе запомнилась, отложилась в памяти и сегодня вспоминается ясным и чистым, искренним и добрым гостеприимством, преданностью старинной игре, пусть никогда и не стать ей олимпийской.

ДРУГОЙ вид спорта, который попытаюсь представить, рвется в олимпийцы долго и упорно. Шесть показательных турниров провели бейсболисты в рамках Олимпиад. Подходит черед очередного. На летних Играх в 1984 году в Лос-Анджелесе мастерство игры в бейсбол собираются продемонстрировать четыре команды.

Не утихают и не утихнут споры по поводу того, где же родился популярный в Северной и Латинской Америке бейсбол и кто его изобрел. «Бейсбол — наше народное изобретение», — говорят кубинцы. Доказательства авторства весомы. Еще Христофор Колумб, добравшись в XV веке до Кубы, подробно описал игру в мяч, изготовленный из слоистого каучука. Эта игра — «батос» — и была прообразом современного бейсбола.

Американцы более категоричны. Отцом бейсбола они провозгласили нью-йоркца Эбнера Даблдея, годом рождения «нашего национального вида спорта и народного развлечения» — 1839-й. А нейтральный, в данном случае, и довольно авторитетный английский

справочник «Оксфордский словарь спорта и спортивных игр» обзывает сие утверждение «мифом». По мнению ученых британских мужей, игра зародилась — где бы вы думали? — в Англии, и, в виде снисходительной уступки американцам, — в Америке в XVIII столетии. Споры об авторстве не утихают. Хорошо, что хотя бы официальные правила, утвержденные в 1845 году в Соединенных Штатах, остаются практически неизменными.

Непременные атрибуты — мяч весом до 149 граммов, клюшки или биты не длиннее 107 сантиметров и предохранительные кожаные перчатки, которыми пользуются игроки. На площадке по девять бейсболистов от каждой из двух команд. Замены разрешено производить в любой момент, но раз замененный лишается права вступать в игру. Матч продолжается часа два и немножко похож на русскую лапту. Основную цель игры можно определить приблизительно так — как можно дальше отбить бейсбольный мяч клюшкой. Этот мяч бросает рукой в сторону противника подающий игрок из противоборствующей команды. За то время, что отбитый мяч находится в воздухе, один из девяти спортсменов принимающей команды должен успеть добежать до зачетного поля противника. Таких полей или баз, расстояние между которыми 27,4 метра, — четыре. Успел игрок из подающего клуба обежать в направлении, противоположном движению часовой стрелки, три базы и вернуться на свою, четвертую, и его команде засчитывается пробежка. Победителем становится сборная, совершившая наибольшее количество пробежек. Команды, меняясь, трижды подряд подают мяч и, соответственно, три раза защищаются. Ничьи в миролюбивом с виду бейсболе не регистрируются — матч обязательно продолжается до победы. Классный бейсболист обладает реакцией хоккейного вратаря, скоростью спринтера, силой метателя.

Впервые увидел элементы — как бы отрывки — из бейсбола в США. Там эту игру «преподают» в школах. На зеленых, забитых людьми лужайках мальчишки проворно кидают мяч прямо в ловца — «кэтчера». А он цепко и намертво хватает летящий снаряд здоровенной прорезиненной лапой, напоминающей ло-

вушку хоккейного голкипера. Что ж, быстрая реакция и крепкие мускулы никому не мешают.

На официальном бейсбольном матче я побывал на Кубе. Нас, гостей XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, пригласили посмотреть игру сборных восточных и западных провинций. Понравилось. Из игроков больше всех стремительный усач Педро Хосе Родригес. Трудно объяснить, каким непонятным образом в невысоком, самого что ни на есть обычного сложения человеке быстрота бегуна сочетается с мощью штангиста. Знакомство с Родригесом, правда, из серии «я вас знаю, вы меня — нет», было любопытным. Его пригласили в зал пресс-конференций гостиницы «Гавана Либр», где жили аккредитованные на событии журналисты. Взъерошенный и рассерженный, Родригес не скрывал бьющей через край злости. Было от чего разозлиться. На днях сборная Кубы вернулась с привычной и заслуженной победой из колумбийского города Медельины с игр стран Центральной Америки и Карибского бассейна. Среди 120 добытых медалей одна принадлежала бейсболистам. Ничего удивительного — любительская команда Кубы — одна из лучших в мире. Жаль, насладиться триумфом кубинскому бейсболисту № 1 не дали. Дома, в Гаване, Родригеса догнала сенсационная «утка»: он, Педро, остался в Колумбии и слезно молит о предоставлении политического убежища. Усатый Педро заинтересовался: лучшему бейсболисту-любителю Американского континента было любопытно, как выкрутятся из положения авторы «утки». Вот он — Хосе Педро Родригес — живой, как жизнь. По этому аргументу знаменитого спортсмена и ударили авторы сенсации. «Родригес мертв. В назидание другим агенты кубинской контрразведки выбросили его с пятого этажа отеля в Медельине», — запестрели сообщениями иностранные газеты.

— Хватит, надоело! Объясните этим идиотам, что они бездарно расходуют свои бесплатные чернила, — дипломат, в отличие от бейсболиста из Родригеса не получился. — Я люблю сенсации. Но хотя бы пусть оставят меня в живых. Я еще не наигрался в бейсбол, — издевался чемпион.

Точно отсинхроненные на пять языков слова до-

шли до забитого зала, отозвавшегося взрывом смеха. Мы, европейцы, конечно, разобрались в сути дела. Но приводившую Америку в восторг фамилию «Родригес» не слышали и, чем таким прославился этот парень, не подозревали. Любопытное явление. Звезды Нового Света в Свете Старом подчас абсолютно неизвестны. Да и откуда нам знать Родригеса, если и понятие «бейсбол» было чисто абстрактным. А на спортивной Кубе с ее десятками чемпионов всех степеней и рангов Педро Хосе Родригес регулярно входит в тройку наиболее популярных спортсменов страны. Менеджеры профессиональных клубов из Соединенных Штатов не устают предлагать бейсболисту выгодные контракты. Его насмешливое «нет» лишь на время охлаждает их пыл. Здесь и ответ на вопрос, зачем выпустили на бесславную погибель желтенькую «уточку». Пощекотали нервы спортсмену, насторожили кубинских болельщиков, уважающих своего кумира и влюбленных в игру. Ибо не было и не будет на острове мальчишки, который бы хоть раз в жизни не вышел на бейсбольную площадку.

В семидесятых годах прошлого века в бейсбол на Кубе играли практически все мужчины. На матчи и тренировки собирались целыми поселками и районами. Это тревожило испанских колонизаторов. И не зря. Часто игры служили прикрытием для встреч революционеров. Бейсбол запретили. Нарушителей ждали плети и тюрьма.

...После революции на Кубе построено свыше ста бейсбольных стадионов. Этим видом спорта увлекаются более четверти миллиона человек. Для маленькой страны цифра, поверьте, внушительная.

Вызывает невольный интерес и другая цифра — 80 миллионов телезрителей США наблюдают в конце сезона за серией матчей между клубами, победившими в двух профессиональных бейсбольных лигах. В Штатах эти игры называют «мировыми сериями» или даже «чемпионатом мира». С таким же успехом мировым первенством можно считать и встречу, скажем, обладателя кубка страны с национальным чемпионом. Но американцы, сами для себя устроившие это соревнование, свято верят в то, что оно по-настоящему мировое. Владельцы профессиональных бейс-

больных клубов успешно вбили в головы соотечественникам: нашим командам в мире равных нет, следовательно, и внутренние состязания надо возвести в ранг мировых. Уверенность так же непоколебима, как и ничем не обоснована. Однако никто и не требует от миллионеров — хозяев бейсбольных конюшен — разумных обоснований. Еще в 1869 году бейсбол превратился в США в чисто коммерческое предприятие. Делами ворочают крупные бизнесмены, строго настаивающие на соблюдении ими самими установленных для бейсбола и бейсболистов суровых законов.

От некоторых из неписаных, но бездумно и бездушно выполняемых правил попахивает расистским душком. Например, введенная в 1884 году и просуществовавшая до не очень и далекого 1947 года «цветная линия» запрещала заключать контракты с неграми из США и Латинской Америки. Соблюдалась мнимая чистота игры, предназначенной только белым и для белых. Многие темнокожие спортсмены оставались за бортом большого бейсбола. В их числе Хосе де ля Каридад — знаменитейший бейсболист в дореволюционной Кубе. И от молодых кубинцев я слышал рассказы об этом восхитительном Черном бриллианте. Считавшиеся тогда непобедимыми американцы были ошеломлены игрой Каридада. Тренер первой в мире профессиональной бейсбольной команды «Цинциннати Ред Стокингс» откровенничал перед журналистами: «Я видел на Кубе Черного бриллианта. Если бы его перекрасили в белый цвет, я бы увез Каридада в США». Неудачи и нищета сломили Черного бриллианта. Он не дожил до революции — на сорок первом году скончался.

Запрет «на черных» был отменен. Расовая дискриминация — осталась: слишком живуча. Призовем в свидетели Андрэ Форнтона, 15 лет зарабатывающего на жизнь бейсболом. Об этой игре чернокожий бейсболист из Кливленда знает все. Многое мог бы поведать Форнтон и о тайных пристрастиях коллег-профессионалов. Однако долгие годы игрок клуба «Кливленд Индианс» предпочитал держать эти знания при себе. А недавно обычно не склонный к пространным заявлениям Форнтон заговорил. И как громко! Андрэ разозлило заявление руководителя профессиональной

бейсбольной лиги. Тот публично утверждал: спортсмены — негры и латиноамериканцы злоупотребляют наркотиками. Видно, вырвалась наружу до поры до времени сдерживаемая расистская злоба.

— Слушать такое оскорбительно, — возмутился Форнтон. И, возмутившись, поведал о порядках, точнее беспорядках, в американском профессиональном бейсболе.

Команд, игроки которых не пользовались бы наркотиками, просто-напросто нет. В одних клубах число наркоманов не превышает двух-трех, в других к марихуане и кокаину пристрастилась половина игроков. Среди них и белые и чернокожие бейсболисты. Владельцев команд это нисколько не смущает. Тренеры смотрят на подобные нарушения сквозь пальцы. И только когда одурманенный наркотиками бейсболист совершает какой-нибудь вопиющий проступок, ему моментально припоминают прежние грехи.

Что касается игроков, до бесчувствия напивающихся после матчей, то на них вообще не обращают внимания. Пьянство давно перестало быть в профессиональном спорте наказуемым пороком.

— А ведь, по идее, на нас должны равняться, за бейсбольными встречами наблюдают миллионы в основном молодых людей, — грустно констатирует Форнтон. — Именно мы — спортсмены — обязаны подавать пример отличного поведения на поле и за его пределами. Но происходящее в бейсболе — отражение всего того, что происходит в нашем больном обществе.

Признание откровенное и для профессионала необычное. Однако что для заправил бейсбола Форнтон — он сравнительно малоизвестен. Послушаем тогда легендарного в Соединенных Штатах игрока Хенка Арона, побившего все тщательно регистрирующиеся в США бейсбольные рекорды:

— Расизм неотделим от американского спорта. Он и сегодня диктует законы на любых ступенях бейсбольной иерархии. В клуб «Цинциннати Ред Стокингс» запрещено приглашать негров. (Вспомним довоенную историю с тренером этой команды и Черным бриллиантом Каридадом. — *Н. Д.*) В суперлигах практически нет тренеров негров. Я — исключение.

Думаете, черные разбираются в игре хуже белых? Смешно.

Смеяться не тянет. Что изменилось после отмены «цветной линии»? По-прежнему многие талантливые спортсмены «не с тем цветом кожи» допускаются до игр только в специально для них отведенной «негритянской лиге». Руководят командами только белые. Как много этих «только»... Есть, кстати, в США и лига, названная именем высокочтимого игрока двадцатых-тридцатых годов Руфа. Он, великий белый по прозвищу Бейб, а не улучшивший его достижения Арон, считается в Штатах бейсболистом всех времен. Причина та же — различный цвет кожи. Добиться известности, ворваться в магический круг 650 игроков-профессионалов высшей бейсбольной лиги удается горсточке упорнейших и смелейших негритянских парней.

Упорство творит чудеса и, на время оставив в покое бейсболистов, напишу о мужественнейшем из мужественных, неважно, что знаменитым не ставшем. Джо Уокеру не увидеть солнечного света. У общительного сорокапятилетнего жителя Атланты множество друзей, но ему незнакомы их лица: Уокер ослеп в детстве. Тем не менее имя и голос Джо Уокера неплохо известны американским радиослушателям. Он — популярный спортивный комментатор. Больше двадцати лет звучит в эфире его энергичный, хрипловатый голос. Джо подготавливает выпуски новостей, берет интервью у чемпионов, отдавая предпочтение любимым бейсболистам. Не может лишь вести прямые репортажи со стадионов.

В детстве у негритянского мальчика была мечта играть в бейсбольной команде. Он фанатично, до исступления тренировался. К счастью, понял: звезды из него не выйдет. Но бейсбола не бросил. Тяга к спорту победила недуг: Джо превратился в спортивного журналиста. Уокер хранит в памяти тысячи фамилий и фактов, безошибочно называет результаты игр двадцатилетней давности, за что заслужил титул «Мистер Бейсбольная Энциклопедия».

Мастерство чернокожего комментатора нисколько не трогало директоров радиостанции в Атланте. И не из-за сострадания к неизлечимой болезни дозволено

ему погреться в теплых лучах журналистской славы. Он — сенсация. Громкоголосая приманка, приносящая радиостанции новых слушателей.

...Неисчерпаема бейсбольная тема. Сколько в ней историй, анекдотов, судеб! Сорвем еще листочек с могучего бейсбольного древа, свидетельствующий о неутолимой жажде прибылей, мучающей хозяев клуба. В погоне за зелеными бумажками команды срочно «передислоцируются» с места на место. О болельщиках и бейсболистах не задумываются. Решил, например, босс «Нью-Йорк Джайнтс» Стоунхэм перебраться в Калифорнию, надеясь хорошенько подзаработать в благословенном краю. Наплевал на нью-йоркских ценителей бейсбола и без всяких угрызений совести дал старинному клубу из Нью-Йорка новое имя «Сан-Франциско Джайнтс». А бейсболисты команды «Чикаго Уайт Сокс» твердо усвоили: их судьба целиком зависит от самочувствия Билла Вика. В 1961 году он почувствовал себя неважно и продал клуб Джону Аллину. А потом «Чикаго Уайт Сокс» в очередной раз поменял хозяина. К удивлению игроков, выяснилось, что они вновь перешли в собственность мистера Вика. Здоровье богача поправилось, и он решил опять побаловаться бейсболом.

Игра популярна в США. Со специального разрешения президента Соединенных Штатов Франклина Рузвельта бейсбольное первенство продолжалось и в годы второй мировой войны. За команды играли «инвалиды», признанные добрыми болельщиками-докторами негодными к несению воинской службы и демобилизованные из армии.

Словом, американцу не представить свою страну без бейсбола. Однако в 1981 году пришлось. И когда — в разгар сезона. Причина молнией поразила обывателя: забастовали тщательно и вкусно подкармливаемые сливки спортивного общества — 650 бейсболистов из 26 сильнейших клубов. В форме своих команд, соорудив самодельные плакаты с надписями «Мы бастуем», элита пикетировала стадионы. 580 пропущенных почти за два месяца игр — такое раньше не могло присниться годами приучаемому к бейсбольным телетрансляциям болельщику. Ассоциация профессиональных игроков требовала права на свободный

наем рабочей силы и повышения минимального уровня заработной платы.

Хозяева клубов, пронюхавшие о грядущей стачке, предусмотрительно подготовились к затяжной борьбе. Застраховались в хорошо известной на Западе английской фирме Ллойда, прославившейся многомиллионными операциями. За несостоявшийся матч выплачивалось по 100 тысяч долларов. Убытки, если и были, то мизерные.

Забастовка — самая продолжительная в истории профессионального спорта — грозила перерасти в хронический кризис. По времени и по воле судьбы она совпала с волнениями авиадиспетчеров, и администрация Рейгана резво взялась за тушение хотя бы одного — менее разрушительного, зато более яркого и сенсационного для страны пожара. В схватку вступил незнакомый в мире большого бейсбола игрок — министр труда США Реймонд Донован. Правда, год спустя он оскандалился теснейшими связями с мафией, но в то время Донован крепко сидел в министерском кресле. Министр требовал, грозил, настаивал: с забастовкой надо заканчивать.

Американцам действия игроков преподносились как попытка зажиревшей и зажравшейся спортивной олигархии увеличить свои и без того космические прибыли. Владельцы клубов запутывали слабо разобравшихся в истинной причине конфликта. Откровенно признаться, что они делают на бейсболе деньги, значило вызвать симпатию к спортсменам. И, забыв об остатках приличия, толстосумы развернули в на корню закупленных средствах массовой информации широчайшую клеветническую кампанию. Игроков клеймили этакими негодяями, презирающими болельщиков и хлопочущими о собственном — и так туго набитом — кошельке. Боссы выставлялись невинными агнецами, преследующими благородную цель: вернуть Америке ее игру, заставить бунтарей поиграть с обожаемым нацией маленьким мячиком. Бейсбол — народное достояние, и благотворители бескорыстно даруют его Соединенным Штатам, несмотря на сопротивление жадюг спортсменов.

Циничная, спекулятивная манипуляция общественным мнением, построенная на слепой любви публики

к игре, удалась. Ее поклонников убедили: бейсбол — развлечение для владельцев клубов и коммерческое предприятие для игроков, выкачивающих из него доллары, как нефть из скважины. Все реальные понятия были смещены, сознательно перевернуты с ног на голову.

«Они убивают игру», «Катастрофа неизбежна» — статьи с вопящими заголовками призваны были заставить болельщиков, застывших в пассивном ожидании, очнуться и предпринять решительные шаги. По мысли подстрекателей, им предназначалась роль вершителей неправого суда. Они должны были смять пикеты бейсболистов и задать наглецам хорошенькую взбучку. На страницах газет замелькали «чистосердечные» признания: «Вините Ассоциацию игроков за повышение цен на входные билеты», «Игроки заключают миллионные контракты и утаивают доходы, уклоняясь от уплаты налогов». Подлая травля велась по всем грязнейшим правилам.

Это и обозлило бейсболистов. На их стороне была справедливость и популярность. Иначе бы не прорваться спортсменам к микрофонам теле- и радиостудий и на газетные полосы, предвкушавших скандалы, сенсации и, как следствие, расширение своей аудитории. «Мы не хотели бастовать, нас на это толкнули, — объясняли руководители Ассоциации игроков. — Какие бы суммы мы ни зарабатывали, боссы гребут в десятки крат больше. Если бы, например, бейсболист Дэви Винфельд не приносил доходов, мультимиллионер-судовладелец Джордж Стайнбреннер вкладывал бы капитал не в него, а в строительство новых корабликов. Когда мы заикаемся о справедливом распределении денег, которые мы и зарабатываем, нас бьют по рукам». Ведущий игрок-профессионал Питер Роуз иронически вопрошал: «Вы слышали о бейсболисте, держащем револьвер у виска своего хозяина? И я тоже нет. Мы стремимся быть свободными в поисках лучшей работы. Эта свобода гарантирована нам конституцией США».

Последнее утверждение звучит наивно. Свобода требовать лучших условий работы обернулась для авиадиспетчеров массовым увольнением. Они оказались выброшенными на улицу с лично президентской

санкции. Спортивную бейсбольную элиту так примитивно не укротишь. Штрейкбрехеров, к любезным услугам которых прибегала администрация Рейгана, на бейсбольное поле не выпустишь. Но и силы бейсбольных профи были не безграничны. Спортсменам не выплачивали зарплаты — только тут они потеряли 13—14 миллионов долларов. Еще больше страдали не имеющие отложенных на черный день сбережений рабочие и контролеры стадионов, обслуживающий персонал... Да и некоторые не первой величины звезды почувствовали необходимость потуже затянуть непривычные к такого рода операциям пояса. В неполные тридцать Ричард Хебнер из «Детройт Тайгерс» научился лишь игре в бейсбол. Владельцы клубов на уступки не соглашались, и тогда на помощь спортивному профи пришел его отец. Тоже профессионал, только — могильщик: пристроил сына работать на кладбище. Вдвоем рыть могилы веселее. А что было делать?

Итак, публика требовала привычных зрелищ. Министр Донован усердствовал, заминая нежелательный для администрации «эпизод». Игроки устали. И хозяева пошли на частичный компромисс. «Сомневаюсь, чтобы они захотели теперь лишний раз испытывать, насколько мы сплочены», — язвительно заметил после заключения соглашения о перемирии представитель Ассоциации игроков Дуг Дечинсес из Балтимора. Бейсболисты США получили хорошие навыки борьбы за экономические права и преподали неплохой урок зарвавшимся хозяевам. Какие выводы сделают из случившегося обе стороны? Ответ даст время.

Бичуя наживающихся на бейсболе, ни в коем случае не будем забывать о приятном и немаловажном. Игра популярна не по прихоти бизнесменов, увеличивающих за ее счет собственные счета — банковские. И не ради их меркантильной выгоды приходят на трибуны и переживают у телевизоров миллионы болельщиков. Искренне посочувствуем неплохо обеспеченным и все равно абсолютно бесправным бейсбольным профи. Осуждая насаженные в спортивной среде неспортивные нравы, вспомним, что живут игроки в мире, где главным критерием остается неважно какой ценой и какими средствами добываемая прибыль. За-

бастовка летом 1981 года — признак первого робкого пробуждения классового самосознания, тупо дремавшего десятилетиями под убаюкивающий шелест подбрасываемых долларовых купюр. Бейсбол прекрасен сам по себе. Сюжет игры постоянно меняется. Она динамична. Восхищает и захватывает филигранное, доведенное до совершенства мастерство исполнителей. В этом — причина любви к бейсболу.

Пример Кубы подтверждает: бейсбол — это игра народа и для народа. Боюсь ошибиться, но, по-моему, в Советском Союзе официальных бейсбольных матчей не проводилось. Студенты Московского государственного центрального института физкультуры сыграли однажды показательную встречу. Вероятно, увидим и мы захватывающие, пока поверьте на слово, поединки бейсболистов. Членам советской делегации на XI Всемирном фестивале молодежи и студентов 1978 года бейсбол в кубинском исполнении понравился. Интересно, что распространенный у нас теперь бадминтон был продемонстрирован в Москве именно на Всемирном фестивале молодежи и студентов 1957 года. Не будем загадывать. Возможно, и бейсбол придется по душе советским спортсменам и болельщикам.

НЕ РИСКНУ сказать того же о гольфе — спортивном увлечении, популярном по обе стороны океана. Уж очень он монотонен. Шутят, что в него можно играть целую вечность и не доиграть до конца. Вечность не вечность, но продолжается матч часами. Однажды в Торонто мы пошли на хоккей. Перед этим смотрели телетрансляцию турнира по гольфу. Вернулись из «Торонто Мейпл Гарденс», поужинали, включили телевизор — и вновь знакомая картинка: те же игроки и тот же турнир. Позволить себе роскошь заняться гольфом имеет право лишь обладающий уймой свободного времени. Но с другой стороны, быть членом какого-нибудь закрытого аристократического клуба и не уметь держать клюшку — неприлично. Это подтверждает мое, признаю — субъективное, мнение о гольфе, как об игре для узкого круга.

За соревнованиями приятно наблюдать минут 10—15. Радует уставший от городских видов глаз не-

объятная лужайка с аккуратно подстриженным, неправдоподобно зеленым газоном. Живописны игроки — холеные, со вкусом одетые, подтянутые. Задача перед ними нелегкая: загнать маленький мячик диаметром в 41—43 миллиметра в каждую из восемнадцати лунок, вырытых на поле длиной от 4572 до 6400 метров. Расстояние между лунками — самое разнообразное. Помахивая клюшкой, напоминающей хоккейную, спортсмен стремится затратить поменьше ударов, чтобы попасть мячом в лунку, и таким образом стать победителем.

Четверть часа боления — и очарование игры незаметно исчезает. Надоедают однообразные движения примеривающихся к удару игроков. Раздражает медленное течение матча. Гольф не захватывает. Хоть в него и играют один на один, и командами — двое на двое, — он сугубо индивидуален. На широченном лугу для игры могли бы уместиться с десяток других спортивных площадок. Тяжело содержать газон в идеальном состоянии. Любой каприз погоды — и у спортсменов появляется масса хлопот, например, в дождь в гольф особенно не поиграешь.

Не сыграть и если не найдется денег на солидный взнос в гольф-клуб. Игра по-прежнему остается забавой для привилегированных. А кое-где, например в густонаселенной Японии, и хотели бы сразиться в гольф, да мешает нехватка земли. Японцы со свойственной им практичностью нашли выход и из этого безвыходного положения. Используют открытые волейбольные и баскетбольные площадки, загоняя мяч не в 18 — в пять-шесть лунок.

Настоящий, не японский, гольф отнимает массу времени. Это поняли и англичане, придумавшие игру в незапамятные, даже историками толком не установленные века. В 1457 году гольф запретили королевским указом. Вельможам строжайше повелевалось заняться стрельбой из лука, а развлечение, на которое придворные тратили по четыре часа ежедневно, предавалось анафеме. Тридцатью тремя годами раньше подобная кара постигла и футбол. Запрет на гольф отменили уже в начале XVI века, а в середине XVIII — естественно, в Британии — состоялся первый официальный турнир мастеров этой игры.

Итак, футбол и гольф благополучно пережили высочайшие запреты. И не случайно. В гольфе, бесспорно, есть немало привлекательного. Игра доступна практически каждому здоровому человеку. Чтобы помахать клюшкой, не обязательно быть классным атлетом и заядлым спортсменом-физкультурником. Играют в нее люди всех возрастов — от школьников до пенсионеров. В канадском городе Этоубико, я видел, как, передвигаясь по газону в колясках, старенькие инвалиды ловко подъезжали к мячику и наносили прицельный удар миниатюрной клюшкой. Пожелавшему испробовать твердость своей руки и меткость глаза, не требуется никакой специальной подготовки. Нужны (простите, я все о том же) терпение и время. Нет партнера? И не надо! Сосчитайте сами сделанные вами удары и сравните их с результатом, показанным на этом поле профессиональными игроками. И разве не доставит удовольствия побегать по траве, отключившись на несколько часов от домашних, рабочих и прочих забот. В Великобритании у гольфа два миллиона преданных поклонников, в Северной Америке — 10. Лично у меня состязания по гольфу интереса не вызвали. Мне кажется, в эту игру лучше играть самому, чем наблюдать за ней по телевидению. В Канаде, США, Англии она собирает полные трибуны. Розыгрыш Кубка мира транслируется на многие страны. Имена сильнейших профессиональных спортсменов: американцев Джека Никлауса и Арнольда Палмера, англичанина Тони Джеклина — известны болельщикам не хуже имен хоккейных и футбольных знаменитостей.

Но аристократический характер игры не изжил себя. Нет-нет да и проявится знатная родословная, кичащаяся своей голубой кровью и незыблемостью устаревших традиций. Организация Объединенных Наций рекомендовала спортсменам всех стран и народов не поддерживать контактов с расистами ЮАР. Об этой рекомендации хорошо известно руководителям международных спортивных федераций. Решением МОК государство, в котором процветает апартеид, отстранено от участия в международном олимпийском движении. А в состязаниях по некоторым неолимпийским дисциплинам спортсмены Южной Африки стартуют и по

сей день. Среди них, к сожалению, и гольф. Южноафриканец Гарри Плэйер колесит по свету, собирая призы на всевозможных турнирах и прославляя страну расизма. Эти вояжи наверняка выгодны Плэйеру и пекущимся о поддержании расистского спортивного престижа. А вот гольфу они популярности явно не прибавляют...

К СОРЕВНОВАНИЯМ по травяным лыжам — дисциплине, как вы понимаете, тоже не олимпийской, спортсмены ЮАР не допускаются. Комитеты по лыжам на траве входят в состав национальных лыжных федераций. Те, в свою очередь, объединены в Международную федерацию лыжного спорта, которая одной из первых отвернулась от расистов.

Пожалуй, в длинном ряду спортивных дисциплин травяные лыжи занимают место где-то в самом конце дальнего фланга. Они еще не вышли из детского возраста, но почитателей приобретают быстро. В 1967 году фабрикант из западногерманского города Штутгарта герр Кайзер для личного интереса прикрепил к нижнему желобу бракованных, чересчур коротких лыж нейлоновую ленту с круглыми пластиковыми роликами шириной четыре сантиметра. На этой необычной конструкции можно было лихо съезжать с невысоких, покрытых травой горок. Автор и сам не ожидал, что новинка пойдет, понравится. Опытную партию запатентованного изобретения раскупили мгновенно. В ФРГ и соседних с нею странах снега выпадает мало, а покататься на лыжах хочется. Ездить на дорогие швейцарские горные курорты по карману редко кому. И как приятно, когда лыжный сезон продолжается круглый год.

Разворотливый Кайзер в считанные недели наладил выпуск невиданной, но пользующейся спросом продукции. Лыжи были еще больше укорочены и не превышали иногда длины подошвы обыкновенного ботинка. Так легче удержаться, не потерять равновесия. Эту модель и покупали новички. Спортсмены поопытнее предпочитают иную разновидность — длиной до 75—80 сантиметров. И обувь надевают соответствующую — горнолыжную, чтобы при падениях — а они случаются нередко — избежать травм колена. В мае 1970-го организовали международные состязания. Тра-

вяные лыжи благополучно добрались до соседних с ФРГ Австрии и Швейцарии, Англии и Франции, Италии и... Австралии.

В первый и пока последний раз я увидел травелыжника (термин мой собственный) в швейцарском городке Давосе. В почти пустом старинном фуникулере мы поднимались высоко в горы, на верхушках которых белел среди зелени лугов и черноты скал талый июльский снег. Курорт отдыхал от зимних метелей и потока туристов-горнолыжников. Выйдя из фуникулера, мы почувствовали себя полноправными альпинистами. Путь к пику преграждала табличка. Остроумные швейцарцы на пяти языках предлагали: «Преодолейте эти последние метры по снегу самостоятельно, без нашего фуникулера. Вернувшись домой, вы с полным основанием расскажете, что покорили одну из высочайших вершин горного Давоса». Мы вняли совету и, спотыкаясь в темно-бурых сугробах, пробрались к вершине. Самолюбие разыгралось. Вниз, в Давос, спускались тоже пешком.

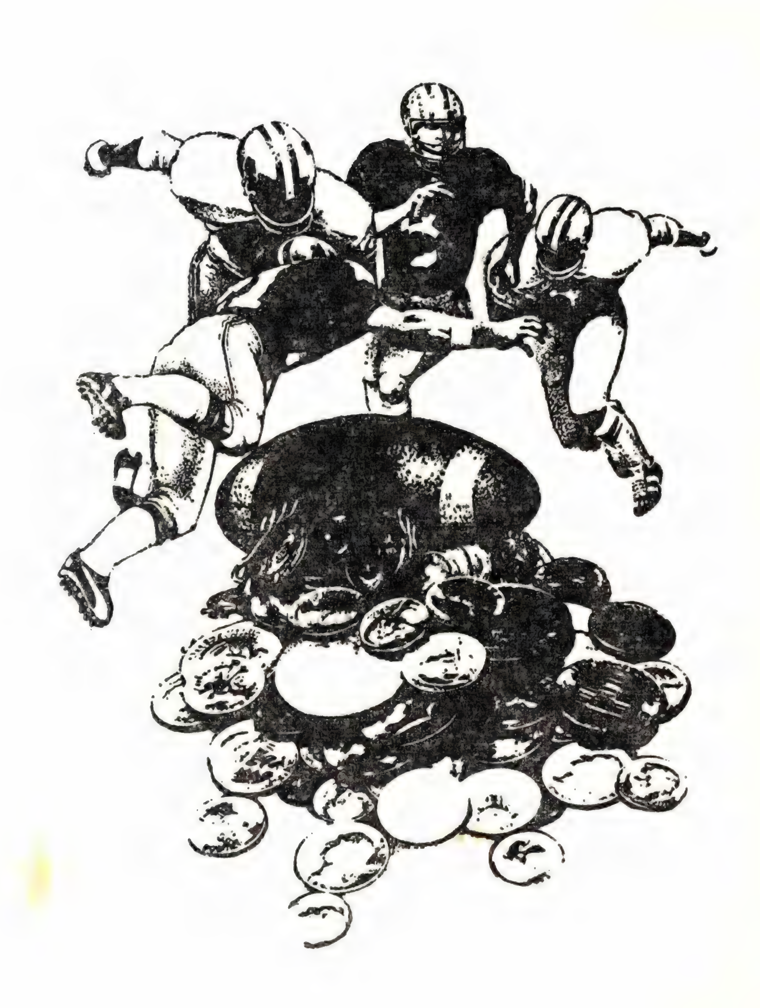
На тропинке и встретили травелыжников. Трое разговорчивых французов студентов денег на поездку в сверхдорогой зимой Давос не накопили. И отправились в путешествие летом, прихватив травяные лыжи. По словам ребят, горнолыжную технику они осваивали на уроках в специальной школе. Но на траве сложных поворотов не сделаешь, скорости не наберешь. Зато лыжи скользят по зелени легко и без усилий. Французы падали и смеялись: ушибиться, упав в мягкую траву, невозможно. Травелыжники ненамного опередили нас, спускавшихся с горы на своих двоих. Но удовольствия, радости получили гораздо больше.

Я рассказал о пяти неизвестных, пока не распространенных в нашей стране дисциплинах: женском водном поло, игре с булавами, бейсболе, гольфе и травяных лыжах.

Одни непривычные спортивные увлечения родились недавно, другие известны уже века. У нас в стране национальные виды спорта в большом почете, по ним проводятся массовые соревнования, присваиваются разряды и даже звания мастеров спорта: борьба куреш, чидаоба, гонки на оленьих упряжках... Слу-

чается, что некоторые вновь изобретенные виды спорта за кратчайший срок становятся популярными во всем мире. Вспомните: виндсерфинг, виндгляйдер, прыжки на батуте... И уже не важно, где родилось это увлечение, а важно, что оно стало общим достоянием. Пусть канадским называют хоккей с шайбой — наша ледовая дружина неизменно побеждает в крупнейших турнирах. Пусть русским зовется хоккей с мячом — у него сегодня много поклонников в Швеции, Норвегии, Финляндии. Пусть их будет больше, спортивных новинок, соединяющих людей.

Страх в цене

Плохих игр, как и плохих от рождения людей, не бывает. Состязания превращаются в жестокие и вызывающие низменные чувства зрелища, конечно, не по вине непосредственных исполнителей — обычно людей смелых и незаурядных, но талантом делать деньги не обладающих. Капитал за них преспокойно наживают предприниматели, вкладывающие доллары и прочую валюту в бесстрашных спортивных каскадеров. В кино, например, гибель трюкача чревата для режиссера крупными осложнениями. В мире же профессионального спорта смерть или рана гладиатора — дополнительная и бесплатная реклама для содержателя аттракциона, где на входные билеты введена наценка за бренность недорого стоящей человеческой жизни.

Храню и лелею редко надеваемую старенькую выцветшую маечку с полинявшим сюжетом — в горной расщелине над синим морем парит в воздухе одинокая фигурка. На майке, почему-то с ярлыком «Сделано в Швеции», окольцовывающая рисунок надпись: «Акапулько, прыгуны горы Кебрада».

Эх, Акапулько, Акапулько, мексиканский городок на песчаном берегу Тихого океана, куда слетаются отдыхать, купаться и загорать со всего Американского континента. Публика собирается обеспеченная — большинство из США, хотя самые богатые предпочитают пышную Флориду и аристократические Гавайи. В Акапулько еда и услуги обходятся сравнительно недорого, а солнце бесплатно палит круглый год.

Со сборной СССР по прыжкам в воду мы путешествовали тогда — 40 часов лета с бесчисленными посадками и пересадками, сменой самолетов — по маршруту Канада — Мексика — США. Названия стран сократили и назвали турне «Канамекс». В тот раз «Мекс» — Мексика — случайно выпало на Акапулько. Первое впечатление — раскрашенные радугой дельтапланы в голубом небе. Неизвестно чего больше — их или машин на ведущем в город шоссе. Серебрящийся песком пляж — прямо под окнами скромного отеля «Посада дель Соль». Непривычно очутиться в лениво развлекающемся городишке после напряженного московского ритма и прыжкового турнира в канадском Торонто, кипящем энергией и деловитостью.

Нам объяснили: вы попали «не в сезон». Полупустые отели и пустые рестораны, пустынные пляжи... Вечерами гуляя по улицам с тренерами, ныне покойным Гердом Александровичем Буровым и Борисом Павловичем Клинченко, мы боялись присесть на скамейку. Стеснительный Клинченко испуганно шептал: «Не надо, не надо. В гостинице насидимся». А мы с Буровым покатывались со смеху: знакомство с Акапулько началось забавно. Сели отдохнуть в парке и были в мгновение ока окружены громкоголосым хором певцов-марьячес, пропевшем серенаду в честь зардевшегося Бориса Павловича. Подхватились с места и заскочили в ресторан напротив. Откровенно спавшие в полном отсутствии посетителей оркестранты вскочили будто пожарники при возгласе «Горит!», и зазвучал нежданный туш. Рванулись из дверей и были «пойманы» владельцем соседнего пивного бара. От него уже не ушли: ловкач буквально всунул в руки по кружке, и мы продегустировали изделие мексиканских пивоваров. Загорали на пляже, и любознательный прыгун в воду Саша Косенков занялся рассматриванием безделушек, которые притащил бродячий торговец. Непростительный, как выяснилось, поступок спортсмена Косенкова послужил сигналом к атаке. Мы попали в окружение — сувениры тащили чемоданами. «Саня, покупай, — выкрикнул не раз бывавший в подобных переделках Буров. — Иначе не отпустят». Косенков полез в карман и вызвал перепалку среди служителей свободной торговли: у кого будет покупать белобрысый европеец. Косенков с перепугу приобрел какое-то произведение народного искусства. Это и послужило основанием на снятие осады: нам было позволено спастись полупозорным бегством. «И еще свистят», — злился Саша, прижимая завернутую в газету покупку. «Нечего прицениваться ко всякой ерунде», — на ходу советовал я. И был не так уж и не прав: при рассмотрении в отеле произведение вдруг приняло вид обыкновенной, отшлифованной морем деревяшки.

«Не сезон», — вздыхали в нашей пустующей гостинице. «Сплошные убытки», — с хрипом выдыхал хозяин ресторанчика, где мы обедали в гордом одиночестве. «Сейчас-сейчас», — неторопливо обслуживали

нас догадливые официанты. Понимали — от спортсменов, питающихся за счет организаторов турнира, чаевых, естественно, не дождаться. Городок, как завалившийся на зиму в берлогу медвежонок, пребывал в ожидании лучших времен и богатых гостей.

Только в ресторане на горе Кебрада жизнь по-прежнему била ключом. Здесь лихо игнорировали межсезонье, приносившие в Акапулько безработицу. Человек, построивший ресторан «Эль Мирадор» прямо на горе, не прогадал. Я старался сосчитать, сколько же открытых террас и застекленных, освещенных розовым светом залов в этом пищеблоке-гиганте. И сбился со счета — девять? Двенадцать? Днем тут тихо. Официанты, одетые в белую униформу, напоминающую парадную форму морских офицеров, томятся от зноя и скуки. Вечерами сюда, за город, стекается и съезжается шумная, веселая и разноязыкая толпа туристов. Быть в Акапулько и не увидеть игроков со смертью, прыгающих со скал высотою в десятиэтажный дом? Да это неприлично! Предвкушение диковинного зрелища не отражается на аппетите. Не рекой — океаном — льется лучистое мексиканское вино. Столы ломятся от диковинных блюд. Заметно сгибаясь под тяжестью широченных подносов, снуют между забитыми столиками жонглеры-официанты. Поблескивает золотом утопленное во льдах серебряных ведерок шампанское. Гулять так гулять: наступает час «пик».

Густеют, дыбятся на смотровых площадках толпы, не дотянувшие до ресторана, стоящие пониже на жизненной лестнице и, как следствие, здесь, на горе. Идет борьба и толкотня, венец которой — место поближе к перилам. Мы попали в общество почетных фотографов. Мало кто не прихватил кино- и просто камеру. Отовсюду несутся выкрики, смех. Чудится мне или они действительно неестественны, нервозны? Хлеб отведан. Теперь зрелищ! Зрелищ!

В девять вечера у возбужденной публики хватает такта оборвать на полуслоге нетрезвые шутки. «Эль Мирадор» тревожно замирает. Прожекторы освещают лестницу, ведущую вниз, к океану. На ней появляются трое мужчин. Они — прыгуны, и ради них пришли туристы. Рискуя снизить накал повествования, позволю заметить: вид у тройки не такой точено-элегант-

ный, как у моих друзей-спортсменов — прыгунов в воду.

Двумя отвесными выступами гора Кебрада уходит метров на сто в океан. Между выступами — скалистое, не залитое водой ущелье. Девять часов — время прилива, и накатывающаяся океанская волна на какие-то минуты заполняет неширокую полоску меж скалами. С высоты 38 метров в нее летят бесстрашные мексиканцы.

Выглянула луна, и я принялся рассматривать старую знакомую. Странное ощущение нашептывало: луна, да и все остальное — искусственные, фальшивые. Но хлопнула пробка от шампанского, и вернулась реальность. Луна была настоящей. И тройка ребят, готовых рисковать, тоже была настоящей и пока живой-невредимой. Лунный свет, усиленный тремя прожекторами, падал на вершину, выхватывая, как кусок из тьмы, лик святой мадонны Гваделупской. Почему именно она покровительствует прыгунам из Акапулько? Боюсь, ответа мне уже не узнать. Трое истово молятся на коленях, вымаливая счастливый ли прыжок, здоровье ли, деньги... Согласен, картинка чересчур театральная. Но представьте вой пенящихся океанских волн, мрачные скалы и три одинокие фигурки у подножия бездны. Все ждут от прыгунов диковинного зрелища, если хотите, чуда схватки со смертью, и они умело настраивают и себя и других на это чудо, которое должно завершиться обязательной победой.

Раздражающий звук гонга несется откуда-то из «Эль Мирадора». Он обрывает молитву: хватит, пора за дело. И так на кухне остывают сотни заказов. Прыгуны ставят свечи к мадонне. Три крохотных живых огонька, три горящие надежды. Три жизни, поставленные на бесстрастную карту.

Жевать прекратили ненасытные, пить — и опьяневшие. Внимание: прыгуны пожимают друг другу руки, приветствуют зрителей, один вспрыгивает на высокую белую тумбочку. Отсюда ему видно, как приближаются к ущелью черные волны. Кто-то невидимый, но такой незаменимо-необходимый, снизу подает прыгуну условный знак: волна идет, она близко и вот-вот заполнит ущелье. Слишком долгое ожидание подобно гибели. Еще миг ждет смельчак самой боль-

шой волны и прыгает. В момент прыжка видно подсвечиваемое прожектором каменистое дно. За те четыре с половиной секунды, что длится полет, в ущелье с могучей силой врывается бурлящая и кипящая вода. Тут нужны точность, бесстрашие, выдержка. Прыгни на мгновение раньше — и прощай, веселое Акапулько. Необычна траектория полета. Вначале парение на метра четыре вперед — как при прыжке в длину. И только потом — «ласточкой» вниз. По ресторану проносится нечто вроде сдерживаемого а-а-а-ах!

Прыгун вошел в воду, как и положено на соревнованиях: абсолютно вертикально, ноги не разведены, брызг — минимум. Не осудили бы его, не выполни он этих строгих прыжковых заповедей. Да кто здесь понимал толк в сложном и благородном искусстве полетов над водой? Гости ждали щекочущего нервишки поединка, чтобы потом, когда все закончится, с удовольствием провозгласить тост в честь трюкача или, наоборот, проглотить стаканчик за его забвенную память. Неизвестно, что лучше. Если, не дай — или дай? — бог, случится и произойдет, будет о чем рассказать папе в Нью-Йорке и бабушке в Калифорнии.

Стоп-стоп. Умерю порыв разыгравшейся фантазии. Были в тот вечер на открытой веранде «Эль Мирадора» и знающие истинную цену совершенному. Для не очень разбирающихся в малопопулярных прыжках в воду имена чемпионов Олимпийских игр, мира, Европы и прочих крупнейших состязаний прозвучат пустым звуком. Для почитателей они — живая история красивейшего вида спорта. «Они» — это итальянцы Клаус Дибиаси и Франко Каньотто, наши Ирина Калинина, Александр Косенков, Николай Михайлин, шведка Ульрика Кнапе, американцы Джаннет Чандлер, Фил Боггс, Синтия Портер... Спортивные звезды смотрели под ночным мексиканским небом на звезд представления, называющегося «Клифф дайвинг» (ныряние со скал). Спортсмены волновались, нервничали, кусок не лез в горло. Как по команде отданный приказ: «Бутылочку кока-колы, плиз» — вызвал молчаливое осуждение недоумевающих официантов. Чемпионка Олимпиады в прыжках с десятиметровой вышки — как трогательно-безопасна, игрушечна казалась эта вышка по сравнению с 38-метровой высотой, —

Ульрика Кнапе беззвучно молилась вместе с мексиканскими каскадерами. Капитан ВВС США в отставке трехкратный победитель мировых первенств и олимпийский чемпион Фил Боггс незаметно для себя приговаривал: «Нужна, черт подери, страховка. Сразу после прыжка страховка, черт вас подери». Пожелания Фила, высказанные в не совсем джентльменской форме, четко выполнялись. Действительно, после прыжка стоящие внизу мальчишки быстро ныряют в ущелье. Даже при набегающей волне глубина здесь метров пять — не больше. Прыгнувший со скалы может при входе в воду оцарапаться об острые камни, удариться о дно... Предусмотрительный экс-летчик нюхом почуял и эту опасность. Публика — уверен — о ней и не догадывалась.

...Благополучно выбрался из воды третий мексиканец, и наш столик облегченно рассмеялся шутке серебряного призера мирового первенства Коли Михайлина: «Герд Саныч, ваша очередь прыгать». Главный тренер сборной Буров, чтобы успокоить разнервничавшихся перед представлением ребят, на полном серьезе убеждал нас, будто дважды на спор прыгал со скалы.

Ресторан снова оживает, наполняется говором и смехом, перекрывающим и шум океанского прибоя. Скромные бутылочки коки допиты, и созвездие чемпионов, не сговариваясь, но дружно, мчится вниз, к обыгравшим смерть. Мы скачем по бесконечным лестницам, а я переживаю, что не запомню реплик, которыми ребята перебрасываются на интернациональном английском.

Ульрика Кнапе: «Я едва не разрыдалась. Зрелище не для моих бедных нервов».

Ирина Калинина: «Какая же я трусиха по сравнению с этими парнями».

Клаус Дибиаси: «Техника примитивна. Вход в воду — приличный. Бесстрашие — выше всех похвал».

Николай Михайлин: «Травмы неизбежны. Годам к сорока ни у кого здоровья не останется. Моя бы воля — запретил бы прыгать!»

Но воля была не Колина. Чья? Напишу: хозяев ресторана «Эль Мирадор» и управителей туристических агентств, несущихся с ними в одной упряжке, запряженной бедными прыгунами.

В том — не нашем — мире, где живут представления дающие и представление вкушающие, продажа своего ума, тела, мускулов или, как у прыгунов, бесстрашия запрограммирована. Сливки несправедливого, по-капиталистически безжалостного общества нещадно выжимают все возможное и невозможное из попавших в их липкие и загребущие руки. В твердой зависимости от степени способностей и размера приносимой прибыли эксплуатируемым подкидывается кость. Она бывает сладкой и, смотря по обстоятельствам, даже с корочкой вкусного белого мяса. Но всегда остается костью, которой снисходительный хозяин поощряет верного пса.

Итак, мы добежали наконец до нижней лестницы. И прыгуны-спортсмены расцеловались с прыгунами-смертниками. На горе Кебрада, как выяснилось, знали о визите чемпионов и, вопреки обычаю, выставили на прыжки нечто вроде сборной. Ее признанным, разве только не избранным, капитаном был крепкий, коренастый и уже не молодой Игнасио Санчес, а по-простому — Чоколатте — Шоколадка. Прозвище, догадаться нетрудно, получено за идентичный с шоколадом цвет кожи. Чоколатте — трехкратный чемпион мира по прыжкам среди профессионалов. Любопытно, но факт: никто из спортсменов о таком первенстве не слышал. Шоколадка был слегка уязвлен, пока знаменитый и известный мексиканцу, тоже трехкратный, только олимпийский, чемпион Клаус Дибиаси не сделал приятного для жителей Кебрады признания:

— Ни за какие деньги мира со скалы не прыгнул бы.

— Это многие так говорят, — почему-то с радостью закивал Шоколадка. — А потом ничего, прыгают. — И ветеран игры с судьбой рассказал свою историю. После нее вопрос «Чья же воля?» задавать наивно.

Шоколадка родился у подножия Кебрады. Он умел считать до пяти и не решается сказать наверняка, сколько же у него было братьев и сестер. К бедности привыкли. Она была неизбежна, как вечерние океанские приливы. Единственное бесплатное, потому и доступное развлечение — плескание в воде — использовалось на полную катушку. Днями напролет плавали,

ныряли, задержав дыхание, сидели под водой. А самый храбрый и отважный на Кебраде парень — Роберто Рамирес однажды ночью на спор прыгнул в ущелье с 38-метровой скалы. Легенда ли это? Похоже. Но Шоколадка, пребывавший в 1935 году в трехлетнем возрасте, божится, что помнит первый ночной прыжок. Десятка два туристов, отравлявших здоровье алкоголем в баре неподалеку, поощрили Роберто горстью брошенных в ущелье и тотчас же выловленных мальчишками монет.

С этого и берет отсчет история прыгунов горы Кебрада. Ныряли группами и в одиночку, днем во время прилива и ночью. Дрались в кровь за мизерные, подбрасываемые туристами крохи. Шли кланом на клан, компанией на компанию. Право на дарящий кусок хлеба прыжок доказывали тяжелыми и не скучающими без дела кулаками. Ресторан процветал. Об источниках процветания того не скажешь.

Распри и драки не утихали до 1947 года. Дату Шоколадка запомнил накрепко. В 1947-м все прыгуны Кебрады собрались на горе и, хотя белые флаги не вывешивали, заключили перемирие. Кто-то умный и уважаемый, по молодости Шоколадка не запомнил кто, держал необычную для тех далеких лет речь. Он внушал соплеменникам, что бесконечные споры и раздоры выгодны кому угодно, но не им. Тогда и создали необычную организацию, название которой выведено в моем блокноте твердой рукой обучившегося грамоте Шоколадки: «Клуб прыгунов в воду Кебрады, Акапулько, Мексика».

В клубе 32 человека — все местные. Младшему 15, старейшине — 50. Юные прыгают со скал пониже, остальные — с 38-метровой. Они, и только они, имеют право подниматься на площадку у «Эль Мирадора». Никаких чужаков, но и никаких ссор и стычек между своими. Сезон в Акапулько длится шесть месяцев. На эти полгода приходится наибольшее количество прыжков и, естественно, заработанных песо. Разбившись на тройки, 12 прыгунов совершают три рискованных полета в 13 часов и трижды вечером. Сутки риска на два дня отдыха. Ресторан и туристические агентства пытались было выставлять другие условия. Сплотившиеся прыгуны настояли на этих. Не бог весть

что, но сносная жизнь обеспечена. Вот она, сладкая косточка, — во сто крат лучше, чем безработица. А безработных в городе хватает. И когда нет сезона... Спортсмены закивали головами, искренне посочувствовали. И только «Эль Мирадор», спасибо прыгунам, все равно полон-полнехонек.

— Вы застрахованы? — Американская деловитость и предусмотрительность не покидает Фила Боггса.

Шоколадка удивлен. Кто же рискнет страховать смертников? Не ресторан же? Прыгуны платят взнос в маленький собственный фонд и подбрасывают немножко деньжат получившему травму. Вот и «социальное обеспечение». Разговор об увечьях суеверному Шоколадке неприятен. Двое его коллег помоложе подтверждают: они досконально изучили ущелье. Но ветер и солнце — не застывшие на дне камни. Подул ветерок, случайно ослепил прожектор, солнечный луч — ориентировка потеряна. Ломаются ключицы, руки... Вечное напряжение, постоянные удары о жестокую воду бесследно не проходят. Отработав несколько лет, прыгуны слепнут, мучаются от головных болей.

Есть у ребят с Кебрады поверье: поднялся на скалу — прыгай. Не поборешь страх, не выгонишь из души подкатившееся отчаяние, считай этот прыжок последним. Святой обычай не нарушается. Единственное дозволенное — отойти от края скалы, если вдруг защемило сердце или налетел ураган. Но утих ветер, отпустило сердце — прыгай, прыгун!

Шоколадка и сам растроган рассказом друзей. Кнапе с Калининой хлюпают носами. Хмурится Дибиаси. Даже Боггс непритворно расстроен. «Моя бы воля, моя бы воля...» — клонится к моему уху Михайлин.

— Вам не страшно? Во имя чего рискуете? — задал я вопрос, который не мог не задать журналист «Комсомольской правды».

— А что остается делать? Проживи без проклятых денег, — разозлился Шоколадка и высоко задрал рубашку: шея, плечи, руки, живот — в разнокалиберных шрамах. Остры камешки Кебрады.

— О чем вы думаете там, на вершине?

— У меня жена и шестеро детей. И мой полет ни в коем случае не должен стать последним. Главное — выдержать, дождаться волны и войти в воду, не коснувшись камней. Это почти всегда удается.

— А если нет?

— Об этом лучше не задумываться.

Уезжали из «Эль Мирадора» усталыми, замученными, опустошенными. На вершину Кебрады медленно поднималась новая тройка прыгунов...

Мы еще встретились с Шоколадкой. Он приходил поболеть за наших ребят. Подарил маечку, ставшую нетленной. Катал по городку на длиннющем лимузине. Сладка ли была косточка? Его знало пол-Акапулько. Профессия прыгуна считалась престижной и почетной. А я, восхищаясь силой духа Шоколадки и его друзей, никак не решался сказать: «Может, бог с ними, с деньгами? Живут же — не умирают и безработные. Их в стране миллиона четыре. Но живут! И, просыпаясь утром в жалких лачугах, к которым туристов не подпускают и близко, не мучаются мыслью, что сегодня в девять вечера...» Не решился и не спросил. Слишком по-разному понимаем мы бесценную цену того, что именуется прекрасно и кратко — «жизнь».

ВСЕ в этом мире относительно. Борьба за выживание, которую ведут прыгуны с горы Кебрада, — опасная, но юношеская забава по сравнению с происходящим в американском футболе — просьба не путать с нашим, европейским. Ни в одном профессиональном виде спорта, включая бокс, спортсмены не приносят стольких бессмысленных жертв, как в этом, признанном в США «развлечением № 1». Зверское «развлечение» ежегодно уносит 20 жизней. Добавьте 60 неизлечимо парализованных и миллион получивших переломы, ушибы, растяжения, кровоизлияния, разрывы связок и прочие болезненные травмы. Американский футбол не оставляет в покое и относительно счастливо добравшихся до финиша спортивной карьеры. Продолжительность жизни экс-футболиста на 15 лет ниже, чем у среднего американца. Каждый из трех бывших профессионалов умирает, не дожив и до пятиде-

сяти. Статистика не только мрачная — она по-настоящему убийственная.

Игра — часть, и существенная, американской жизни. Один из ее любимых символов, типа пресловутой кока-колы, обвешанного пестрой мишурой Голливуда или рвущегося ввысь нью-йоркского небоскреба. Футбол повсюду. Для впервые попавшего в США это непонятно и непривычно. Метровыми буквами бьют в глаза названия команд на перекрестках широченных автострад. Заполнены футбольными отчетами газетные, иногда и первые полосы. Телевидение — могучее и не имеющее конкурентов — отдает любимцу лакомое время (прайм-тайм), когда у экранов усаживаются миллионы.

Американцы объясняли мне: в этом виде спорта, как нигде, проявляются человеческие качества, обладать которыми мечтает человек с улицы, — скорость, фантастическая реакция, жесткость и, простите нас, европейцы, жестокость. И потом, мы в Штатах росли с футболом, играя в него с детства. Нам, американцам, понятны движения спортсменов, их мысли и чувства. Мы знаем об игре и футболистах все, вплоть до того, подстрижен ли ноготь на указательном пальце Джо Намата (звезда американского футбола. — *Н. Д.).* А ваш, европейский футбол, да и хоккей, для наших болельщиков чужие, инородные виды. В чем логика мышления игроков? И почему они сдерживают эмоции?

Насчет эмоций — абсолютно не согласен, в остальном же объяснение приемлемое. Но для американца — не для нас. В фельетоне «Белая ворона» Арт Бухвальд высмеивает чрезмерную, по его мнению, любовь соотечественников к американскому футболу. Бывшие друзья единодушно вышвыривают из бара многолетнего собутыльника, который предпочел просмотр фильма «Убить пересмешника» с Грегори Пеком в главной роли репортажу о матче за высший трофей американского футбола «Супербаул». Вот как сформулирован обвинительный приговор ослушнику: «Финал — священный день для каждого американца. Сто миллионов ждут его целый год в тревоге и радости. И если кто-то говорит, что ему «плевать на футбол», за такие слова полагается... Только извращенец

может в этот день смотреть по телеку «Пересмешника».

Однако выслушаем мнение и второй, потерпевшей стороны: «В вашем футболе уже ничего не осталось от настоящего спорта. Не поймешь, где бизнес, а где футбол. Сплошная дрянь!»

Суд присяжных оправдал исколошмативших «белую ворону». Но суд-то был, как и футбол, американским. Попробуем без излишней поспешности и заранее припасенных выводов разобраться: что за игра американский футбол? Никак не оскорбляя фанатичных его приверженцев, все же приведем сверхкороткую историческую справку. Игра экспортирована в Америку английскими колонистами в начале семнадцатого века. Зато авторский патент на современные правила — целиком американский. В командах по 11 человек. Главную цель можно определить приблизительно так: получить побольше очков, внося или вбивая 425-граммовый мяч за линию ворот соперника. Не правда ли, напоминает регби? Но регби выглядит настольным теннисом на фоне футбола. Матч — четыре периода по 15 минут чистого времени — длится часа два — два с половиной, не меньше.

Первое впечатление такого неподготовленного телезрителя, как я, было ужасающим. Сплошные стычки — стенка на стенку. Нападающие стремятся выиграть вбрасываемый мяч у семерки защитников и отпасовать быстрому игроку — раннеру. Тот должен доставить мяч за линию ворот противника или перебросить рукой продвигающемуся вперед свободному партнеру. Мяч вводится в игру минимум раз сто. И каждое вбрасывание начинается и завершается безобразной, с моей дилетантской точки зрения, дракой, изредка переходящей в жесточайшее всеобщее побоище.

Судей, включая главного рефери, пятеро. И никто не скучал без работы. Штрафы назначались щедро. Мне они, видно с непривычки, показались странными. Красных и желтых карточек, знакомых по нашему футболу, не существует. Команда штрафуется не удалением, а переносом места схватки на пять — семь с половиной метров в сторону ворот провинившихся.

Я бы сказал, что все игроки — мастера исключи-

тельно узкой специализации. Команда защищается — и тренеры выпускают шестерых-семерых здоровеннейших линейных защитников. Предстоит схватка при вбрасывании мяча — и на поле выбегают неправдоподобно мощные на вид игроки. За час на синтетический газон длиной 100 и шириной 49 метров выходило по 25—30 футболистов из сорока, заявленных на матч клубами.

Сидя у экрана, невозможно определить габариты играющих. В цветастых шлемах, с масками, предохраняющими лицо и челюсть от ударов, в наколенниках и толстенных перчатках, они виделись мне двухметровыми гигантами. Это, повторяю, первое впечатление умело усиливалось необычным для нас телеракурсом трансляции: крупный план снизу. Такими, прочитав в детстве Герберта Уэллса, я и представлял инопланетян.

Телевизор не обманывает. Средний вес игрока превышает 120 килограммов. Рост достигает баскетбольного — 190 сантиметров. В скорости нападающие не уступают спринтерам-легкоатлетам. Да они и есть бывшие легкоатлеты, заманенные высокими гонорарами в профессиональные клубы. В первенстве Национальной футбольной лиги (НФЛ) выступают чемпионы Олимпиад и не испробовавшие сил в олимпийских стартах: тяга к деньгам переборола жажду медалей и побед по славу флага. Очевидный и неоспоримый вред, который наносит футбол любительскому спорту США, не возместить. От переманивания ярких талантов скудеет не только американский, но и международный любительский спорт. Долларовый блеск затмил блеск олимпийский, например, выдающемуся барьеристу Нехемиа. Темнокожий спортсмен, первым в мире пробежавший 110 метров с барьерами быстрее 13 секунд, подписал контракт с обладателем «Супербаула», командой «Сан-Франциско-49». Махинации экс-президента Картера помешали неоднократному рекордсмену мира принять старт в олимпийской Москве. Деньги лишили статуса любителя, закрыв дорогу и на Игры 1984 года. Если бы Нехемиа был одинок! Вербуют всех, кто может сгодиться на футбольном поле вне зависимости от спортивной специальности. Ущерб невосполним. Скольких рекордов не уста-

новлено, каких выдающихся результатов не достигнуто из-за ненасытного футбольного насоса, паразитически втягивающего не на своем зеленом поле взращенных чемпионов.

Кто же стоит за вербовщиками? Кто занимается оптовой скупкой физически одаренных? И кому по карману выкладывать крупные банкноты, соблазняя молодых людей, зачастую не успевших проявить себя в большом спорте? Надеюсь, газету «Вашингтон пост» в «левых» взглядах и настроениях не заподозрить. Ее и цитирую: «Большинство владельцев клубов — мультимиллионеры, которым есть что скрывать от сборщиков налогов трех континентов. Они построили собственные жизни на делании денег. И если покупка клуба, играющего в мяч, тешит тщеславие — в спортивных колонках частенько восхваляют добреньких хозяев, — то это и дополнительный способ заграбастать лишние денежки... Не отстучать на попавшейся под руку пишущей машинке, что скупщиков футбольного и бейсбольного имущества заботит единственное — доллары, доллары и в бесконечной степени доллары, значит уклониться от долга». Сказано, по-моему, метко, в энергично-красноречивой американской манере. Какие еще требуются свидетельства корысти и алчности футбольных «благотворителей»? В последние годы в американском футболе не зарегистрировано ни одного банкротства. Никто из вложивших капитал в игру не остался без профита. То есть можно считать доказанным: грабеж любительского спорта ведется во имя новых и новых прибылей.

В дни матчей гигантские подковообразные стадионы, где лютуют спортивные гладиаторы, до краев заполняет возбужденная, взбудораженная толпа. Игра выгодна, ибо она в моде. Встречи далеко не первоклассных студенческих команд собирают не менее 35—40 тысяч. Некоторые колледжи и университеты сознательно — редчайший для США случай — влезают в долги, чтобы построить 60-тысячные арены-подковы своим второсортным сборным. Иметь команду престижно, расходы на строительство окупаются быстро. На поединки футбольных профи абонементы — о билетах забудем, достать невозможно, — распроданы до начала сезона. В Денвере и Нью-Йорке, Колорадо-

Спрингсе и Вашингтоне нам, гостям из СССР, торопились похвалиться не памятниками национальной культуры, а и вправду роскошными и внушительными футбольными стадионами.

Представим немыслимое. За весь сезон хозяева клубной арены не продали и банки пива. Реализация этой антиспортивной продукции тоже составляет значительную часть прибыли. К платной стоянке — понятно, кому плата? — не припарковалось и дюжины машин. На игры приобретено три жалких абонемента и пара сотен билетов. Катастрофа? Разорение? Полное банкротство? И близко непохоже. Контракт, заключенный Национальной футбольной лигой с ТВ, гарантирует клубу чистый доход, выражаемый семизначной цифрой. Бизнесменам от большого спорта потерять деньги практически невозможно.

Чем же вызвано благородство всемогущего американского телевидения? Любовью к популярному в народе спорту? Меценатством высоких покровителей? Ну уж нет. Когда вопрос касается долларов, разговоры о любви в Соединенных Штатах как-то незаметно затихают. В США обожают проводить опросы и сопоставлять различные статистические данные. Точность и расчет у американцев, простите за сравнение, впитаны с молоком матери, как и привязанность к футболу.

50 миллионов усаживаются по вечерам у телеприемников, чтобы насладиться игрой. 110 миллионов — фактически половина нации — ждут борьбы за высший трофей американского профессионального футбола — «Супербаул». И судя по увиденным мною репортажам, телеболельщиков вдоволь пичкают рекламными роликами — «коммершиалз», как говорят в Северной Америке. Примитивные картинки, призывающие: пора брать и покупать — надоедают пусть не со второго — с третьего раза непременно. Но отрываться от игры, терять и так ускользающую нить матча не хотелось и мне. Статистика, знающая о футболе все и вся, подтверждает мое сугубо личное ощущение, оказавшееся типичным: во время футбольных телетрансляций зарегистрировано минимальное количество переключений на другие программы. Смотришь и невольно запоминаешь. Натренированный и натасканный на определенный товар глаз безошибочно отыски-

вает его на витрине и прилавке, отдавая распоряжение разуму — смотри-смотри, может, купишь? Решай. Или — решайся! За 30 секунд показа рекламного ролика телевизионщики берут с выпускающей продукт фирмы огромные деньги. За демонстрацию коммершиалз в период футбольного матча дерут вдвое. Нет иного вида спорта, который бы так подходил для прокручивания рекламных киноподелок. Тайм-ауты для оказания помощи травмированным. Минутные интервалы между первой-второй и третьей-четвертой четвертями игры. Передвижение мяча к и от голевой линии. Пререкания с рефери и назначение штрафов, бесчисленные остановки — подарок телевидению и закупившим у него рекламное время. И найдется ли спортивная дисциплина, где прогон коммершиалз бесстыдно оговорен в правилах. Так раскрывается нехитрый секрет коммерчески-любовного альянса ТВ — футбол.

Оказывает ли американский футбол подлинно товарищескую услугу почитателям, методично вбивая в них миф о мнимых прелестях подчас залежалого товара? Едва ли кто, включая телевизионщиков и рекламодателей, решится, закрыв глаза, ответить утвердительно. Игра, сулящая прибыль абсолютно ее не заслужившим, позволяющая наживаться за счет собственной популярности и волей-неволей, хотя скорее — волей, одурачивающая поклонников, считаться национальной и подлинно народной недостойна.

И никогда не признать вершителям судеб игры и футболистов: до священного футбола допускается не весь народ США, а только его наилучшая, с расистской точки зрения, часть. До войны неграм с грехом пополам разрешали играть в студенческих командах. К профессиональным клубам не подпускали на выстрел. Блюстители расовой чистоты национальной игры запрещали негритянским парням появляться на поле рядом с белыми. Неприязнь к чернокожим подавила время от времени всплывавшую идейку о дополнительных дивидентах, которые можно было бы поиметь с бессловесных цветных: платить им мало, получать за добываемые победы — много. Но от сознания, что черные дадут в игре нахлобучку белолицым, кидало в яростный жар. Черт с ним, с профитом.

История профессионального футбола знает всего

несколько исключений из расистских правил. Благодаря необыкновенному таланту пробился в звезды негр Поль Робсон. Да-да, тот самый почитаемый и уважаемый у нас в стране народный негритянский певец, о чистейшем и мощнейшем басе которого и сейчас вспоминают меломаны. Чего это стоило будущему актеру! Под улюлюканье разъяренной толпы он выходил вместе с другим игроком-негром, Поллардом, на футбольное поле. Поливаемый оскорблениями, Робсон выигрывал схватки за мяч, на спринтерской скорости приземлял его за голевой линией. В 1919—1920 годах он вывел свой клуб «Акрон Проз» в лидеры первенства Американской профессиональной футбольной ассоциации. До недавних пор имя выдающегося певца и игрока упоминалось в кипах футбольных энциклопедий и справочников вскользь, небрежно. Хваленая статистическая точность куда-то пропала, исчезла. Потребовались десятилетия неравной борьбы, прежде чем друзья Робсона восстановили справедливость. Поль Робсон до этого часа не дожил.

Дискриминации нет, осталась в прошлом, убеждали меня американские знакомые. Каждый третий футболист-профессионал в наши дни цветной. Американскому футболу без негров не обойтись. Верно — «не обойтись». В этом, а не в фальшивом прозрении белых миллионеров, воспылавших любовью к черным братьям, и причина милостивого соблаговоления: ладно уж, играйте. Расовая дискриминация не исчезла. Затаилась, чтобы подлым выстрелом из-за угла поразить темнокожих футболистов. «Выстрел» — не литературная красивость. Прямо на футбольном поле считающегося «интеллигентным» Бостона пуля расиста ранила во время матча Дерилла Вильямса — совсем мальчишку, школьника. В олимпийском Лос-Анджелесе при загадочно-трагических обстоятельствах погиб молодой негритянский футболист Ронни Сэтлс.

Глупо считать поголовно всех жителей США расистами. Однако многие, чей цвет кожи значительно отличается от цвета кожи покалеченного Вильямса и убитого Сэтлса, пожимая плечами, называют эти случаи прискорбными совпадениями, одиночными, изолированными инцидентами. Но почему же «прискорбные, изолированные» случаи происходят только с чер-

ными? Расизм в американском футболе не изжит. Его проявления болезненны и ощутимы. Игра, рекламируемая как «народная», в истинно народную так и не превратилась.

Но как бы то ни было, в американский футбол играют в школах, университетах и колледжах, в армии... Есть из кого выбирать пополнение в редеющие от смертей и увечий ряды профессиональной футбольной гвардии. И на игрока школьной команды, не говоря об университетских и армейских клубах, заведена карточка. В ней строжайше учитывается каждый сделанный на поле шаг. Хорош ли этот сугубо арифметически выведенный, среднестатистический портрет футболиста? Наверно, понимающему толк в футболе «скауту» сухие и внешне беспристрастные цифры подскажут многое. Мальчишки из школьных команд берутся на заметку вербовщиками из формально любительских, а на чистоту — полупрофессиональных студенческих сборных. Школьников запросто перехватили бы махровые профессионалы: мешает установленный возрастной ценз — уступка общественности в лице «червяков-либералов». В Национальную футбольную лигу совсем юных вербовать запрещено — погибнут.

Придет время рассказать поподробнее и о студенческом спорте в Соединенных Штатах. Пока же в виде небольшой прелюдии отмечу: в колледжах приобретается необходимая для будущего профи выучка. Вслед за студенческими командами по стране колесят полчища футбольных скаутов. Они методично собирают информацию о подающих надежды — доверяй, но проверяй! — сравнивая ее с уже имеющейся в «персональных делах» безусых игроков.

Замечу, кстати, что вербовщик-разведчик — лишь одна из расплодившихся в американском футболе тренерских специализаций. Главному тренеру помогают с десяток ассистентов. Нападающих натаскивает знаток нападения, защитников — другой тренер, квотербеков — третий... Есть специалист, занимающийся только просмотром фильмов и видеозаписей о соперниках по НФЛ. Вся информация, в том числе и от скаутов, неизменно стекается к главному тренеру. Заинтересовала его принесенная на блюдечке весть о появлении перспективного новичка, и он обращается к

помощи... компьютера. Туда закладываются собранные по всем штатам данные о ближайшем резерве. Компьютер по-машинному холодно обрабатывает информацию и расставляет игроков согласно их рыночной стоимости, определенной им, компьютером. Презрев бесчеловечную машину, тренеры колледжей и журналисты сами выбирают лучшего студента — футболиста года. И когда наступает пора получения диплома, руководители профессиональных клубов точно знают, кому и какой контракт предложить. Система отработана и обкатана до мельчайших деталей. Никаких сомнений, а вдруг защитивший диплом заартачится, откажется, предпочтет опасной игре свою настоящую специальность, не существует. Заработки в НФЛ в несколько раз превышают зарплату начинающих врачей, инженеров, преподавателей... Профессиональное совершенствование откладывается на потом, на после окончания иной профессиональной карьеры — футбольной. Нет в Соединенных Штатах критерия выше, чем денежный. Видимость, всего-навсего видимость, легкой наживы, которую сулят вербовщики, развращает молодое поколение. Вот еще одно «достоинство» игры.

Послушаем, какие светлые надежды и высокие чаяния связывает с намечающимся подписанием контракта Джим Макмейхем из университетской команды Бригхэма. Удачливый квотербек буквально переписал книгу рекордов, регистрируемых в студенческих чемпионатах, и — чудо из чудес — закончил университет с достаточным количеством полученных за хорошую учебу очков и успешно защищенным дипломом. Это достижение тоже могло бы быть зафиксировано в качестве рекорда. Обычно футболисты, даже получившие диплом, знаниями не блещут. Короче, Джима Макмейхема безголовым спортсменом не обзовут. «Я хочу быть игроком и не хочу работать. Буду делать, что мне нравится, а не просиживать за столом в офисе». Джим достаточно откровенен, не правда ли? Но терпение, терпение... Выслушаем и второе признание молодого футбольного дарования, проливающее свет на причину горячей любви к «народной» игре: «Я хочу зарабатывать настолько много, насколько это возможно. У меня никогда не водилось крупных

денег, и я мечтаю почувствовать себя человеком с туго набитым кошельком».

Не станем корить будущего футбольного гладиатора. Он, превосходящий большинство коллег-футболистов по интеллекту, абсолютно схож с ними в неудержимом стремлении подороже запродать себя и свой футбольный талант на спортивно-профессиональной ярмарке. И не освоившие всех премудростей игры знают собственную цену в денежном эквиваленте. Этому их обучили с детства. К чему лукавить: Джим Макмейхем почти наверняка подпишет выгодный контракт и, спаси и помоги господь избежать смерти и переломов, вступит в настоящую, не спортивную жизнь обеспеченным человеком, хотя и с некоторым своеобразным для нас представлением о подлинных жизненных ценностях. Давайте проследим, что за годы ждут Джимми и ему подобных в лиге голубой американской мечты.

Публика будет боготворить своих героев. И в каких бы городах Соединенных Штатов я ни бывал, с кем бы ни встречался, футбольная тема всплывала как нечто само собой разумеющееся и совершенно обязательное. Не говорить о футболе, не принимать его — неприлично. Каюсь: и трех-четырех увиденных по телевидению матчей было достаточно, чтобы внушить мне к игре антипатию. Но сказать об этом вслух значило искренне расстроить доброжелательных собеседников. И шофер автобуса, и благородный экс-сенатор с удовольствием обмениваются с вами и между собой впечатлениями о неподражаемых тактических маневрах своей команды. В этом, и только в этом, я вижу единственное достоинство футбола, хоть как-то сближающего бесконечно далекие и невидимой стеной разделенные различные социальные слои американского общества.

Помню, как в военно-воздушной академии США в Колорадо-Спрингс, где тренировалась советская ватерпольная команда, зашел спор о каком-то футболисте. Кадеты-студенты проявили феноменальные познания. Была разобрана родословная игрока. Приведены статистические данные из его, на мой взгляд, и не очень впечатляющего послужного списка. Высказаны четко аргументированные прогнозы о выступлении в первенстве НФЛ. Но заговорили будущие офицеры ВВС США

о водном поло, и выяснилось, что об однокашниках, выступающих за национальную ватерпольную сборную, они и слыхом не слыхивали. Задал пару вопросов, не для подвоха, для интереса, о других видах спорта — та же история. Добро бы отнекивались и пожимали плечами футбольные фанатики или, наоборот, к спорту равнодушные. У молодых ребят был один бог — американский футбол, которому свято и неуклонно поклонялись. Рискну утверждать, что некоторое ослабление позиций американского любительского спорта на международной арене можно отчасти — подчеркиваю, отчасти — отнести за счет неоправданного повышения популярности футбола. Он отвлекает внимание и спортсменов, активно им занимающихся, и болельщиков от других дисциплин.

Задолго до футбольного матча трибуны развлекают себя оглушительными криками. Никакой самодеятельности: у каждой группы — лидер, по сигналу которого скандируются лозунги и поднимаются плакаты схожего содержания: «Нашей команде равных на планете нет». Маршируют по стадиону-подкове женские оркестры. Оркестрантки в коротких юбочках подобраны одна к одной. До второй мировой войны, когда футбол еще не смял конкурентов, девушки-красавицы выручали: заманивали толпу. В восьмидесятые годы на игры идут и без них. Марш девичьих джаз-бэнд скорее традиция, чем необходимость.

Любой заштатный футболист может спать спокойно. И сыграй он безобразно — имя его попадет в газетный отчет. Даже встречи студенческих команд описываются на все лады, а уж о профессионалах и вовсе слагаются саги. Взахлеб пишут о баснословных гонорарах, о выгодных контрактах. Не забывают обсасывать и смаковать подробности личной жизни звезд. Часто в газетах и журналах, выдающих себя за солидные, встречаются и перлы: «Гиганты-защитники смяли хлюпика квотербека, будто пустую коробку от макарон». Прочитать образные выражения мне было небезынтересно. А как же пришлось бедному квотербеку? Худо, очень худо.

Ведь пробиться с мячом на несколько ярдов сквозь живой частокол стоит нечеловеческих усилий. Точно так же дорого обходится обороняющимся сдерживание

мчащихся прямо на них игроков противника. После выигранного вбрасывания нападающий — кумир и повелитель толпы — получает пас. Туго прижав мяч к груди, он устремляется под радостно-оживленный свист болельщиков к полю врага. Наперерез бросается двухметровый громила. Ради таких моментов и закупаются абонементы: поднимается вой. Защитник на ходу хватает соперника и отработанно-безжалостным ударом головы в солнечное сплетение повергает владевшего мячом на землю. Награда — рев толпы и занесение в длиннющий список претендентов на приз «Охотника за черепами». Чтобы заработать трофей, еженедельно вручаемый газетой «Даллас Каубой Ньюслеттер», надо хорошенько постараться. С криком: «Умри, собака!» — свернуть врагу шею, сломать позвоночник, убить. А сам приз за жестокость — словно насмешка над жизнью человека. Это пара штанов с бахромой, холодильник или право подзаработать на телевидении, рекламируя дрянной шампунь. И в каком бы штате ни сражались футболисты, далласская газетенка продается нарасхват. Не терпится узнать, кто из игроков нанес коллегам больше всего травм и увечий.

Только все попирающая жестокость, только не знающая границ безжалостность могут принести победу и сопровождающие ее такие вожделенные доллары. Эту мысль с детства и не без успеха вдалбливают в душу американцев. Находятся в Штатах смелые и честные люди, открыто протестующие против насилия в профессиональном спорте. Социолог Джей Кокли пишет в объемистом исследовании: «Дух коммерции приводит не только к изменению характера спортивной борьбы и забвению спортивных традиций. Он приводит к смене ориентиров: важным становится лишь конечный результат. Ведь победа и есть мерило коммерческого успеха». Еще дальше пошел в выводах другой американский ученый, Джон Сьюджен, опубликовавший труд под примечательным заголовком «Политическая экономия насилия в американском спорте». Его утверждения, по-моему, абсолютно точно отражают положение, сложившееся и в любимом детище Америки и «американского образа жизни» — футболе. «Профессиональный спорт, — пишет Сьюджен, — это осо-

бый случай капиталистического производства. В отличие от остальных общественных сфер он вовлекает в свои сети спортсмена еще в раннем возрасте. Вследствие этого спортсмен становится объектом двойной эксплуатации. Во-первых, потому, что работает в условиях капиталистического предприятия, а именно таким является профессиональный клуб. Во-вторых, потому, что он продолжительное время находится в зависимости от этого дегуманизирующего института. Плата — победа. Победа любой ценой превращается в то, что требует от спортсменов рынок, где хозяйничают менеджеры и тренеры, диктующие методы, с помощью которых ее можно достичь».

Игра приносит физическую боль и деньги. Уносит — людское достоинство. Нельзя, сознательно творя нечто похожее на убийство, сразу забыть о содеянном и оставить злобу, ненависть к сопернику в раздевалке вместе с потяжелевшей от пота спортивной формой. Философия насилия прочно укрепляется в сознании как единственная приемлемая и возможная. Игрок срывает аплодисменты и премии за безжалостность во время воскресной игры. Значит ли это, что в понедельник, слегка отойдя от вчерашнего матча, он превратится в добродушного парня-симпатягу, который и мухи не обидит? Легко ли жить с мыслью, что цена твоего триумфа оплачена страданиями тебе подобных? Неужели не тошно добровольно заточить себя в неестественный мир варварской жестокости? Кажется, эти вопросы не терзают профессионалов. Не задумываются над ними и считающиеся любителями: «Вспомнишь о душе — потеряешь тело!» — таков девиз университетской — всего лишь университетской — команды Мэриленда.

Вошедшие в плоть и кровь бесчеловечность и хамство не смоешь душем, не скинешь с защитными доспехами. Иногда грязная накипь и озлобленность, которые оставляет игра, оборачиваются против футбол восславляющих. Когда спустя час после матча, выигранного канадской профессиональной командой «Торонто Аргонавтс», журналисты попытались взять интервью у игроков, те грубо отказались. Линейный нападающий Билл Нортон был более чем категоричен: облил представителей прессы водой. Защитник Рон

Мик согласился побеседовать со старым знакомым — радиорепортером Си-би-эс. Чтобы заглушить слова Мика, его одноклубники принялись скандировать бредовые лозунги. В выборе хулиганских выражений не стеснялись. Разнузданный мат репортер передать на радио не рискнул. Однако других прессменов «теплый» прием нисколько не смутил. Газеты на следующий день расхвалили игру «Аргонавтов». В деталях было описано и хамство в раздевалке. Шутки обнаглевших и одуревших игроков преподносились как верх остроумия. Не беда, что интервью не получилось: и обиженные жестокостью пропели ей хвалебную оду.

Бесчеловечная игра калечит не только физически, но и морально. Большинство игроков со временем превращаются в наркоманов. Нормальному, пусть и очень крепкому, человеку не по силам выдержать соперничества с напичканными всякого рода возбудителями и потому на все готовыми врагами. Лошадиные дозы особо предпочитаемых возбуждающих препаратов амфетаминов проглатываются за два-три часа до воскресной игры. Приведу описание состояния бывших подопечных из профессионального клуба «Сантьяго Чарджерс», сделанное американским доктором Арнольдом Мэнделлом в книге «Кошмарные сны»: «Некоторые становятся шумными. Ищут повод для ссор и споров. Другие замыкаются в себе. Сидят с отсутствующими взглядами. Иные начинают метаться по раздевалке...»

И разве может традиционная молитва перед игрой заглушить страх или настроить футболистов на мирный лад: «Не обижай ближнего своего...» Как бы не так! «Игрок, не принявший дозы наркотиков, впадает на поле в панику, — вспоминает писатель Питер Джент, пять лет выступавший в клубе «Даллас Каубойз». — Бороться на равных с находящимися под воздействием амфетамина смешно: сомнут и растопчут. Играть в профессиональный футбол, не накачавшись наркотиками, нельзя. Степень насилия в игре достигла наивысшего предела». Ветеранам бывает свойственно недовольство и брюзжание. Но свидетельство экс-профи о наивысшей степени насилия подкрепляется длиннейшим перечнем травм, занесенным в игровой реестр футболистов. Рекордсмен из рекордс-

менов — защитник «Окленд Райдерс» Джим Отто. Девять раз ему оперировали колено. Врачи зарегистрировали переломы локтя, челюсти, пальцев, шейных позвонков... А бедный нос Джимми — его ломали десять раз.

Нет в мире игры грубее американского футбола — вот твердый вывод ученых университета Оттавы. Профессиональный футболист рискует получить травму в любой момент и на каждом участке поля. Ситуации, возникающие в игре, непредсказуемы. Самые тонкие и хитроумные замыслы срываются под мощным напором наглотавшихся наркотиков. Чаще всего страдают защитники. Их спортивная карьера длится в среднем немногим более трех лет.

Относительно легкое для такой игры защитное снаряжение не уберегает гладиаторов XX века от травм. Они неизбежны. Век футболиста короток. Слава — недолговечна. Жестокость, олицетворением которой являются сами футболисты, неотступно идет по их следу. Редкому игроку, избежавшему соблазна глотнуть перед матчем амфетаминов, удается выйти на поле, не приняв обезболивающих средств — по существу, тех же наркотиков.

Менеджеры «давят» на травмированных, заставляя принимать заглушающие боль лекарства. Футболисты лишены даже права испытывать страдания во время кровавого представления. В результате — безумная, не признающая осторожности бесшабашность и новые увечья. Эту демонстрацию хорошего футбола при помощи химии уже знакомый нам Питер Джент окрестил «нацизмом».

Футбольные благодетели трогательно заботятся о пополнении и без того крутых доходов коллег-миллионеров, торгующих наркотической отравой. Игроку нужно три месяца, чтобы после окончания сезона успокоиться, прийти в себя, забыть о таблетках. Некоторым, вышедшим из игры целыми и невредимыми, не хватает для этого и всей оставшейся жизни. Пристрастившись к одурманивающему зелью, они до конца дней остаются наркоманами.

Допинг, травматизм, насилие — зловещие спутники профессионального американского футбола. И, как уверены футбольные дельцы, его непременные атрибу-

ты. С бульдожьей хваткой охраняются они от посягательств инакомыслящих, например, группы докторов из США. Медики осмелились заявить, что наркотики — главная причина неоправданного насилия в футболе. Предложение ввести антидопинговый контроль — это хоть как-то помешает распространению наркомании и уменьшит число травм — вызвало бурный гнев наживающихся на игре бизнесменов. Избранный метод атаки был неожидан и явно позаимствован из арсенала рейгановской администрации. Врачей обвинили в посягательстве на святая святых американского общества — права человека. Контроль за уносящим здоровье допингом объявили вмешательством в личную жизнь игрока и нарушением свобод и гарантий, дарованных конституцией Соединенных Штатов. Пресса поддержала радетелей конституционных прав и законов. Ошельмованным и преданным публичной анафеме медикам быстренько заткнули рот.

К предложению канадских ученых футбольным мультимиллионерам прислушаться, казалось бы, стоило. Исследователи из Оттавы попытались втолковать: строгое судейство, незначительные изменения правил и усовершенствование защитных доспехов значительно снизят количество травм. Меньше увечий у ведущих игроков — интересней игра. Логично? Но руководители Канадской футбольной лиги не то что не ответили специалистам — и выслушать их не соизволили.

Суть этих необъяснимых на первый взгляд поступков точно определил западноевропейский психолог Георг Зибер: «Профессиональный спорт — занятие, которое в большой мере живет борьбой и агрессивностью своих исполнителей. Если исключить данные факторы, то это имело бы фатальные последствия для дела».

Увечья, переломы, драки, чинимые обезумевшими от наркотиков, призваны, по мысли делающих футбольную политику, подогреть интерес к матчам. Умелое потакание низменным страстишкам части публики приносит в конечном итоге определяющий продукт капиталистического общества — денежную прибыль. Попытки внушить обратное обладателям миллионных

банковских счетов обречены на провал. Куда там бедным докторам и ученым, если и американский конгрессмен Ричард Моттл бессильно опустил руки — его законопроект о борьбе с насилием в профессиональном спорте не был принят к рассмотрению в юридической комиссии палаты представителей конгресса США. А между тем республиканец из штата Огайо, может, того и не сознавая, тонко вскрыл классовую сущность профессионального американского спорта. Он верно рассудил, что находящиеся в полном и безоговорочном подчинении хозяев игроки лишь послушно выполняют волю работодателей. Надо строго штрафовать, привлекать к уголовной ответственности провинившихся на спортивной площадке. Но эта половинчатая мера не решит проблемы. И Ричард Моттл предпринял шаг, к которому реакционеры прилепили опасный в сегодняшней Америке ярлык — «революционный». По предложению конгрессмена, ответственность, причем уголовную, за безобразное поведение нанятых спортсменов обязаны нести и лица, провоцирующие их на неспортивные поступки — а именно: руководители и хозяева клубов. Власть вершащие признали законопроект Моттла «нелепым».

Но полной нелепицей выглядел отнюдь не законопроект конгрессмена. Абсурдно представить: совершившие преступление выносят приговор... прокурору. Именно так поступили с Моттлом. Суд над ним руководители юридической комиссии призвали вершить представителей четырех профессиональных спортивных лиг, в том числе и футбольной. Понятно, каким было решение рассматривавших законопроект — окончательным и обжалованию не подлежащим.

Наивно думать, будто юридическая комиссия отмахнулась от настырного просителя Моттла из-за личной неприязни или чрезвычайной занятости ее досточтимых членов. Вопрос отношения столпов общества к творимому в профессиональном спорте беззаконию глубже и сложнее, чем кажется при беглом рассмотрении. Забудем о сегодняшней американской статистике, услужливо выдающей по хозяйскому хлопку одностороннюю и потому не всегда объективную информацию.

Не поленимся обратиться к другому регистратору

цифр и событий — истории. Долгие годы американский футбол с его грубостью и хамством был этаким пасынком судьбы, дрожащим за существование. В девяностые годы века минувшего он чудом удержался на поверхности. По стране от побережья до побережья прокатилась волна демонстраций. Требовали запретить игру-побоище или, по крайней мере, исключить ее из программ студенческих состязаний. Звезда американского футбола должна была закатиться и в первое десятилетие века двадцатого. Президент США Теодор Рузвельт в отличие от нынешних членов юридической комиссии конгресса самолично взялся за наведение порядка в футболе. Вызвав к себе тренеров лучших университетских команд, он пригрозил запретить жестокое развлечение. Тренеры поклялись: с вандализмом будет покончено. И, сегодня с этим не поспоришь, данного президенту обещания не сдержали. В шестидесятых годах американский футбол выбился из состояния тихого прозябания. Вначале соперничество с бейсболом выглядело обреченной на провал утопией. Помогло — мы уже знаем, по каким причинам и соображениям, — телевидение: и второстепенные матчи транслировались после середины семидесятых на всю страну. Игра заполнила экран, оттеснив конкурентов, чьи позиции еще недавно виделись непоколебимо неприступными. Обывателя, наподобие подопытного кролика, приучали к футболу и только футболу. В 1961 году 21 процент опрошенных признал эту игру интереснейшей и несравненной. За бейсбол проголосовали 34 процента. В 1971-м бейсбол был повержен: 36 процентов отдали предпочтение футболу. В наши дни разрыв неуклонно увеличивается. Нация впадает в патетический восторг, будто загипнотизированная переживает у телевизоров и поклоняется игре как новой, обязательной для всех религии.

Мы видели, какими неспортивными методами заставили замолчать американских врачей, протестовавших против наркотиков, — обвинили в неблагонадежности. Как втоптали в грязь законопроект, призванный обуздать грубость. Делающие политику могли бы утихомирить, унять нездоровые страсти на футбольном поле и вокруг него. Никаким бы владельцам клубов не устоять под напором администрации, вдруг поже-

лай она проявить несвойственную честность и принципиальность. Но «вдруг» в большой политике не бывает. Футбол олицетворяет жестокость, которой заражено больное американское общество. Поэтому на внутреннем рынке игра пользуется небывалым спросом. Политические, а не спортивные обозреватели с тревогой констатируют: «Насилие в США пошло по восходящей». Но кого за это винить? Извращенное толкование общепринятых понятий принимает карикатурные формы. Официальным решением муниципалитета города Кеннессо штата Джорджия любой житель, не имеющий при себе и не хранящий дома огнестрельного оружия, признается преступником. Кара за миролюбие — двухмесячное тюремное заключение и штраф 200 долларов.

Да, насилие — символ американской действительности и в жизни и в спорте. Оно поощряется, и дело тут не только в прибылях, выкачиваемых из зрителей околоспортивными бизнесменами. Один из политических деятелей США прямо признал на предвыборном митинге: «Я считаю, что состязание, на котором толпа идентифицирует себя с командой, за которую она болеет, имеет для народа позитивное значение. В аплодисментах, в вое, в свисте, в аффектации и в происходящем на поле проявляется агрессивное начало нации». Эта циничная откровенность прямо перекликается с высказыванием печально известного фашистского «идеолога» Карла Дима. Отъявленный нацист любил повторять: «Война — по преимуществу спорт».

В сценарии фильма об американском профессиональном футболе «Сорок из Северного Далласа» есть такие слова: «Агрессивность футбола — синоним нашей растущей социальной слабости. По воскресеньям они подсовывают эту игру миллионам и вещают — вот путь к успеху. Затопчи эту сволочь. Если нужно — убей гада. И тогда ты выиграешь, тебя объявят чемпионом, вручат чек и соблаговолят пригласить сняться в рекламном ролике, где ты прославишь королей бритвенных приборов». Монолог, написанный сценаристом Питером Джентом, произносит герой фильма — звезда клуба «Сорок из Северного Далласа». И это примечательно.

Знакомые американцы втолковывали: игра не

нравится, но героизмом настоящих парней-футболистов не восхищаться нельзя. Мне же мужество подобного рода непонятно. Оно сомнительно, ибо гибельно для других. В редчайшие моменты, когда футболист получает мяч после вбрасывания, игра приобретает логичность и некоторую суровую красоту. Но иллюзия логичности длится несколько секунд, вдребезги разбиваясь вместе с игроками под натиском несдерживаемой жестокости. И до недавних пор обвинительный монолог футболу и всему американскому профессиональному спорту, прозвучавший из уст вымышленной звезды, казался таким же вымыслом, как и название несуществующей команды из несуществующего города. Нашпигованные деньгами, славой и наркотиками, футболисты радовали богачей из Национальной футбольной лиги полнейшей политической апатией и верноподданническим послушанием.

Однако действительность заставила раскрыть глаза и футболистов-профессионалов. Немыслимый рост прибылей одних и немногих и катастрофическое падение уровня жизни практически всех остальных. Безудержная гонка вооружений и невиданное в США сокращение ассигнований на социальные нужды невольно вывели спортивных профи из состояния вечной полудремы. Ассоциация игроков НФЛ неожиданно для владельцев-благодетелей возобновила членство в профсоюзе. Профессионалы действуют достаточно профессионально и в профсоюзных делах. Защитник команды «Тампа Бэй Баканиарс» Дьюи Селмэн произнес гневную речь на митинге рабочих. В поддержку прав металлистов-сталелитейщиков выступили по телевидению Дэйв Браун из «Сиэтл Сихокс» и футболисты популярнейшего клуба «Вашингтон Редскинс» Том Флик и Фил Кассел. Участвовали в этих передачах и другие знаменитые игроки.

Смутьянов пожурили за экстравагантные капризы. Но капризы здесь были ни при чем. Прошло время, и профсоюз игроков НФЛ предпринял еще более активные и решительные действия. Перед началом сезона в знак солидарности с бастующими муниципальными служащими футболисты «Миннесоты Викингс» покинули тренировочный лагерь и вступили в ряды пикетчиков. Протестуя против экономической полити-

ки Рейгана, 25 игроков и тренеров «Вашингтон Редскинс» и «Балтимор Колтс» прошли с десятками тысяч демонстрантов по улицам Вашингтона.

Владельцы клубов забили тревогу. Бунт футбольных гладиаторов? Нет, пока подготовка к бунту, принимающая политическую окраску. В докладе, обнародованном исполнительным директором Ассоциации игроков НФЛ Эдом Гарвеем и поддержанном его коллегами, решительно требуется покончить с расистскими методами комплектования команд. За двадцать лет лишь 20 темнокожих футболистов получили право стать помощниками тренеров после завершения спортивной карьеры. Недопустимо мало — считают Гарвей и его друзья. Ассоциация выступает и за пересмотр невыгодного для игроков контракта с руководителями НФЛ, требуя хотя бы равного — 50 на 50 распределения доходов.

Футбольный профсоюз еще молод. Он только набирает опыт, силу. И если борьба за свои права будет вестись с такой же дерзостью, как на футбольном поле...

АНГЛИЧАНЕ, выпустившие эту игру в свет, как злого джинна из бутылки, от американского футбола открещиваются. В стране Альбиона в него регулярно играют только сотрудники посольства США. Битвы заокеанских футболистов транслируются по телевидению нечасто. И то мерзкие сцены насилия сознательно и неукоснительно из кинопленки вырезаются.

К сожалению, это похвальное неприятие жестокости в профессиональном спорте коснулось лишь американского футбола с его чересчур замаранной репутацией. «Никаких раундов, перерывов и ограничений во времени — борьба до конца, до нокаута». Рекламы, призванные леденить душу или вызывать усмешку, в изобилии появляются поблизости от спортивных залов английских городов. Зайти? Может, не случайно бои профессиональных боксеров и схватки борцов собирают сотни любителей острых ощущений? Но происходящее иногда на залитых светом прожекторов аренах к настоящему спорту отношения не имеет.

Тяжело переваливаясь, по специально для него сколоченной лестнице на ринг прославленного в спор-

тивных репортажах зала «Уэмбли» поднимается раскормленный до бесформенности двухметровый верзила. На странного покроя трико надпись — «Большой папа». Сегодня, как и всегда, он выступает перед галдящей толпой в роли силача добряка, борющегося с бездушным забиякой по прозвищу Гигантская копна. Начинается полукомическое-полусадистское шоу, на которое приглашаются взрослые и дети.

Не собираюсь занимать внимание описанием боя. В нем дозволено применять приемы, запрещенные и в американском футболе. Длился поединок около шести минут, а на первой Гигантская копна смеха ради нокаутирует... рефери. Победу одержал Большой папа, вышвырнувший противника с ринга. Семитысячная толпа — в ней были и подростки — плюс девять миллионов английских телезрителей приветствовали любимца и чемпиона.

Что это — игра? Жестокое, но развлечение? Если бы... Наблюдая за дракой, вы выпускаете накопившийся в вас пар. Изливаете злобу на сборщиков налогов, цеховых мастеров, уличных регулировщиков. Вы делаете наконец то, на что не решаетесь в реальной жизни. Так рекламируют побоище на ринге его устроители.

Подальше от реальности — в этом заключается несложная, однако опасная и тонко продуманная философия, которую стоящие у власти навязывают миллионам сограждан. Пусть люди бессмысленно убивают время, наблюдая за толкотней на ринге, чем выходят на улицы Лондона или Ливерпуля и требуют не уважения — терпимого отношения к тем, у кого кожа потемнее, чем у пэров из палаты лордов. Смотри, как отделывает Копну несравненный Большой папа и не вздумай вспомнить недобрым словом министра внутренних дел Уайтлоу, отдавшего распоряжение полиции использовать против демонстрантов бронемашины, водометы, пластиковые пули, слезоточивый газ. Поддерживай громил-спортсменов и не задумывайся о трагедиях в ольстерском блоке «эйч». И не стремись понять, почему три миллиона твоих соотечественников потеряли работу.

Теперь еще об одной мрачной стороне беспринципного принципа «держать толпу подальше от реальной

жизни». Ничто в мире не может существовать само по себе. Всплески фальшивых страстей, бушующих на спортивной арене, докатываются до зрителей, особенно юных. Неустоявшаяся детская психика, понятная впечатлительность, стремление подражать героям или антигероям... И вот после увиденного в том же «Уэмбли» в душе появляется и крепнет подленькая мораль: сильному все можно, он всегда прав. А чем я хуже? И появляются на улицах степенной и некогда благовоспитанной матушки Англии 14—16-летние бритоголовые парни, держащие в страхе цветных. Их оружие — ножи, кастеты, велосипедные цепи. Философия — жестокость и кромешная душевная пустота.

Чем отличаются они от Гигантской копны? Разве тем, что Копна проделывает свои трюки публично и за деньги, а безмозглые юнцы бесплатно, чтобы поразвлечься. Вспомним: фашистский гитлерюгенд тоже начинал с избиения на улицах случайных прохожих.

...Но вернемся еще раз на ринг «Уэмбли». Кто они — два кулачных бойца, доводящих публику до нездорового экстаза? Большому папе за пятьдесят. Бывший металлист из Йоркшира и отец семерых детей, он отрабатывает представление только из-за одного — денег. Деньги — это единственное, что интересует и Копну. Этот вообще не гнушается никаким заработком. Ездит с партнерами и в расистскую Южную Африку, от поездок в которую отказываются все, у кого осталось чувство гражданской совести. Видно, «подвиги» на ринге отбили у Копны остатки элементарной порядочности.

Да, ничто не проходит бесследно. Одурманивание при помощи профессионального спорта — это тоже прием, который используют, и успешно, правящие в мире эксплуатации и наживы.

Игра идет всерьез

Как мы летели в Колорадо

Это осознают и в Соединенных Штатах: миф о непобедимости американских спортсменов развенчан. Есть в мире спортивные державы и посильнее. Советский Союз и Германская Демократическая Республика опередили былых лидеров. Пришел неприятный черед признать поражение и пуститься в погоню. Преследование организовано тщательно и обдуманно. Я убедился в этом, побывав в олимпийском тренировочном центре национальных команд США в Колорадо-Спрингсе, где по приглашению американского Студенческого спортивного совета тренировались советские спортсмены.

Перелет через океан всегда труден и утомителен. Неважно, летишь ли ты в Мексику, Канаду или США в первый или в двадцать первый раз — легче не становится. Комфортабельно-бесшумный Ил-62М, милые девушки-бортпроводницы и невидимые миру повара всячески стараются скрасить жизнь пассажира. Но почти любого, удобно устроившегося в мягком кресле, на протяжении доброго десятка летных часов настойчиво гложет назойливая мыслишка: «Скорей, скорей бы долететь».

Наконец посадка в тихом и знакомом Гандере на Нью-Фаундлендских островах. Повсюду канадские кленовые листья — и натуральные, и смотрящие на тебя в упор с ярких плакатов. Короткая передышка для уставших пассажиров и заправка для неутомимого лайнера. Последнее усилие, несколько часов в воздухе, и под традиционные в таких случаях аплодисменты пассажиров Ил мягко приземляется в нью-йоркском аэропорту Кеннеди.

Аэропорт необъятно огромен. То, что сюда прилетает несметное количество пассажиров, мы поняли сразу. Забитый людьми зал прибытия. Длиннющие очереди к немногочисленным таможенникам. Толпы у стоек выдачи багажа. Здесь нам пришлось потолкаться особенно долго.

Мы примирились. Роются в вещах, и ничего страшного: запретного не везем, бояться нечего. Ску-

котищу дотошливого таможенного контроля нарушила бойкая Тима — волейболистка Люба Тимофеева. Таможенник беспощадно вытряхивал из багажа любые съестные припасы. Домашних пирожков, яблочек, конфеток, сложенных в кулечки заботливыми мамами и женами, в Америке нам было не отведать. «Статья такая-то, пункт такой-то, — вяло бубнил себе под нос таможенник. — Ввоз в Штаты запрещен», — и летели куда-то вниз пирожки с картофелем. Тима везла стратегически опасный товар — соленые грибки. Банку хлебосольная Любаша скормила нам еще в самолете. Вторую оставила на потом: «Съедим, когда по дому соскучимся». Таможенник о Тиминых планах не подозревал.

— Грибы, — с некоторым удивлением констатировал наш новый знакомый.

— Белые, — подтвердила Тимофеева не без гордости. — Один к одному.

— Статья такая-то... Ввоз в США за... — привычно забубнил таможенник, опуская банку куда-то вниз, в темноту. Раз — и грибы перекочевали из лап таможенника в тимофеевские железные волейбольные пальцы:

— Это что? — От природы красивая Любаша во гневе была еще прекрасней. — Мама с сестрой под Загорском неделю собирали: «Возьми с собой в Америку, ребят угостишь». А он — выбрасывать. Вы, что ли, собирали? Это наше, русское.

— Мисс, ввоз за... — Ошарашенный таможенник с усилием обретал дар речи после непонятной, но гневной и на слух убедительной тирады.

— Ноу мисс — миссис, — присочинила Тимофеева и перенесла сумку через стойку. Банку грибов мы открыли уже перед отлетом из США в Денвере.

Итак, одна половина делегации тоскливо отвечала на бесконечные вопросы придирчивых таможенников. Другая пребывала в томительном ожидании чемоданов. На просьбы помочь разыскать спортивные сумки шериф со звездой цедил, чавкая резинкой: «Не придет через два часа — пойдете вон туда, заявите о пропаже». Мне вдруг показалось, что этот неотесанный малый и родился с чьюинг-гамом во рту. Приблизительно в том же духе — пренебрежительно, равнодуш-

но, грубо — вели себя по отношению к нам и прочие служащие аэропорта, вести которым таким странным образом не полагалось просто по долгу службы. Чего-чего, а хваленого сервиса заметно почему-то не было. Скорее полное отсутствие всякого внимания и граничащее с невежеством безразличие.

Сумки в конце концов нашлись. Но расставание с аэропортом затянулось. Шесть часов ожиданий и нервов, волнений и ненужной траты нужного времени. Женские студенческие сборные по волейболу и баскетболу и мужчин-ватерполистов хозяева не встречали.

В начале семидесятых я, тогда студент Московского иняза, проходил языковую практику в Протокольном отделе Спорткомитета СССР. Представляю, какой разнос устроили бы подчиненным за подобный промах руководители Протокола. Не встретить несколько десятков гостей из США? Невозможно.

Не знаю, чем бы кончилось великое ожидание, если бы не советский вице-консул. Он помог девочкам-баскетболисткам получить «о'кэй» на билеты в Рено, где их ждал тренировочный турнир. Отыскал в невероятном автомобильном водовороте подвернувшийся под руку автобус и отправил команду баскетболисток в другой аэропорт. Потом мы при помощи того же вице-консула связались с кем-то из Студенческого спортивного совета. Этот кто-то бодро заверил по телефону: скоро за вами приедут и отвезут в гостиницу.

Стоя в грязном закутке аэропорта, мы успели еще раз перезнакомиться друг с другом. Вдоволь надышаться отравленным выхлопными газами воздухом. Наслушаться на несколько лет вперед трелей несмолкающих полицейских свистков. «Скоро» тянулось невероятно долго. Бойкая девица, прибывшая наконец с автобусом, на ходу сочинила нелепейшее объяснение: «Вы же нам писали, что прилетаете рейсом авиакомпании «Эйр Марокко».

Водитель автобуса был суров и несправедлив, прямо заявил: «Деньги вперед, иначе не повезу». А когда мы попросили его хоть немного показать Нью-Йорк, уставился на нас в тупом недоумении: «Это не мое дело. И смотреть тут не на что».

Час мы гнали через город-махину в полном молча-

нии. Нью-Йорк так и прошел для нас стороной. И в памяти остался как серый, холодный, очень высокий и страшно бездушный. Город в этом, конечно, не виноват. Но и нас винить не за что.

И опять вспоминаю Москву. Вряд ли какая-нибудь иностранная спортивная делегация не воспользовалась бы любезным приглашением совершить экскурсию по столице. Что ж, у каждого свои порядки. И беспорядки тоже свои.

Утром мы провели час в очереди. Новенький компьютер, приданный в распоряжение портье, капризничал, барахлил, выдавал какую-то несусветную чушь и никак не хотел принимать от нашей делегации бешеные деньги за ночь, проведенную в не самом лучшем на свете отеле.

— У нас все настолько компьютизировано, что даже слишком, — жаловался чернокожий портье, наблюдая за безрезультатными попытками машины перемножить два двузначных числа. — Компьютеры иногда выходят из строя, и тогда...

Что происходит «тогда», мы поняли: еле успели на рейс Нью-Йорк — Чикаго — Колорадо-Спрингс.

Переживая в очереди, я получил «добрый» совет от портье:

— Когда в следующий раз надумаешь приехать в Нью-Йорк, поменяй заранее деньги на чеки.

— Это почему? — не понял я.

— Тут долго с такой пачкой бумаг не проходишь. Пристукнут, — охотно пояснил симпатичный негр.

Мы успели к рейсу в нью-йоркский аэропорт Ла Гардия. В США, где все торопятся и спешат, не давая себе и другим ни минуты передышки, аэропорт — это целый город. У каждой авиакомпании, а их в Соединенных Штатах немало, своя стоянка с бьющим в глаза названием, свой, одетый в специальную форму, персонал. В просторных зданиях из стекла и бетона полно ресторанов, закусочных, баров, магазинов. Рядом тучи автобусов и минибусов, стаи разноцветных такси. Аэропорт Ла Гардия забит тысячами людей, многие из которых хотя и постоянно живут в США, но по-английски практически не говорят.

Наш «Боинг-727» начал было разгоняться, затем вдруг вернулся к ангару компании «Трэвел Уорлд

Эйрлайннз». «Устраним маленькую неисправность в моей кабине и в путь, — успокоил пилот. — Это займет минут 30, не больше». Капитан корабля Джон Коул сдержал слово. В воздухе он постоянно обращался через микрофон к пассажирам. Шутил, знакомил со стюардессами. В Чикаго, где «боинг» присоединился к длиннющей очереди самолетов, ожидающих разрешения на взлет, Коул объяснил: «Не задержись мы в Нью-Йорке, все было бы по-другому. Но обещаю — потерянное время нагоним в воздухе». И не подвел.

Я не случайно подробно рассказываю о наших полетах и перелетах. Каждому большому спортсмену приходится сейчас колесить по свету в поисках борьбы, соперников, соревнований. Но не каждый быстро привыкает к этим нелегким путешествиям. Смена климата и часовых поясов, привычных условий и окружающей обстановки, внимание или, наоборот, полное невнимание со стороны хозяев — все это, бесспорно, влияет и на физическое, и на психологическое состояние атлета. Пролетев по маршруту Москва — Гандер — Нью-Йорк — Чикаго — Колорадо, я могу, как мне кажется, безошибочно объяснить, почему же наша хоккейная или баскетбольная команда, которая действительно посильнее соперника, уступила ему в первом матче турне с полуразгромным счетом.

Не открываю никаких Америк. Но об этих истинах, пусть и прописных, забывать нельзя. Тем более что в 1984 году Игры XXIII летней Олимпиады принимает далекий Лос-Анджелес. В Колорадо-Спрингсе к этой встрече готовились в десять раз активнее, чем во всех городах США, вместе взятых.

Новая спортивная столица?

Нью-йоркская история в Колорадо-Спрингсе не повторилась. Нас встречали, и с каким энтузиазмом! Мелькали крошечные самодельные плакатики на русском языке: «Добро пожаловать, советские спортсмены!» Десятки по-спортивному крепких рукопожатий, заверений в американском стиле: «У нас вам понра-

вится». И никаких сомнений. Не понравиться не может. Чего здесь больше — самодовольства? Дурного воспитания? Или переплескивающей через край любви к своей стране?

На стене небольшого зала ожидания большой лозунг: «Приветствуем в Колорадо-Спрингсе — олимпийском тренировочном центре США». И буквами помельче подробное объяснение, как до этого центра добраться. Его двери, вернее ворота, распахнулись в конце 1977 года, но дорога туда знакома пока не всем будущим американским олимпийцам. Бегут года, а вместе с ними, как в калейдоскопе, меняются главные действующие лица спортивных представлений. Составы сборных США обновляются с необыкновенной быстротой. Темп жизни в Штатах чересчур высок: вот и в спорте долго ждать результатов от не прогрессирующих или никак не набирающих форму после травмы не привыкли, да и не любят. Жесточайшая конкуренция за место под солнцем — в данном случае под колорадским — поощряется, а в итоге со спортом расстаются и не сказавшие в нем последнего слова.

Нам же объяснений на стенке читать не пришлось. Подхватив наши чемоданы, любезные хозяева приглашают в машины и автобусы. Направление — олимпийский центр.

Почему его открыли именно в Колорадо-Спрингсе? Помимо всего прочего, на этот вопрос частично отвечает история — сравнительно недалекая для европейцев и чуть ли не древнейшая для самих американцев. В начале прошлого века население штата Колорадо росло быстро. В 1871 году возле Колорадо-Сити возник поселок Колорадо-Спрингс. Одно из значений английского слова «спринг» — ручей. Ручейков у подножия Скалистых гор — превеликое множество. В их честь и получил название поселок. В 1917 году разросшийся Колорадо-Спрингс начисто поглотил некогда несокрушимого соперника — Колорадо-Сити, присоединив его земли к своим владениям.

В Колорадо-Спрингсе с пригородами, по словам американцев, свыше 350 тысяч жителей. Раньше город был известен благодаря туристическим достопримечательностям, великолепным санаториям и минеральным источникам, бьющим иногда прямо на окра-

инах. Чистый горный воздух ставил на ноги больных туберкулезом. У подножия Скалистых гор строили виллы удалившиеся на покой, обеспеченные, но не самые крупные бизнесмены, которым было нелегко тягаться с миллионерами, обосновавшимися на берегу океана в роскошной Флориде. Умеренный континентальный климат и триста солнечных дней в году — вот что привлекает в город с ручейками. Зимой здесь не холодно — средняя температура января 0, —4 градуса, летом сравнительно не жарко — в июле + 20, + 22, 300—400 миллиметров осадков, которые имеют обыкновение выпадать каждый год, не портят ни настроения, ни погоды.

Климат Колорадо привлек и совсем неожиданного гостя — Пентагон. Район буквально кишит военно-воздушными базами. Военные самолеты, вертолеты, планеры... без передышки бороздят безоблачное небо. Полеты с демонстрацией элементов высшего пилотажа продолжаются, по-моему, круглые сутки. Однажды нас не то чтобы напугали, а неприятно удивили нахальством летчики двух учебных самолетов со звездами американской армии. Они вздумали синхронно пикировать на наш автобус, набитый спортсменами. Страшно было даже не за себя — за двух юных дурачков, едва не столкнувшихся при выходе из пике. Дослужив до пенсии, летчики обычно не уезжают из этих благословенных мест. Шутят, что каждый третий житель Колорадо может при необходимости подняться в воздух на реактивном истребителе. Чуть ли не в центре города разместилась штаб-квартира командования североамериканской воздушной обороны (НОРАД). Как-то установленный тут насмешник-компьютер поднял в Штатах настоящий переполох. Подал сигнал тревоги, оповестив о мнимом нападении на США. К югу от Колорадо-Спрингса — крупная армейская база Форт-Карсон. К северу — военно-воздушная академия.

Итак, с погодой в Колорадо-Спрингсе дела обстоят благополучно. Теперь этим обстоятельством решили воспользоваться и спортивные руководители США. Нельзя сказать, чтобы и до этого в Колорадо не проводилось соревнований. Первый старт принял еще в начале прошлого столетия капитан Зебулон Пайк.

В 1806 году он разглядел в Скалистых горах высочайшую вершину, которой и было присвоено его имя — пик Пайка. Но самому Пайку на пик высотой около 3700 метров подняться не удалось. Трижды усатый капитан бодро отправлялся в горы и столько же раз огорченно возвращался обратно. «Нога человека никогда не ступит на этот пик», — заявил небравый вояка. И конечно, ошибся. Гора была покорена уже в 1820 году. С тех давних пор на пик совершены тысячи и тысячи восхождений. Лишнее подтверждение, что со времен капитана Пайка человек стал гораздо выносливее и сильнее. Каждый год 14 августа у подножия горы собираются сотни спортсменов. Выстрел стартера, и, энергично работая ногами и локтями, они устремляются к вершине. На пик Пайка проложена и автомобильная трасса. Рано утром 4 июля здесь образуется неимоверная пробка. Много лет подряд в День независимости организуется традиционная «Гонка к облакам». Сначала пик штурмуют старинные машины, на которых с шиком ездили в начале века. Потом за руль сверхсовременных гоночных авто садятся известные профессионалы.

И старина Пайк был бы несколько обескуражен своей теперешней популярностью. Ресторан Пайка, бар опять-таки Пайка, магазин сувениров все того же Пайка... Такая реклама привлекает множество американских и зарубежных туристов, но уж как она назойлива!..

В августе любители лошадей из всех штатов съезжаются на знаменитое «Родео пика Пайка». Это состязание проводится с незапамятных времен, и поэтому в городе его с гордостью величают прадедушкой всех остальных родео.

Ну и, конечно же, в Колорадо-Спрингсе неимоверно популярны зимние виды спорта. В горах — бесчисленное количество хорошо укатанных лыжных трасс и великолепных подъемников. Один из них считается рекордсменом. За час он поднимает на вершины свыше шестисот горнолыжников.

Однажды город даже рискнул пригласить к себе Белую Олимпиаду-56. Но уступил более удачливому итальянскому претенденту — Кортина-д'Ампеццо.

— Зато пять раз — в 1957, 1959, 1965, 1969 и

1975 годах мы были хозяевами мировых чемпионатов по фигурному катанию, — не унывают оптимисты из Колорадо-Спрингса. — Наша «Бродмор Уорлд Арена» вмещает пять тысяч зрителей и считается лучшей в Штатах.

Не раз на арене соревновались и хоккеисты. Но все-таки «Бродмор» известна в основном благодаря фигуристам. На стажировку к работающим в «Бродмор Уорлд Арене» прославленным тренерам приезжают и сильнейшие американские спортсмены, и звезды из Европы, Азии. Менее известные специалисты обучают новичков. Живут фигуристы в двух шагах от арены — в уютном общежитии, связанном с «Бродмор» закрытым подвесным переходом. Однако позволить себе роскошь, именно роскошь, тренироваться в Колорадо по карману немногим. Плата за пользование льдом и услугами тренеров выражается иногда в чеках с мелькающими четырех-пятизначными цифрами.

В конце июля — начале августа 1979 года на первый Национальный спортивный фестиваль в Колорадо-Спрингс приехали две тысячи американских спортсменов. Нас, в глубине души где-то привыкших к грандиозному размаху Всесоюзных спартакиад, это число впечатляет слабо. Что такое две тысячи по сравнению со ста миллионами участников летних Спартакиад народов СССР. Но в США эту цифру произносят с трепетом, с дрожью в голосе, прямо с благоговением, не уставая повторять: прообраз фестивалей — советская Спартакиада. Национальный олимпийский комитет (НОК) США и стал главным инициатором проведения Национального спортивного фестиваля. Однако спартакиадная копия напоминает оригинал весьма отдаленно. Подозреваю, в Штатах не слышали не только о понятии, но и о термине «массовые спортивные состязания». Право стартовать — причем сразу в финале без всяких отборочных — не завоевывают в борьбе с сотнями соперников, а спокойно получают. Спортивные федерации по собственному усмотрению рассылают приглашения крошечным группкам спортсменов, считающимся сильнейшими. Молодым и малоизвестным шанса поспорить с грандами не предоставляется. И в американской прессе фестиваль критиковали за

непродуманный отбор участников. Никаких гарантий того, что в Колорадо-Спрингсе стартовали действительно две тысячи лучших, не существует.

Программа фестивалей, ставших ежегодными, единственна в своем необычном роде. Обычно атлетов делят по месту жительства на четыре условные команды. Условность даже в непритязательных названиях: «Восток», «Юг», «Средний Запад» и просто «Запад». Какие тут могут быть у спортсменов патриотические чувства? Ради чего, кроме личной славы, будут они отдавать силы и выкладываться на финише — загадка. Соревнуются в тридцати — тридцати трех видах спорта, входящих в программу Олимпийских и Панамериканских игр. И хотя дело происходит летом, медали разыгрываются в фигурном катании, хоккее и скоростном беге на коньках — бегают в закрытых залах на хоккейных аренах. Проводятся первенства и в софтболе с бейсболом — не олимпийских, но в США популярных. Слава богу, организаторы пока не додумались затеять смотрины игроков любительского американского футбола. Не исключено, решатся и на это, ибо цель Национального фестиваля не только лишний раз проверить готовность спортивной элиты — стремятся привлечь как можно больше зрителей и оправдать неизбежные расходы. О массовости, о привлечении к спорту молодежи не задумываются.

Американцы по-провинциальному склонны к пышности и обожают преувеличения. Вот и тогдашний президент НОК Роберт Кейн сразу же провозгласил фестиваль «мини-олимпийскими играми, ограниченными участием атлетов США». Но как бы то ни было, фестиваль позволил спортсменам прочувствовать атмосферу по-настоящему крупных или, как мы говорим, комплексных турниров. Дал им возможность продемонстрировать истинные таланты на глазах публики и, что в Соединенных Штатах тоже исключительно важно, прессы. Наконец, в Штатах раньше такие соревнования просто-напросто не организовывались.

Есть у сравнительно молодых фестивалей и рекордсменка — Синтия Вудхед. Приезжала к нам в страну неоднократно и также многократно била высшие достижения наших бассейнов. Юная Синтия не отличалась примерным поведением. Ее то дисквалифи-

цировали за постоянные нарушения режима, то прощали незабытые грехи. Она не совершила в спорте всего, что было отпущено щедрой матерью-природой и спортивным талантом. Фестиваль в Колорадо-Спрингсе — пока высшая точка в ее головокружительной карьере, отмеченной стремительными взлетами и обескураживающими падениями: в Колорадо она выиграла шесть золотых медалей в плавании.

Есть, на мой взгляд, высшая точка и в истории Национального олимпийского комитета США, пережившего падений во сто крат больше и несравненно чувствительней, чем было у невинной нарушительницы дисциплины Синтии Вудхед. Пик приходится на 8 ноября 1978 года. В этот день 95-й конгресс США принял «Закон о любительском спорте» и, расщедрившись, впервые выделил крупную сумму — 16 миллионов долларов на подготовку будущих олимпийцев и создание тренировочных центров.

Этого светлого события не ждали. Ведь палата представителей отклонила просьбу о помощи не глядя, без особых дебатов. На что осмеливался претендовать какой-то любительский спорт, если и более важные законопроекты в области социальных мероприятий еще в то, дорейгановское, время намертво застревали и увязали, были немилосердно урезаны и окончательно похоронены. Среди них закон о полной занятости, законопроект об обязательном ограничении платы за лечение в больницах, билль о реформе трудового законодательства, реформа социального обеспечения, страхование в области здравоохранения, программа городского жилищного строительства... Уф! Список неудачников легко продолжить. Но к чему? Сколькими же статьями государственного бюджета пожертвовали и все из-за одной неизменно рекордной — ассигнований на военные цели.

И вдруг взяли да проголосовали за спорт. Отнюдь не трогательная привязанность конгрессменов к Олимпиадам и олимпийцам неожиданно заставила конгресс раскошелиться. Правящие круги США переживали из-за потери спортивного престижа Америки. Не хватало, чтобы американцы проиграли еще и дома, в Лос-Анджелесе, противникам из социалистических стран. Вот какое соображение, а не забота об олимпий-

ских идеалах, решило исход долгой и затяжной схватки за кредит в 30 миллионов долларов. Правда, 30 миллионов после изнурительных словесных дебатов-перепалок сократились до 16. Такое решение непонятно почему окрестили «компромиссным». НОК США был доволен и этим.

Несказанно радовало руководителей НОК и другое. Не вдаваясь в подробности, скажу: было время, когда американские национальные федерации по видам спорта и некоторые влиятельные спортивные союзы мало считались со своим Национальным олимпийским комитетом. Предпочитали держаться от него обособленно. Вступали в конфликты. И заключали перемирие — вечно недолговечное — лишь на период непосредственной подготовки к Олимпиадам. Серьезнейшим неукротимым соперником оставался любительский атлетический союз, не думавший отказываться от роли лидера в американском спорте даже в жаркие олимпийские денечки. Бывало, перераставшие в публичные скандалы споры вспыхивали в столицах Олимпиад прямо на глазах изумленных олимпийцев.

Сейчас распри остались где-то за Скалистыми горами штата Колорадо. Руководители федерации и не собирались превращаться в пай-мальчиков. Жизнь заставила. Постоянные проигрыши на Олимпийских играх, Всемирных универсиадах... спортсменам СССР и других соцстран кое-чему научили американских спортивных руководителей. К ним на выручку — возвратить потерянный престиж! — бросились и руководители далеко не спортивные. В уже знакомом нам «Законе о любительском спорте» прямо определено: НОК страны получает права самого главного спортивного учреждения США. Теперь исключительно он отвечает за подготовку спортсменов к Олимпийским и Панамериканским играм и остальным престижным турнирам. Комитет превратился в координатора и организатора любительского спорта Соединенных Штатов.

Наверно, в честь этой окончательной и бесповоротной победы над конкурентами Олимпийский комитет США взялся за финансирование первого Национального спортивного фестиваля. Транспортные расходы, размещение и питание атлетов, судей и официальных

лиц оплачивались из его бюджета. В Штатах, где тщательно считают и пересчитывают каждый доллар, это выглядело необычно.

В Америке пословица о платящих и заказывающих музыку актуальна, как нигде. Влияние НОК все усиливалось и усиливалось. Его штаб-квартира была перенесена в Колорадо-Спрингс. Сюда, в олимпийский центр, где ежедневно тренируются несколько сот претендентов на места в сборных командах США, перебрался на постоянное местожительство весь штат Олимпийского комитета. Кроме одного очень богатого и очень чудаковатого сотрудника, который на выходные дни отправляется на самолете через полстраны домой, в Нью-Йорк.

Но рано утром в понедельник и он возвращается в желтое здание с американским флагом у въезда в центр. Это и есть, как свидетельствует аккуратная вывеска у парадного входа, «Олимпийский дом США». В нем штаб-квартира НОК. Здесь же под одной крышей разместились и национальные любительские федерации — их 31, и трудятся они в полном контакте с НОК. Президенты различных федераций делают вид, будто их спортивные организации по-прежнему сохраняют полную самостоятельность. Но это уже далеко не так. Ныне спортом в Соединенных Штатах управляют централизованно или, выражаясь языком американцев, по вертикальному принципу. НОК твердо осуществляет руководство спортом и старается укрепить его материальную базу, в первую очередь, конечно, олимпийскую в штате Колорадо. Вот так Колорадо-Спрингс и превратился в своеобразную столицу любительского спорта Соединенных Штатов. В ней мы и прожили десять дней.

Лагерь у подножия гор

— Для начала зайдем в Хельсинки, — предложила менеджер женской волейбольной сборной США Руфь Бейкер, доставившая нас из аэропорта на Ист Булдер-стрит, 1776, в олимпийский тренировочный центр.

— Куда? — переспросил я.

Бейкер улыбнулась:

— У руководителей Олимпийского комитета США богатая фантазия. Дома на территории центра названы в честь городов, принимавших Олимпиады.

Сначала это кажется непривычным. Потом настраивает на какой-то особый, олимпийский лад. Перед каждым зданием в зеленый газон врыт столбик с именем олимпийской столицы. Ко всему на свете привыкаешь быстро, и на второй день я уже предлагал соседу по комнате — судье международной категории по волейболу Феликсу Черсу — зайти к тренерам-ватерполистам в «Инсбрук». Кроме «Инсбрука», спортсмены живут в общежитиях «Афины», «Гренобль», «Осло» и «Кортина». Питаются в столовой «Санкт-Мориц». Лечатся в спортивной медицинской клинике «Мюнхен». Зал отдыха — в «Монреале». Тренировки по различным видам спорта проходят в «Мельбурне», «Лондоне», «Берлине» и нашей «Москве». А в «Хельсинки», куда приглашала заглянуть Бейкер, обосновалось все начальство олимпийского центра.

Нас — официальных лиц, женскую сборную по волейболу и ватерполистов — разместили в мгновение ока. Отвечает за эту, по его словам, несложную операцию, отработанную с десятками сборных США, Джордж Кэлбер.

Кэлберу подчиняется и транспорт. И вот тут-то Джорджу приходится повертеться. Как это ни странно для машинообильной Америки, автобусов и прочих автомобилей в центре не хватает. Поездка на тренировку и даже соревнования превращается в целую проблему. Руководители федераций нижайше расшаркиваются перед «транспортным королем». В официальные программы турниров вставляются лестные для его самолюбия строки: «Надеемся, не подведет и транспорт, за который отвечает опытнейший администратор Джордж Кэлбер». Иногда лесть не помогает, надежды не сбываются. Так, во время волейбольного турнира диктор пару раз под улюлюканье зрителей просил извинения за получасовые опоздания команд, «связанные с транспортными сложностями». Какие могли быть сложности, осталось непонятным, но желтые автобусы с надписью «Олимпийский тренировочный

центр США» заставляли всех его жителей изрядно понервничать.

Итак, меня поселили в «Осло». Подобно четырем другим общежитиям, оно представляет собой длинное трехэтажное здание серого цвета. И в жилых комнатах, рассчитанных на двух-трех человек, преобладают ровные, спокойные тона. В номере умывальник, стенной шкаф, письменный стол, тумбочка. И никаких телефонов, единственный на весь корпус аппарат — внизу у входа. Среднестатистический американец вышел на первое место в мире по продолжительности телефонных переговоров. Жители олимпийского центра эту статистику резко портят — или улучшают? К аппарату их допускают в виде одолжения. Общение с родными и любимыми осуществляется при помощи тренеров и менеджеров команд. Хотят того спортсмены или нет, их энергию экономят и не дают растрачивать на часто бесполезные разговоры. Единственное исключение из полуспартанской обстановки — огромные, страшно удобные, чуть не двуспальные кровати. Я видел, как, не щадя сил, тренируются американцы. Думаю, значительную часть свободного времени они проводят на этих ложах. На каждом этаже — классы для теоретических занятий, великолепные душевые, прачечные и — предусмотрели и такую мелочь — места для сушки одежды, туалеты.

У входа в общежитие автомат за двадцать пять центов продаст баночку «Коки», бутылочку «Пепси». Но и только. Прямо на парадной двери — грозная надпись. Смысл ее в том, что даже не распитие, а простое хранение любых алкогольных напитков в комнатах ведет к выселению из центра. Имея кое-какой опыт общения с американскими командами в качестве переводчика и спортивного репортера, я верил в это с трудом. Сколько раз на моих глазах победа или поражение шумно отмечались, бывало, и с ведома тренера, напитками, и отдаленно не напоминающими безобидную желтую «Фанту». Но времена изменились. Употреблению спиртного объявлен, как у нас пишут, бой. В период работы в центре от дурных привычек вынуждены отказаться и тренеры. Им то ли в шутку, то ли полуофициально (признаюсь: не понял) рекомендуют не курить на территории центра. Видимо,

шутка близка к истине, ибо ни одной пепельницы я в Колорадо-Спрингсе не видел. А спортсменов, замеченных в этом грехе, без всяких шуток отправляют, причем за свой счет, домой. Привлекать ли в дальнейшем нарушителей дисциплины в сборные, решит уже не тренер, а национальная федерация. Однако, какое бы решение ни было принято, спортсмену обеспечена как минимум недельная дисквалификация.

В олимпийском тренировочном центре нет принятого у нас отбоя. Но жизнь замирает рано. В половине одиннадцатого на его улицах, отгороженных от внешнего мира забором, — полная пустота. А в общежитиях тишина, нарушаемая похрапыванием хорошо потрудившихся за день кандидатов в олимпийцы. На каждой тумбочке — картонная табличка с лаконичным сводом законов, о которых, видно, не следует забывать ни днем, ни ночью:

«Приветствуем тебя в олимпийском тренировочном центре США.

Ради собственного блага и блага других будь хорошим гостем.

Открыл что-то, не забудь закрыть.

Раз включил свет, значит, и выключи его.

Если открыл комнату, то и закрой ее и смотри не потеряй ключ.

Испортил — почини, не можешь починить сам — найди того, кто может.

Одолжил что-нибудь, обязательно верни.

Если используешь вещь, следи за ее исправностью.

Наделал беспорядок — убери.

Передвигал мебель, поставь потом на старое место.

Если что-то принадлежит кому-то, а тебе это что-то нужно, спроси разрешения, прежде чем это что-то взять.

Не знаешь, как пользоваться, оставь в покое».

И заключительное, чисто в американском духе, меня покоробившее:

«Если это тебя не касается, занимайся своим собственным делом».

Законы эти, включая и последний, соблюдаются строго. Медленно и верно будущие олимпийцы Соединенных Штатов приучаются — пусть и не на всегда понятный нам манер — к дисциплине и порядку.

Симпатичные горничные, как и весь обслуживающий персонал одетые в фирменные фартучки в веселую разноцветную полоску, ежедневно разносят по комнатам около четырехсот этих наставлений, отпечатанных типографским способом. Приблизительно таково в среднем население центра. Например, вместе с советскими спортсменами, баскетболистами Болгарии, Канады, югославскими ватерполистами и другими командами-гостями в лагере жили сборные США по европейскому футболу, стрельбе, дзюдо, велоспорту, некоторым видам легкой атлетики, конькам, травяному хоккею, баскетболу (мужчины), синхронному плаванию, хоккею с шайбой и, конечно, волейболу.

Почему «конечно, волейболу», объясню позже. А вот на вопросе, почему «жили», а не «жили и тренировались», остановлюсь сейчас. Весь олимпийский тренировочный центр до последнего гвоздя является собственностью ВВС США. В военные годы и еще лет десять спустя в общежитиях, именовавшихся казармами, жили летчики-кадеты. Затем Пентагон тряхнул туго набитым кошельком и отгрохал для своих пилотов поблизости от Колорадо-Спрингса новенькую и баснословно дорогую военно-воздушную академию. Старый лагерь пылился и пустовал, пока НОК США и военные не заключили любопытного соглашения. ВВС отдавали абсолютно ненужную им базу в аренду Олимпийскому комитету за чисто символическую плату — 1 (один) доллар в год.

Понятно, до недавних пор в олимпийском тренировочном центре было не слишком много спортивных сооружений: стрельбище, зал тяжелой атлетики, закрытые корты для игры в сквош, мелкий 25-метровый бассейн, отличный игровой зал... Пожалуй, все, не считая бильярдной.

Но за работу взялись серьезно. Быстро сделали превосходное футбольное поле и покрыли его ярко-зеленым искусственным ковром-газоном. На нем можно играть и в футбол, и в травяной хоккей. Вокруг поля бежит красная синтетическая дорожка. Аккуратно разровнены три-четыре ямы для прыгунов в длину и тройным. Рядом лежат мягчайшие маты — тут тренируются прыгуны в высоту и с шестом. Подальше — несколько кругов для толкателей ядра. Установили

на стадионе и новейшее электронное оборудование. Кто-кто, а легкоатлеты обеспечены на все сто процентов. Представителям многих других видов спорта приходится потяжелее.

Чуть позже расскажу о финансовых затруднениях НОК США. 16 миллионов долларов при инфляционных темпах рейганомики улетели со скоростью реактивного истребителя. Но строительство намечалось обширное, рассчитанное на годы вперед: универсальный зал для игровых видов, крытый 50-метровый бассейн... Мечтали соревноваться по всем летним олимпийским видам спорта прямо в центре, не выходя за ограду.

Этими сокровенными и несколько волюнтаристскими планами — крупных денежных поступлений ждать было больше не от кого — поделилась со мной заместитель директора олимпийского тренировочного центра Маргерит Джиглиэлло. По словам ее подчиненных — мужчин, всеми делами в центре умело заправляет именно хрупкая, миниатюрная Маргерит, а не директор Роберт Матиас. Признаться, эти комплименты из мужских уст слышать было удивительно. Но мы познакомились с госпожой Джиглиэлло и поняли, что свой ответственный пост она занимает не зря. Маргерит исключительно деловита, энергична и в дополнение к этим важным качествам дружелюбна и легко сходится с людьми. Жаль, не удалось побеседовать с ее начальником. Единственный в мире атлет, дважды подряд выигрывавший — в 1948 и 1952 годах — звание олимпийского чемпиона в десятиборье, Роберт — Боб — Матиас использовал затем спортивную популярность в политических целях. Матиаса избрали в конгресс США. Сейчас он возглавляет центр. Но в Колорадо-Спрингсе бывает, как говорят, не часто. Матиас разъезжает по стране. Неплохой оратор, он произносит речи, создавая паблисити центру. Чемпион, политик и директор — живая приманка, реклама для крупных фирм и просто богатеев, которые жертвуют деньги на содержание американских национальных сборных. А работу в самом центре закручивают люди малоизвестные, но практичные, полностью отдающие себя важному и бесконечно хлопотливому делу. Пример — Маргерит Джиглиэлло.

Однако не всемогуща и она. Со спортивными база-

ми пока в Колорадо сложновато. Некоторым американским спортсменам приходится здорово поколесить по окрестностям города в поисках тренировочных залов и бассейнов. Так, турнир по любимому здесь волейболу ютился в городском театре — ветхом и не приспособленном для соревнований. Странно было сидеть на скрипящих скрипом прошлого века стульях и оставлять вещи в душном склепе-раздевалке без зеркал и душевых.

Совсем туго пришлось ватерполистам. Тренироваться им было негде. Каждое утро начиналось со звонка исполнительного директора Спортивного студенческого совета США Глена Дэвиса начальству академии военно-воздушных сил Соединенных Штатов. Переговоры велись не по-американски долго и заканчивались тем, что раздосадованный Дэвис просил «подождать до завтра».

Неизвестно, настало бы это «завтра», если б в дело не вмешался президент Федерации водного поло США Берт Шоу. По каким-то «своим каналам» он договорился с руководством академии, и наши ватерполисты получили доступ в бассейн.

Академия, вернее ее спортивная база, заслуживает того, чтобы рассказать о ней подробнее. Попробуйте назвать любое пришедшее вам в голову спортивное сооружение, и оно обязательно отыщется на территории в 18 тысяч акров. Чего здесь только нет: теннисные корты, поля для американского и европейского футбола, газоны для регби и травяного хоккея, легкоатлетический манеж с синтетической дорожкой... Есть и закрытый стадион, в котором могут соревноваться хоккеисты, фигуристы и даже конькобежцы. Это далеко не все, но описание свыше ста спортивных сооружений, принадлежащих академии ВВС США, отнимет слишком много времени и места. Отмечу лишь, что по договоренности с НОК кандидаты в олимпийские сборные США имеют право бесплатно тренироваться на любом из ста спорткомплексов. Правда, с одной оговоркой: время тренировок не должно совпадать с расписанием учебных спортивных занятий летчиков-кадетов. Но есть тут и некоторые сложности. Дорога до академии занимает минут 35—40. А с транспортом, если вы помните, у олимпийского центра негусто.

Наши спортсмены кандидатами в сборные США не являлись, и поэтому советских ватерполистов в тренировочный бассейн допустили с большим скрипом. Это и понятно. Было бы странно, если бы хозяева вдруг ни с того ни с сего устроили для советских ватерполистов экскурсию по важному военному объекту. Подозреваю, редко кому из наших спортсменов довелось тренироваться за границей на пентагоновской базе. С приближением к академии ВВС контрольно-пропускные пункты попадались все чаще, проверки на них делались все жестче. У входа в громадное здание, где находится и бассейн, строгое предупреждение: «Без сопровождающих проход абсолютно невозможен. За последствия отвечает нарушитель». Нарушить и отвечать за последствия не пришлось. Провожатых хватало с избытком. Перед тренировкой в бассейне появлялся скромный, пунктуальный человек, в течение двух часов задумчиво и безотрывно глядевший в какую-то неведомую точку в центре поля. Что виделось ему, кроме мелькания тяжелых ватерпольных мячей? О чем думалось и мечталось?

Уравновешенных ватерполистов надзор нисколько не беспокоил. Да и бассейн был сработан на славу. Нажатие кнопки — и передвижной бортик превращал его из пятидесяти- в двадцатипятиметровый. Чистейшая вода менялась с поразительной быстротой и частотой. Ее одинаково ровная температура поддерживалась автоматически.

Немного удивляли лишь куклы-манекены размером в человеческий рост, разбросанные по бортику бассейна. Случайно приехав на тренировку раньше обычного, мы попали на занятия будущих военных пилотов. Напрягаясь и сквернословя, кадеты вместе с инструкторами отрабатывали способы спасения сбитых над морем летчиков. После тридцатиминутного просмотра я усвоил: спасая утопающего, ни в коем случае нельзя хватать его за волосы. Стоило студенту попытаться воспользоваться недозволенным приемом, вцепиться в пышный парик куклы, как он мгновенно получал затрещину от плывущего рядом наставника.

Даже из нетипичного, может, примера ясно: к общефизической подготовке в академии ВВС относятся

серьезно. Нехитрую догадку подтверждала и намалеванная на стене бассейна картинка. Из клюва хищного сокола извергалось дружеское напутствие начинающим воякам: «Хочешь высоко взлететь — набирай высокую спортивную форму!» В спортзале, куда нас без всякого удовольствия допустили на третий день тренировок, висят таблицы с рекордами академии. И в каких бы видах спорта они ни устанавливались, достижения были на уровне наших мастерских нормативов, а в плавании и спринтерском беге — повыше.

— Это благодаря высокогорью, — пояснили недобровольные сопровождающие лица. — Природа сама дарит кадетам лишние секунды и дюймы. Живут ребята здесь круглый год, и высота им здорово помогает.

А для спортсменов из олимпийского тренировочного центра высокогорье создает сложную проблему. С моей точки зрения, она никогда не будет разрешена. Некоторые, хорошо переносящие тяжелейшие тренировочные нагрузки, с трудом приспосабливаются к высокогорным условиям. Напомню: олимпийский центр находится на высоте 1800 метров, академия ВВС — на 300 метров выше. И этот перепад высот проходит безболезненно далеко не для всех. В короткой памятке, вручаемой гостям лагеря, предупреждение: «Ты в высокогорье! Физическая деятельность, требующая большого напряжения, может затруднить дыхание, вызвать сердечную боль. Считай, что твоему телу потребуется в лучшем случае 72 часа, чтобы начать приспосабливаться к высоте. Не особенно утруждай себя в первый день...» Значит, драгоценное для любого классного атлета время — трое суток! — вычеркивается из его спортивной биографии. Да и после этих злополучных трех дней не все и не у всех идет благополучно. Насморк, расстройство желудка, головная и даже зубная боль, какая-то вялая расхлябанность — почти непременные спутники первых дней в высокогорье.

Со всеми этими недугами, а также профессиональными травмами спортсмены, не стесняясь и не дожидаясь минуты, когда боль станет нетерпимой, обращаются в «Мюнхен». Оборудованная в нем клиника

оснащена современной медицинской аппаратурой. В распоряжении врачей — лекарства на все случаи жизни. Меня поразило, что очень и очень многие спортсмены перед соревнованиями и тренировками заходят сюда забинтовываться.

Усатый рыжий доктор бинтовал ноги баскетболистов с фантастической скоростью. А те безучастно возлежали на специальных кушетках и не смотрели на виртуоза — привыкли. За этой картиной я наблюдал неоднократно. И спросил-таки врача, зачем, мол, все это. «Травм будет гораздо меньше. Проверено», — объяснил он. Удивило и другое. Любые растяжения, ушибы, опухоли лечат льдом. Ледяные компрессы прикладываются прямо на голое тело белоснежными брусками-глыбами.

Штат клиники маленький. Но перед крупными турнирами — Всемирной универсиадой, Панамериканскими играми — в Колорадо-Спрингс приглашаются лучшие врачи. Они присутствуют на тренировках, знакомятся с будущими подопечными и, наконец, отправляются с ними на соревнования.

Не нарушая строгих законов географии, по соседству с «Мюнхеном» расположился «Санкт-Мориц». Нет в центре человека, который бы не побывал в нем трижды в день. «Санкт-Мориц» — столовая, и вполне приличная. Это единственное место в лагере, куда не попадешь без идентификационной карточки, проще говоря, пропуска. Он выдается в первый же час приезда вместе с ключом от комнаты в общежитии. Вид спорта, страна, срок проживания — вот и все сведения, указанные в запечатанной в плексиглас бумажке. По идее, ее надо предъявлять и при въезде в центр, но за этим как-то не следят. А симпатичный парнишка-негр, проверяющий пропуска у входа в «Санкт-Мориц», при всей своей симпатичности неумолим. Он шустро научился традиционным русским «спасибо» и «до свидания» и не очень-то традиционному: «Ваш пропуск, пожалуйста!»

Одновременно за столы столовой самообслуживания усаживаются 183 человека. Чтобы накормить 600 человек, требуется часа полтора-два. Если время обеда или ужина совпадает с тренировкой, спортсменам выдаются удобные картонные коробочки с сухим

пайком. Надо только не забыть написать предварительную заявку.

На завтрак, обед и ужин предлагается на выбор одно из двух-трех горячих вторых блюд. Дальше гостей ждет шведский стол с закусками, приправами, салатами, разнообразными горячими и холодными гарнирами, сладким, мороженым, овощами, фруктами, чаем, кофе, какао, десятки соков и освежающих напитков. Для особенно увлекающихся у некоторых блюд лежит написанная от руки записка: «Здесь больше калорий, чем в трех остальных, вместе взятых». Это слегка охлаждает пыл едоков.

И все же мы дружно скучали по борщам и супам. Узнав о нашей гастрономической ностальгии, менеджер, а по-простому директор столовой, Фрэнсис Вети удивился:

— Меню составляют специалисты-диетологи. Цикл рассчитан на 7—10 дней. Нам настоятельно и категорически рекомендовали отказаться от супов, даже протертых, и бульонов, даже куриных.

— Но ведь что может быть полезнее для усталого спортсмена, чем чашечка бульона, несколько ложек супа...

— Крепкий горячий чай, натуральный сок и с три дюжины прочих блюд. Супы, как уверяют диетологи, дают мало калорий и много жира.

Почти всю закупку продуктов Фрэнсис взял на себя и предпочитает иметь дело не с магазинами, а ездить на своей машине прямо по фермам. Там продукты посвежее. И, что по нынешним американским инфляционным временам тоже немаловажно, подешевле.

Спортсмены честно заслужили обильные обеды и ужины. Не собираюсь рассказывать в этой книге о каких-то конкретных примерах подготовки американских атлетов к Олимпийским играм. Замечу только: тренируются они с неистовым энтузиазмом, неимоверным старанием и полным послушанием. При всем при этом мне показалось, что женщины занимаются еще более самозабвенно, чем мужчины.

После обеда наши ребята-ватерполисты заглядывали в «Монреаль». Перекидывались в настольный теннис, играли в бильярд. В этом зале отдыха собрана

неплохая библиотека. Но ее услугами, по-моему, из всех жителей центра пользовался лишь один читатель — ватерполист, студент экономического факультета МГУ Георгий Крупин.

Вообще американцы нашей любознательности не понимали. Когда мы попросили организовать экскурсию по Колорадо-Спрингсу, это вызвало, к полному моему недоумению, кучу вопросов: «А зачем? Что же вы хотите увидеть?..» Всячески отнекивались, разводили руками, клялись, что смотреть у них нечего. «Это у вас-то нечего смотреть?» — дипломатично льстил тренер ватерполистов Попов. И бодро сыпал названиями из предусмотрительно захваченного туристического справочника. Преодолевая плотный прессинг непривычных к такого рода развлечениям хозяев, мы все-таки выбрались и в «Пещеру ветров», в «Сад богов», и в еще пару колорадских музеев.

Скромные суточные тратились и на кинофильмы. Шли все вместе — охотно и дружно. Случалось, спорили с американцами. В «Саду богов» затеяли дискуссию с молоденьким гидом. Он гордо сообщил: этот исторический сад безвозмездно передал городу местный миллионер. Ждал, видно, привычных возгласов одобрения, вздохов «боже мой, как благородно!». Не дождался и поразился единодушной реакции: «Передал, и правильно. К чему одному человеку такой парк, если садов у вас в городе маловато».

Приятно, что наши спортсмены хотя и уставали после тренировок, но предпочитали такой активный, полезный отдых бессмысленному лежанию на кушетке. Спортивная жизнь — это не только бесконечные перелеты и переезды, радость состязаний и счастье побед. Это и чудесная возможность познать мир. Увидеть великолепные по красоте места. Встретиться с новыми, пусть и говорящими на другом языке людьми. Рассказать им о великой нашей стране. И советские спортсмены всегда пользуются этой возможностью сполна.

Наши всегда налаживали товарищеские контакты со спортсменами других команд удивительно быстро. Получалось это естественно и легко. Тут не было ни излишней снисходительности, ни заискивающей подобострастности. Видно, и те, кто через несколько дней

или часов превращался в жаждущих побед соперников, чувствовали искренность и доброжелательность новых, а иногда и старых друзей из Советского Союза. Я первое время по наивности поражался: парни и девушки разных стран порой объяснялись с нами на ломаной мешанине из десятка языков, бывало, чуть не на пальцах, а взаимопонимание устанавливалось отличное. Позднее, с возрастом, понял — к открытым и честным душам всегда тянутся. Совместное общение дарит радость, запоминается надолго, как нечто приятное и, к сожалению, не так часто в жизни встречающееся.

Сколько их было — таких добрых знакомств! Рассказать обо всех — не хватит не то что главы — книги. Напишу о самом рядовом, случайном и совсем не образцово-показательном. Не знаю, помнит ли нас Барбара Локхарт — черноволосая американка с мелко вьющимися кудрями — даже кудряшечками. Хотя почему-то чувствую, что взаимная симпатия, возникшая в Колорадо, промчалась сквозь годы, выжила и устояла. А познакомились ранним утром на стадионе. Пробежали вместе несколько кругов, разговорились. Локхарт — бывшая спортсменка, соревновалась еще со Скобликовой, Гусевой, Стениной. На зимних Играх в Скво-Вэлли олимпийский чемпион Виктор Косичкин в шутку назвал ее «бабушкой» — Барбара с детства носила очки с мощными линзами. Шутливое прозвище понравилось. Перекочевало из советской сборной в американскую. И двадцать лет спустя далеко не пенсионерка Локхарт попросила обращаться к ней именно таким непривычным для нас образом. О чем и о ком мы только не переговорили — о спорте, политике, знакомых конькобежцах, наших и Барбариных родственниках... Случалось, точки зрения упрямо расходились. Образованная и эрудированная заместительница декана Нью-Йоркского университета вдруг поражала полным провалом в элементарных знаниях. Вторая мировая война представлялась ей одной лишь высадкой десанта союзников и открытием второго фронта. Советский Союз воспринимался необъятной матушкой Сибирью. Договор об ограничении стратегических вооружений — любезной уступкой галантных соотечественников настойчивым партнерам по

переговорам. Мы объясняли и убеждали, стараясь быть по возможности тактичными и ненавязчивыми. Кое в чем убедили. Через неделю, читая по складам сложные для любого иностранца фамилии, Локхарт твердо знала, что большинство девушек-волейболисток живет в республике с труднопроизносимым для нее названием — РСФСР, а вратарь ватерпольной сборной Миша Георгадзе приехал в Колорадо-Спрингс из Грузии, главный город которой — Тбилиси. Наметились незначительные сдвиги в понимании значения ОСВ-2. «Вот уж не предполагала, что договор, оказывается, настолько важен и для вас, и для нас», — повторяла Барбара.

Локхарт самоотверженно помогала советским гостям чем только могла. С боем пробивала экскурсии. Доставала дефицитные автобусы для поездок на тренировки. Возила по городу и окрестностям в арендованном фургоне. Расставались с грустью и твердой надеждой на встречу в олимпийской Москве. Подарили Барбаре комплект открыток с видами Лужников и договорились встретиться около памятника Ленину через час после торжественного открытия Олимпиады. Я очень боялся, что никак раньше не смогу: надо будет диктовать репортаж об открытии в номер. Бояться, как выяснилось, надо было совершенно другого. Не спрашивая нашего согласия, тогдашний президент Картер самовольно отменил намечавшуюся встречу.

Некоторые недоброжелатели из олимпийского тренировочного центра стращали Локхарт: «Русские тебя одурачат. Сделают своим агентом». Барбара поведала нам об этих предупреждениях со смехом. Однако слышались в том смешке и печальные нотки.

Да, порой Америка нас удивляла. Мы тоже удивляли многих. Однажды днем решили прогуляться вместе с массажистом нашей делегации, кандидатом педагогических наук Анатолием Бирюковым. Вышли на широченную магистраль и не нашли нигде поблизости ни единой пешеходной дорожки. Выбрались на захудалую, поросшую бурьяном забыто-нехоженую тропинку. Машины сбавляли скорость, и ездоки смотрели на нас с Бирюковым как на диковинку. Мы прошагали мили три и на всем пути не встретили ни единого коллеги-пешехода. В неизвестно откуда взявшемся

одиноком велосипедисте Бирюков и я почувствовали союзника и сподвижника. Фальшиво затянули подходившую под ситуацию русскую народную песню «Выхожу один я на дорогу». Но и выйти на дорогу не дозволялось. Натолкнулись на угрожающее: «Пешеходам и велосипедистам прохода нет. Штраф...» Не желая обогащать чужую казну, проголосовали. Были доставлены в центр девушкой-водительницей, смотревшей на нас с Толей будто на людей каменного века.

Вечером у входа в «Осло» разговорились с известным борцом вольного стиля, а теперь тренером Л. Кристофом. Глядя на нескончаемый поток машин, мчащихся по дороге, он сам завел речь о том, что в США автомобиль медленно уничтожает спорт. 13—14-летние мальчишки и девчонки и не подумают сбегать в булочную напротив. Они обязательно сядут за руль родительского авто. Результат, по мнению Кристофа, тревожен. Не приученные с детства к физическим нагрузкам юные американцы стараются увильнуть от уроков физического воспитания в школе и в колледже. Тренерам не из кого выбирать и растить чемпионов. В спорт рвутся дети из малообеспеченных семей. Быстрые ноги, ловкие броски через бедро или по кольцу помогают им поступить в «приличные», по выражению собеседника, школы и университеты. Плату за обучение спортсменов вносят различные фонды, благотворительные общества, частные лица. Об этом я читал, услышать такое из уст знаменитого борца, многолетнего соперника наших Александра Иваницкого и Александра Медведя, было любопытно и познавательно.

— Олимпийский центр в Колорадо-Спрингсе и отличная возможность потренироваться для наших лучших, и приманка для молодых. — Кристоф одобрительно качает головой с по-борцовски приплюснутыми ушами. — Колорадо — семейный курорт. Сюда едут с детьми. Малыши увидят своих кумиров и захотят стать такими же сильными, как они. Не замечали? Даже кандидаты в олимпийцы — спортсмены в основном бывалые — и то по утром толпятся у большого информационного табло рядом с входом в «Хельсинки». Там вывешивают таблички с фамилиями наших великих, но только обязательно чемпионов или

призеров Олимпийских игр. Значит, знаменитости приехали или собираются приехать в тренировочный центр.

...В заключение этого рассказа об олимпийском тренировочном центре США я бы мог сделать серьезное и, боюсь, скучноватое резюме. Написать, что в Соединенных Штатах подготовке к Олимпиадам уделяется сейчас небывалое внимание. Привести еще несколько цифр и конкретных фактов. Но, по-моему, это ясно из всего моего повествования. Поэтому завершу эту главку интервью с исполнительным директором Спортивного студенческого совета США Гленом Дэвисом, фигурой в американском спорте достаточно авторитетной. В прошлом неплохой волейбольный судья, Дэвис в 1977 и 1979 годах возглавлял студенческие делегации США на Всемирных универсиадах. А руководимый бизнесменом из Канзаса спортивный союз — один из крупнейших в Соединенных Штатах.

— Почему мы заварили эту кашу в Колорадо? — Дэвис усмехается. — Потому что устали быть битыми.

— В чем вы видите главную задачу центра?

— Хотим дать возможность потенциальным олимпийцам быстрее развить свои способности и поскорее набраться опыта.

— Значит ли это, что в лагерь попадают только представители олимпийских видов спорта?

— Точно. И никаких исключений.

— Объясните, пожалуйста, поподробнее, кто из спортсменов приглашается в олимпийский тренировочный центр?

— Любая федерация имеет право заполнить письменную заявку на спортсмена, у которого есть хоть малейший шанс попасть на Олимпиаду. НОК эту заявку обязательно одобрит.

— Странно. На газоне для хоккея на траве я видел десятка три-четыре мальчишек, которым тренер терпеливо объяснял правила игры.

— Ничего странного — все верно. Некоторые виды спорта, которые в США непопулярны, выделены в особую группу. Попал в нее и травяной хоккей. Что вы хотите: на Олимпиадах здесь разыгрываются две золотые медали. В лагерь приглашаются все, у кого есть подходящие физические данные для этой игры,

достижения в других спортивных дисциплинах и желание. Тренеры ведут отбор. Способные не затеряются, если даже не знают правил.

— Раньше постоянные тренеры были далеко не у всех ваших сборных по игровым видам спорта. Или я ошибаюсь?

— К сожалению, вы правы. За месяц соревнований на сборы приглашалась какая-нибудь сильная университетская команда со своим тренером. К ней добавляли трех-четырех отличных игроков, умницу менеджера, и ребята побеждали весь мир. Сейчас так не выиграешь и Панамериканских игр: сильны кубинцы. Поэтому национальная федерация подбирает тренера сборной, а Олимпийский комитет оплачивает его работу.

— Если верить американской прессе, у вашего Спортивного студенческого совета отношения с НОК были не блестящи.

— Были, были. Теперь они ужасны.

— То есть?

— Ужасно хорошие. С 1977 года НОК согласился нас финансировать. Например, команды на Универсиаду мы отправляем за его счет. Сборы студенческих сборных в центре финансирует тоже Олимпийский комитет. Он же одевает ребят в парадную форму. В НОК понимают: половина олимпийской команды всегда состоит из студентов. Исключение составляют только девушки-волейболистки. Но это особый случай, который, впрочем, в наши дни постепенно превращается в случай рядовой и типичный.

Мяч на подачу!

За некороткую жизнь Арье Сэлинджер успел сменить несколько гражданств и профессий. В конце концов постоянным местом жительства стали Соединенные Штаты, основным занятием — обучение искусству игры в волейбол студентов колледжей и университетов. Но честолюбивому Арье быстро надоело почти что без толку возиться на занятиях с пухлячками студентами и тренировать бездарные университетские команды. Хотелось большего, гораздо большего.

И Арье Сэлинджер решил — не в первый и не в последний раз в непростой своей биографии — рискнуть.

В 1977 году в одном из калифорнийских колледжей стало на десяток студенток меньше. Было у всех десятерых нечто общее — девушки неплохо играли в волейбол и входили в состав молодежной сборной США. Остается загадкой, каким же образом удалось Сэлинджеру убедить их оставить родителей и родные места, бросить учебу и поселиться в уже хорошо знакомом нам олимпийском тренировочном центре Колорадо-Спрингса. Сэлинджер и его команда были одними из первых даже не гостей — жителей — только-только открывшегося лагеря. Здесь сравнительно молодые (средний возраст — около 23 лет) и высокие (средний рост в пересчете с футов приблизительно 180 сантиметров) девушки жили и тренировались десять месяцев в году. Команда превратилась в любимицу и НОК США, и всего города. Игроки, как того и требуют строгие правила Международного олимпийского комитета о любительстве, получали лишь небольшую стипендию. Но Олимпийский комитет США исправно снабжал их красивой цветастой формой и, главное, оплачивал все расходы, связанные с проживанием в лагере.

Болельщики души не чаяли в своей команде и даже создали специальный спортивный клуб «Бустер». Слово это переводится с английского как «горячий сторонник, большой патриот», а его жаргонное значение — «толкач» и «рекламщик».

Что ж, члены клуба действительно и горячие сторонники, и толкачи. Сотни поклонников женского волейбола отправляются вместе со спортсменками на матчи в другие города поболеть за своих. В «Бустер» вступило немало хорошо обеспеченных людей. Они аккуратно платят небольшие членские взносы и с энтузиазмом поддерживают собственное детище. Мне рассказывали, что большинство волейболисток были приняты на работу в самые различные фирмы, получали приличные зарплаты, а трудовой деятельностью с согласия хозяев себя не особенно утруждали. Болельщики из «Бустера» всегда приходят на помощь волейболисткам. Кто побогаче, дает им минибусы для поездок на соревнования, кто просто продает в свобод-

ное время билеты на состязания и посвященные команде программки или значки.

Богатые покровители решили: пусть спортсменки все-таки получат образование. Команду зачислили в колледж. Но с учебой что-то не получилось. Зато тренировались вовсю. Два раза в день Арье Сэлинджер собирал их в спортивном зале на территории центра. Ни одна другая сборная США не пыталась соперничать с женской волейбольной командой: ей и только ей предоставлялось самое удобное для тренировок время. Каждое занятие проходило так, будто оно было последним и самым важным перед Олимпиадой. За каждым, порой безнадежным мячом волейболистки бросались, словно разыгрывалось последнее очко в пятом заключительном сете олимпийского финала. Дублеры тянулись за лидерами, а на тренировках даже превосходили их в самоотверженности, самоотдаче.

В сборной сияло две ярких звезды. Маленькая Дебби Грин выделялась точнейшими пасами. Негритянка Фло Хаймен — мощнейшими атакующими ударами. Рост этой спортсменки — 196 сантиметров, но как же она подвижна, как гибка! Фло крайне популярна и в то же время как-то скромна на площадке. Этого никак не скажешь о ее подругах. И хотя, когда шла игра, ребята из «Бустера» не замолкали ни на секунду, девушки-волейболистки мало уступали им по крикливости. Чуть не после любого выигранного мяча вся шестерка собиралась у сетки. Начинались бесконечные похлопывания по плечам и другим местам, с площадки и со скамейки запасных неслись громкие похвалы в адрес удачно сыгравшей волейболистки. Девушки обменивались легкими ударами по ладошкам, аплодировали подругам. Все действия соперниц, но не судей, оживленно комментировались иногда с применением набора чисто мужских выражений. Игроки часто подсказывали друг другу, как бы «заводя», заряжая себя на борьбу. Я бы сравнил эту сборную с неутомимым оптимистом-говоруном, не дающим себе ни секунды передышки.

Но мне понравилось другое. В случае неудачи или промаха никто не корил виновную. Раньше в американских национальных сборных я такого что-то не

замечал. Одна из специальностей Арье Сэлинджера — психология. Говорят, ему удалось создать в команде благоприятную психологическую обстановку. Сдружить не совсем склонных к дружбе спортсменок. Внушить волейболисткам, что им по силам бороться с любой командой и на любом турнире. На удивление быстро сборная из не принимаемого всерьез новичка превратилась в опасного соперника. На первенстве мира 1978 года лишь в пятом сете уступили японкам. Стали бронзовыми призерами мирового первенства-82.

А еще недавно любительский волейбол не пользовался популярностью среди спортсменов, ни тем более среди зрителей. За короткий срок волейболистки сделали не шаг, сразу два вперед. Интересно, что мужская сборная США так и не добилась каких-либо заметных успехов. Мужчин-волейболистов тоже собирались пригласить на постоянное жительство в Колорадо-Спрингс, но покровителей не нашлось. Зато нашлись они у других сборных.

Спортсменам начала семидесятых такое почудилось бы сладким сном или фантастическим эпизодом из слащавой киноленты. Тогда любительский спорт США с безнадежной регулярностью терял около половины спортсменов — выпускников колледжей и университетов. Стоило покинуть альма-матер, и они в буквальном и переносном смысле оказывались на улице. Колледжам собственные выпускники были абсолютно не нужны, ибо к студенческим состязаниям не допускались. Оставаться в спорте на свой страх и риск без какой-либо помощи, выплачивать деньги за поездки на соревнования, пользование тренировочными залами, инвентарем... было не по карману даже неплохо обеспеченным.

Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» признавал: «За исключением обучающихся в колледжах на спортивные стипендии, американские атлеты тренируются за собственный счет до того, пока не попадут в олимпийскую команду на время отборочных состязаний, которые организуются всего за несколько недель до начала Олимпийских игр. Многие бросают работу, идут в неоплачиваемые отпуска, чтобы принять старт в предолимпийском отборе. Раньше они не получали никакой компенсации за пропущенное рабочее время».

В летних видах спорта талант, умноженный на изнурительное упорство, изредка, но выводил в звезды первой величины. Получались дивиденды — известность и ее неизменный американский спутник — деньги. В зимних видах не спасала никакая одаренность. Занятия бобслеем, фигурным катанием, санками, горными лыжами в Америке — привилегия элиты. Неизвестно, кто или что обходится дороже — оборудование ли, услуги ли модных тренеров. Не требовалось сложных исследований, чтобы определить: дочь рабочего из Детройта, конькобежка Шейла Янг-Оковиц была белой вороной в скопище детей миллионеров и близко к ним стоящих, которые входили в состав сборных США на Олимпиаде-76 в Инсбруке.

Олимпийские поражения — регулярные, а оттого еще более обидные, заставили задуматься над причинами и способами борьбы с ними сначала руководителей НОК США, а потом и членов федерального правительства. Как же! «Самая богатая» и «самая свободная» страна терпела на спортивных аренах одну неудачу за другой. Престиж американского спорта в глазах общественного мнения быстро падал, тускнел. Рупор НОК журнал «Олимпиэн» взывал: «В сегодняшнем мире напряженности и недоверия демонстрация силы США во всех видах спорта необходима для укрепления наших отношений со многими странами, для которых мощь США в олимпийских соревнованиях служит мерилом национального характера... Целеустремленное движение Советского Союза к первенству во всех видах программы... вызвало к жизни новую перспективу».

И Национальный олимпийский комитет пустился во все тяжкие. Будто заправский биржевый маклер, занялся непростыми финансовыми операциями: закупал акции промышленных компаний, вкладывал капитал в государственные ценные бумаги... Вырученных долларов катастрофически не хватало. Тогда отцы американского любительского спорта кинули клич: подайте кто сколько может. Призыв не остался гласом вопиющего в каменной пустыне небоскребов. В банковском счете НОК олимпийская дистанция между Мюнхеном и Монреалем отмечена денежными взносами 275 тысяч частных и, без сомнений, благородных жер-

твователей. На отрезке Монреаль — Москва помощников у спортсменов прибавилось. 10 миллионов — вот общая сумма взносов от всех добровольцев, организованно действующих во многих городах с не меньшей энергией, чем знакомые нам члены клуба «Бустер» из Колорадо-Спрингса.

Включился в олимпийскую игру и его американское величество Биг Бизнес. Как всегда, цели у него были сугубо специфические, от филантропии и любви к спорту далекие. НОК США заключил соглашение о поддержке и финансовой помощи с полусотней фирм-покровителей, по-американски — спонсоров. В отличие от спортсменов, которым еще только предстояло доказать право на место в сборной, эти действовали наверняка. Суммы, затраченные на помощь будущим олимпийцам, автоматически вычитались из налоговых платежей компаний и корпораций. Одним ударом, точнее, банковским чеком убивалось сразу несколько зайцев. Уплачивались налоги. В глазах спортсменов и многочисленных болельщиков формировался чистый и незапятнанный образ добреньких дяденек-промышленников. Рекламировались выпускаемые ими товары.

К более или менее постоянным спонсорам — «Кока-коле», «Пепси-коле», «Арене» — добавились настырные покровители-новички. Еще в олимпийском лагере меня удивили попадавшиеся через шаг рекламы фирм «Макдональдс» и «Бергер Чейн», владеющих сетью закусочных и бутербродных. Хотя чему тут было удивляться — реклама двигала если не американский любительский спорт, то уж торговлю — наверняка. Поразило появление двух относительно щедрых спонсоров — «Миллер Брюинг» и «Анхайзер Буш». Оба пивоваренных магната с удовольствием грели загребущие ручищи у олимпийского огонька. Одно только хранение алкогольных напитков в тренировочном центре, если вы помните, строжайше каралось. Но рекламные кружки с изображением пенного напитка были заботливо расставлены в каждой комнате. Перед поездками на соревнования спортсменам вместе с экипировкой вручали какой-нибудь сувенир, на котором красовалось название очередного сорта пива.

Нужда и чувство юмора полностью побороли щепе-

тильность. Дары принимались и от иностранных фирм. Тут уж каждому было понятно: патриотизм ни при чем. Гонятся только за рекламой. Однако миллион долларов, переданных в фонд подготовки американских олимпийцев японской автомобильной фирмой «Тойота», приняли не моргнув глазом, будто от своей исконной «Дженерал моторс».

Очень пригодилась кандидатам в олимпийцы и тщательно продуманная «программа по обеспечению работой». Свыше сотни корпораций согласились предоставить сильнейшим спортсменам рабочие места и время для тренировок. Я рассказывал, как «трудоустроили» девушек-волейболисток. Приблизительно так же пристроили и многих других. Например, прыгунья в длину Марта Уотсон числилась служащей «Сезарс Пэлис» в Лас-Вегасе. Целая группа легкоатлетов якобы неустанно трудилась в чикагской «Кантин Корпорейшн»...

Вспомним к тому же о шестнадцати миллионах долларов, выбитых НОК из федерального правительства. Все эти правдами и полуправдами добытые деньги и позволили Национальному олимпийскому комитету резко изменить привычные методы работы. Главной его заботой стала не просто подготовка уже отобранных команд и спортсменов, самостоятельно достигших высочайшего класса. Упор делался на развитие, воспитание резервов, создание благоприятных условий для совершенствования способностей талантливых новичков.

Свидетелем сдвигов и разительных перемен довелось быть и мне, попавшему в далекое Колорадо. И кто бы мог подумать, что 12,5 миллиона долларов, затраченных НОК США только на подготовку олимпийцев московского призыва, были выброшены на ветер. Но об этом позже. Пока же скажу: и тогда меня не покидало ощущение какой-то неясной боли, непонятного беспокойства за американских спортсменов. Сейчас, задним числом и умом, знаю, что же настораживало и тревожило. Парадокс — любительский спорт США, становясь на ноги, терял самостоятельность, крепче и крепче завязая в липких объятиях большого бизнеса. Он был закуплен на корню, снизу и доверху. Постучись в дверь беда, и никто бы не протянул ему

ни руки, ни соломинки, за которую с отчаяния хватается утопающий. Беда постучала через год.

Мы же столкнулись со сложностями за несколько дней до отъезда из Колорадо-Спрингса.

Провокация

Все неприятности везде и всегда начинаются со слова «вдруг». Эта тоже подкралась нежданно. Что-то изменилось незаметно и чуть уловимо. Послышались перешептывания. Я спиной ощущал непонятные взгляды, в которых было нечто большее, чем привычное любопытство. Что же происходило?

Вместе со спортсменами США мы жили за высокой изгородью тренировочного центра. Вход — по пропускам. Выход за территорию — свободный, но в Штатах пешком, как вы поняли, особенно не погуляешь. Будущих олимпийцев информацией не перегружали: радиоприемники в комнатах были отключены, единственный телевизор испорчен, и чинить его не собирались. Стопка газет, закладываемых в автомат у столовой, раскупалась моментально. А кое-кто поглядывал на нас уже с откровенной неприязнью.

Местная газетенка, выхваченная из-под руки какого-то тренера-американца, прояснила многое. И косые взгляды, и перешептывания не были плодом разыгравшейся фантазии. На первой полосе рядом с привычно-одиозными антисоветскими высказываниями президента Картера была помещена статья о том, будто одна из пассажирок аэрофлотовского рейса покидает Соединенные Штаты не по «доброй воле», ее якобы «насильно» увозят в Москву, «не считаясь с принципами гуманности».

Эти домыслы заслуживали бы лишь презрительной усмешки. Подумалось, что материал написан шаблонно. Набор заштампованных фраз набил оскомину. Представление разыграли по законам дешевенького вестерна. Ил-62М со 112 пассажирами на борту готовился к взлету, когда его окружила воющая стая полицейских машин. Какой-то шоферюга подогнал бензозаправщик прямо под колеса. Потеряв остатки стыда, забыв о приличии, прямо в самолете женщину

склоняли к невозвращению на Родину, совали заранее приготовленный американский паспорт.

Но она держалась твердо, как и все советские люди, находившиеся в лайнере. А было среди них 24 женщины и 13 детей. Издевательство продолжалось третьи сутки...

Нас же ждал матч женских волейбольных сборных СССР — США в Денвере. Этому городу в Америке дали кличку «олимпийского неудачника». Еще до войны Денвер сражался с Лейк-Плэсидом за право принять Белую Олимпиаду 1932 года. Проиграл и сравнительно недавно сделал новую попытку пробиться в олимпийцы. Победив канадский Ванкувер, Гранаду (Испания), швейцарский Сьон и знаменитое Лахти, Денвер заполучил зимние Олимпийские игры 1976 года. То, что произошло накануне Игр-76, иначе, чем конфузом, не назовешь. На Денвер и его жителей снизошло позднее прозрение. Поняв, что олимпийская ноша не по силам, город чуть не в последний момент отказал Олимпиаде.

Вежливо распрощались с хозяевами олимпийского тренировочного центра, уселись в микроавтобусы и... очутились в другом мире. Водитель включил радио, и, на какую бы кнопку приемника он ни нажимал, отовсюду лилось нещадное вранье. Несколько часов отмеривал автобус длинные мили по широченной автостраде Колорадо-Спрингс — Денвер. И все это время я выслушивал удивительную мешанину из откровенной лжи и фантастических небылиц о нашей стране. Изредка мутный поток читаемых по бумажке слов прерывался — передавали сообщения из нью-йоркского аэропорта Кеннеди. Радиожурналист окончательно заврался: команда самолета из одиннадцати человек, присланных специально за единственной пассажиркой, вот уже 70 часов держит ее в плену.

— Богатая у вас страна, — рыкнул на меня шофер. — Гонять такую махину за океан ради бабы.

— Да это регулярный рейс, — возмутился я. — На борту 112 пассажиров.

— Откуда вы знаете? — в голосе неподдельное удивление.

— Ваши газеты и писали.

— Да? Значит, так и есть, — неуверенно согла-

сился собеседник. — Наверно, не все здесь, как они говорят, — кивок на радио. — Но много из рассказов о русских — правда. Всего не напридумываешь.

— Как могут у вас передавать такую околесицу?

— А у нас свобода слова, — заученно-бессмысленно отпарировал водитель.

Свобода чего? Свобода безнаказанно врать? Свобода с выгодой для себя проповедовать ложь? Или санкционированная свобода затыкать рот несогласным с этой «свободой»? Каким эпитетом охарактеризовать натренированных писак, пытающихся сорвать куш покрупнее с грязной пены антисоветизма? Обывателю без устали морочат голову нелепицами о «коварных русских». Американцам практически не дано узнать правду о СССР.

Первый раз я побывал в США в 1976 году. В то время в газетах и журналах еще проскальзывали заметки и информации, в которых хотя бы между строк можно было почерпнуть относительно объективные, не сдобренные ядовито-злобной ложью сведения о Советском Союзе. Теперь исчезли и они.

А ведь при всем уважении к энергии, практичности и деловитости американцев их никак не назовешь любознательными. Сознательно вдолбленное с детства «Америка — лучшее и самое богатое государство мира» едва ли не начисто убивает интерес к другим странам. Даже солидные ученые, с которыми общался, гордо щеголяли познаниями типа: «В России два больших города — Москва и Петербург. И у нас в США есть города с этими именами». Мой нехитрый рассказ о том, что в состав СССР, помимо России, входят еще 14 союзных республик, был для слушателей целым откровением. Конечно же, в последние годы знаний о Советском Союзе не прибавилось. «Независимые» средства массовой информации косяком выплескивали на газетные полосы и телеэкраны потоки клеветы.

В Денвере я столкнулся с представителями свободной прессы лицом к лицу, лоб в лоб. Мы не назначали свидания и не просили о встрече. Еще в олимпийском центре нас предупредили: будете жить в «Рамаде Инн». Легко догадаться — предупредили и других. На площадке перед длинным двухэтажным отелем столпотворение. Нашему минибусу негде при-

парковаться. По-хозяйски обосновались здесь здоровенные фургоны телевизионщиков. В беспорядке брошены десятки автомобилей с надписью «Пресса» на ветровых стеклах. Фотокоры, по интернациональной привычке предпочитающие снимать с высоты, залезли на фургоны и второй этаж «Рамады». Вокруг нас толкотня, водоворот. Давка, склоки локального значения. Оттирают друг друга, работают локтями и тыкают чуть не под нос микрофоны.

— Как отнеслись бы ваши волейболистки к предложению остаться в США навсегда? — наглый вопрос рвался из репортерской сутолоки.

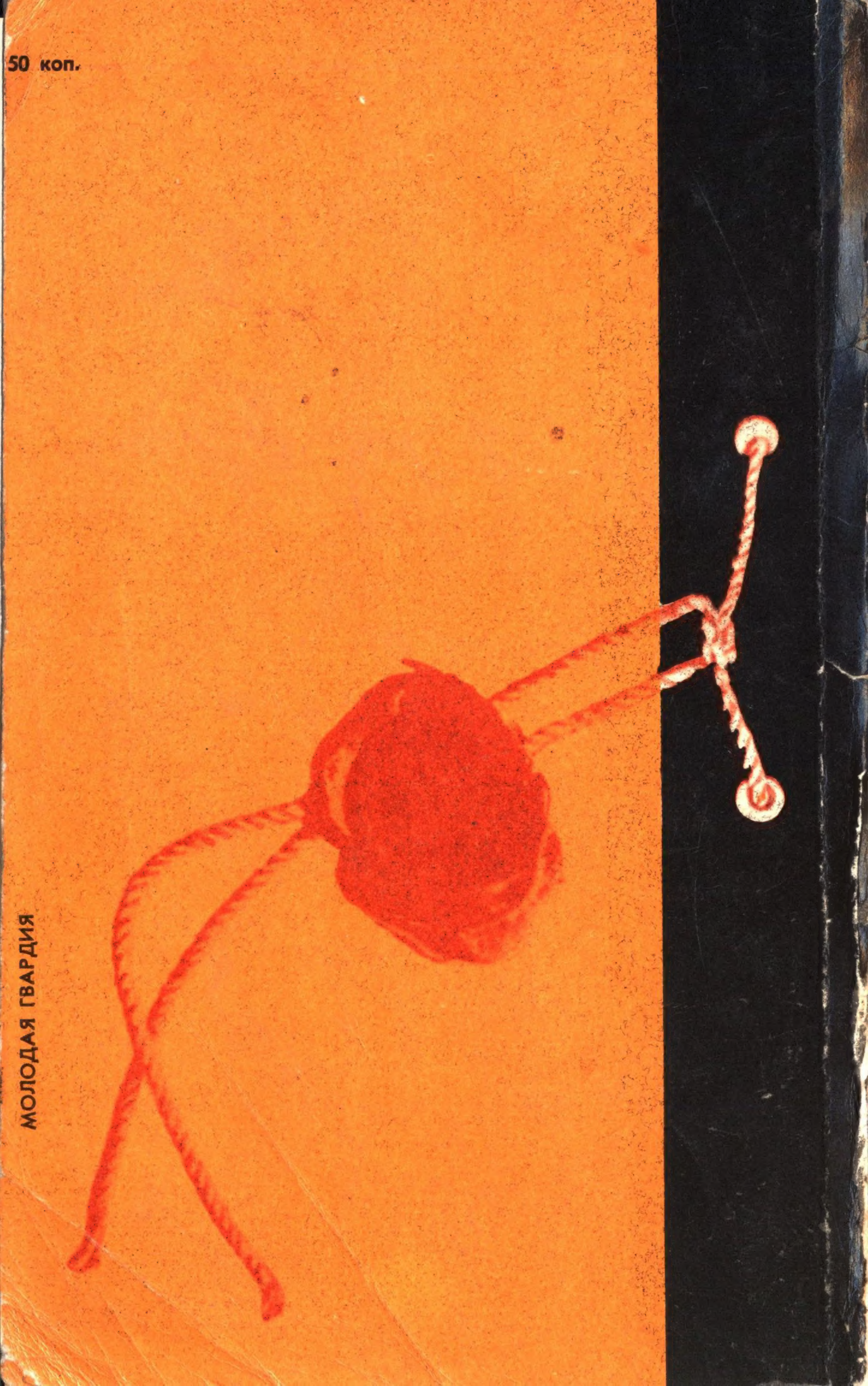
Кого только не было в растревоженном муравейнике. Мелькали аккуратные проборы благообразных — на вид — комментаторов. Поддавали жару выкрикивающие какую-то гнусь на одной им понятной мешанине из русских и английских слов старики белоэмигранты. Без церемоний отталкивали их сопливые джинсовые мальчишки-телевизионщики. А они лезли и лезли — очень хотели подзаработать. Рыжий детинище — звукооператор в наушниках — почему-то вызвал у меня приступ бешеной ненависти. Хотя знаю почему. «Эй, — орал он. — Отвечайте громче в трубку. Это — микрофон. Ясно?»

Понимая, что опускаюсь на один уровень с хамом, все равно не стерпел. В первый раз в жизни за границей не выдержал: «Уберите рыжего! Откуда он у вас такой наглый — из цирка?» Журналисты рассмеялись примитивнейшей шутке. Рыжий опешил. Во мне клокотало: «Кому говорю, убери микрофон под названием труба, — микрофон плясал в дрожащей руке у моих губ. — Кто нанял глухого звукооператора? Пока клоун не уберет игрушку, не ответим ни на один вопрос. Конец пресс-конференции, — объявил я. — Ребята, зря вы сюда тащились. Этот рыжий вас никого не уважает», — вырвался сам по себе неизвестно откуда взявшийся русицизм. Странно: это и сделало погоду — рыжего вытолкнули.

Инициатива перешла к нам. Девочки-волейболистки были уже на втором этаже — расходились по номерам. На площадке остались мы со старшим тренером сборной Николаем Васильевичем Карполем.

По тому, как и о чем спрашивали, я понял: кол-

50 коп.
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Николай Долгополов